ЛОРДЪ ЧЕСТЕРФИЛЬДЪ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ЕГО ПИСЕМЪ КЪ СЫНУ Д-РА К. МЮНДИНГА.

ХОРОШІЙ ТОНЪ

или

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

и

ЗНАНІЕ СВѢТА.

Сборник правилъ и совѣтовъ въ общественной жизни, какъ для высшаго, такъ и для средняго и торговаго классовъ.

Изданіе А. Дюсаръ-де-Невиль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ГАЗЕТЫ „РОДИНА“.

1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 января 1887 г.

Типографія „Петерб. газ.“, Владимірскій № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія появленія писемъ Честерфильда.—Личность лорда Честерфильда. — Значеніе его жизненной мудрости и знанія свѣта.—Образъ дѣйствій, съ точки зрѣнія цивилизаціи.—Сужденіе Гетнера о Честерфильдѣ.—Къ исторіи аристократической жизненной философіи. — Отношенія ея къ культурѣ буржуазіи. — Условная ложь. — Соціальная этика. — Методъ обработки издателей.

Въ 1774 году въ Лондонѣ было опубликовано сочиненіе, которое возбудило всеобщее вниманіе во всемъ англійскомъ обществѣ. Это было неслыханное до того времени литературное событіе и цѣлый годъ было предметомъ публичныхъ диспутовъ. Ему удивлялись, изумлялись, даже бранили, а, всетаки покупали. Три изданія выдержало оно въ теченіи одного года. Три раза выдерживало оно горячую критику. Это была во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная книга, замѣчательная по содержанію и по ея внѣшней исторіи.

Отецъ пишетъ своему сыну самыя скромныя письма. Сынъ намѣревается вступить въ большой свѣтъ, который обѣщаетъ ему блестящую карьеру. Нѣжно любящій его отецъ сглаживаетъ ему этотъ путь. Человѣкъ умный, вполнѣ свѣтскій, имѣющій за собою почти пятидесятилѣтнюю опытность, человѣкъ, проницательнымъ взоромъ проникавшій въ свѣтъ и людей, говоритъ неопытному юношѣ, чтобы преподать ему тѣ знанія, которыхъ не избѣгъ никто, но которыя почти всѣ должны искупить кровью въ буряхъ, нуждахъ и печаляхъ житейскихъ.

Корреспонденція велась цѣлые годы. Содержаніе писемъ возростаетъ мало-по-малу въ цѣлую систему жизненной мудрости и знанія свѣта. Все снова и снова натягиваются новыя струны. Тѣмъ временемъ умираетъ достигшій уже зрѣлаго возраста сынъ. Пять лѣтъ спустя, умираетъ за нимъ и отецъ. Это было въ 1773 году. Едва могила закрылась за послѣднимъ, какъ письма его появляются въ свѣтъ. Вдова сына продаетъ ихъ всѣ гуртомъ книгопродавцу за громадную сумму въ 1575 фунтовъ стерлинговъ. А въ 1774 году они стали уже общественнымъ достояніемъ. Въ салонахъ высшаго общества и во всемъ литературномъ мірѣ говорятъ о „Письмахъ лорда Честерфильда къ своему сыну“.

Вотъ въ чемъ внѣшняя исторія возникновенія этого замѣчательнаго произведенія. Это не безполезно, что мы поближе познакомимся съ личностью автора, прежде чѣмъ

приступимъ къ характеристикѣ внутренняго значенія этого произведенія.

Авторъ этихъ писемъ принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ родовъ Англіи. Филиппъ Дормеръ Стенгопъ, четвертый графъ Честерфильдъ, родился въ Лондонѣ 22 сентября 1694 года. Въ домѣ своихъ родителей получилъ онъ начало своему необычайному образованію. Шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ къ Кембриджскій университетъ, гдѣ занимался преимущественно изученіемъ классиковъ. Но духъ, господствовавшій тогда въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи, не могъ удовлетворить его. Ученый педантизмъ ему не нравился, его неудержимо влекло въ среду свѣтской жизни.

Въ 1714 году онъ выѣхалъ изъ Англіи для того, чтобы объѣхать всю Европу. Онъ обладалъ замѣчательной способностью соединять полезное съ пріятнымъ. Проѣзжая различныя страны, онъ въ одинаковой степени изучалъ ихъ и наслаждался самъ. Онъ былъ въ одно и то-же время и наблюдателемъ, и жуиромъ. Онъ испивалъ чашу наслажденій до дна, такъ же точно какъ былъ одушевленъ желаніемъ усвоить себѣ и всевозможныя знанія.

Въ салонахъ парижскаго общества онъ развивается въ наисовершеннѣйшаго свѣтскаго человѣка, который знаніями своими импонируетъ мужчинамъ, а очаровательной любезностью привлекаетъ женщинъ. Онъ покоряетъ

всѣ сердца. Никто, хоть разъ его видѣвшій, не устоялъ передъ очарованіемъ его.

Богатый опытомъ, виртоузъ свѣтскаго образованія, онъ возвращается въ Англію по вызову генерала Стенгопа, чтобы поступить въ придворный штатъ принца Уэльскаго. Вскорѣ послѣ того его выбираетъ своимъ представителемъ въ парламентѣ мѣстечко Сенъ-Жерменъ, хотя онъ и не достигъ еще установленнаго закономъ возраста. Какъ въ общественной жизни, такъ и въ этой сферѣ, онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ людей и властвовать надъ ними. По смерти его отца, для него открылись двери высшаго парламента, гдѣ онъ имѣлъ многочисленные ораторскіе тріумфы. Рѣчи его отличались силою мысли, необыкновенно изящнымъ слогомъ и легкимъ и привлекательнымъ способомъ изложенія.

Въ 1728 году Вальполь послалъ его, въ качествѣ посланника, въ Гагу, гдѣ онъ оставался до 1732 года. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ вице-королемъ Ирландіи. Его управленіе было образцовымъ; это были лучшіе дни, какіе только видѣла эта несчастная страна за все время владычества надъ нею Англіи. Въ октябрѣ 1746 года онъ назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ. Это была его послѣдняя общественная должность. Продолжительный сосредоточенный трудъ подорвалъ его здоровье. Онъ вернулся къ частной жизни. Послѣдніе его годы до смерти сына были посвящены послѣднему,

друзьямъ и наукѣ. Онъ умеръ 24-го марта 1773 года, 79 лѣтъ отъ роду.

Немного людей, говоритъ одинъ изъ старѣйшихъ его біографовъ, которые прошли-бы столь блестящій путь. Онъ обладалъ рѣдкимъ счастьемъ достигать всего, къ чему стремился. Произойдя на свѣтъ со всѣми преимуществами рода и состоянія, онъ имѣлъ отъ природы красивую, благородную наружность, которая возвышалась еще изяществомъ и пріятностью маперъ, и другими вспомогательными средствами образованнаго человѣка. Другой писатель, Мати, говоритъ о немъ слѣдующее: «Ни одинъ изъ его современниковъ не могъ сравниться съ нимъ въ разнообразіи талантовъ, въ привлекательности ума и пріятности обращенія. Будучи одновременно свѣтскимъ и дѣловымъ человѣкомъ, онъ никогда не позволялъ удовольствіямъ наносить ущербъ дѣлу. Его парламентскія рѣчи закрѣпили за нимъ славу какъ оратора; краснорѣчіе его имѣло своеобразный, привлекательный характеръ. Въ своей общественной жизни онъ былъ честенъ, твердъ, добросовѣстенъ, въ частной-же—откровененъ и полонъ любви, и въ той и въ другой любезенъ, общителенъ и миролюбивъ».

Въ Соудзъ-Одли-стритѣ, въ западной части Лондона, и теперь еще стоитъ его замокъ, который своимъ простымъ, но замѣчательнымъ изяществомъ живо напоминаетъ о его строителѣ.

Но прекраснѣе и вѣковѣчнѣе есть памятникъ, который воздвигнулъ себѣ Честерфильдъ своими письмами. Они причисляются къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ всемірной литературы и къ оригинальнѣйшимъ произведеніямъ. За исключеніемъ «Исповѣди» Руссо, я едва-ли могъ бы указать другого писателя, который такъ открыто говорилъ бы, какъ Честерфильдъ. Но взгляды обоихъ существенно различны. Руссо—дитя новаго вѣка, революціонной эры, которая разорвала свои связи съ стариной и съ надеждой глядитъ въ будущее, гдѣ все иначе, все должно идти лучше. Онъ идеалистъ, котораго ослѣпляютъ лучи восходящаго свѣтила. Честерфильдъ же, напротивъ, есть представитель зрѣлаго, вполнѣ законченнаго культурнаго духа, сдѣлавшагося разумнымъ и недовѣрчивымъ, какъ старецъ, который не борется уже болѣе противъ неизмѣннаго, а заключилъ союзъ съ властью, которая хотя ему и непріятна, но которой онъ добровольно покоряется, потому что сознаетъ, что она сильнѣе его. Честерфильдъ—реалистъ.

Этимъ доказываются два главныя качества его жизненной мудрости: она освѣщаетъ и беретъ людей такими, каковы они есть, и указываетъ путь, который ведетъ къ миру. Артуръ Шопенгауэръ есть Честерфильдъ, остановившійся на полупути. Философъ пессимизма, онъ также глубоко понималъ человѣческую природу, но не указалъ способа примиряться съ ея недостатками и отыскать modus

vivendi. Его идеаломъ было и осталось полное отчужденіе отъ общества. Но вѣдь настоящее культурное развитіе заключается именно въ общественныхъ сношеніяхъ; чѣмъ болѣе соприкасаются люди въ ихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересахъ, тѣмъ быстрѣе идетъ культурное движеніе. Рѣдко можетъ человѣкъ, живущій совершенно одиноко, произвести что-либо великое, а замкнутые народы—мертвые народы.

Здоровые же индивидуумы и народы, напротивъ, заключаютъ сношенія. Но они знаютъ также, что жизнь есть борьба за существованіе и можетъ смягчиться лишь цивилизаціей. Обычай есть религія общества, по которой всѣ должны жить; она есть общественная власть, которая овладѣваетъ каждымъ, вступающимъ въ общественный кругъ. Что прежде понималось подъ именемъ религіи, не обладаетъ уже этимъ могуществомъ. Религіозное сознаніе есть, равно какъ и нравственность, совершенно индивидуальная вещь. Большинство придерживается мнѣнія Фридриха великаго, который, какъ извѣстно, дѣлалъ всякаго счастливымъ на свой ладъ.

Высшая цивилизація создаетъ всегда и болѣе утонченныя формы общежитія. Грубые нравы свойственны невѣжественнымъ народамъ и дурно воспитаннымъ индвидуумамъ. А потому, если хотятъ узнать, на какой ступени цивилизаціи стоитъ народъ, надо только изучить нравы его, обращеніе и образъ жизни. Грубые, неполу-

чившіе вполнѣ хорошаго воспитанія люди никогда неспособны стать во главѣ. Они могутъ вызвать революцію со всѣми ея ужасами, но впослѣдствіи сами уничтожаютъ другъ друга, какъ дикіе звѣри.

Жизненную мудрость Честерфильда называли „свѣтской философіей", которая занималась лишь внѣшностью. „Изъ десяти человѣкъ, говоритъ знаменитый историкъ литературы, Геттнеръ, которые соглашаются съ этимъ мнѣніемъ, развѣ одинъ знаетъ эти письма по собственному изученію. Совершенная истина, что эта книга заключаетъ въ себѣ чистое сокровище самыхъ тонкихъ наблюденій и правилъ жизни. Въ ней говоритъ намъ тонкій, опытный и пріятный умъ".

Впрочемъ аристократическіе нравы есть продуктъ реальной жизненной философіи, которая наслѣдственно передается отъ одного поколѣнія къ другому и въ этомъ наслѣдованіи постоянно утончается. Такъ что философія эта выросла и образовалась изъ отношеній. Она не просвѣщаетъ міръ, она сама по себѣ. Буржуазія, конечно, внесла значительную культуру, но она не создала никакихъ особенныхъ формъ общежитія и склонна къ подражанію аристократіи. Это извѣстно, что современное общество развилось въ нѣдрахъ буржуазіи, а аристократія въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ была оттѣснена ею на задній планъ. Но здѣсь, какъ и вездѣ, побѣдитель усвоилъ нравы побѣжденныхъ. И чѣмъ больше успѣхи, которые мы дѣлаемъ

въ общественномъ уравненіи, тѣмъ аристократичнѣе становятся наши нравы. Чѣмъ ближе сталкиваются люди, тѣмъ болѣе должны они заботиться, чтобы не удариться головой.

Теперь наступаетъ время, когда, такъ называемая, „условная ложь культурнаго человѣчества входитъ въ плоть и кровь. Но она вовсе не вредна, это соціальная добродѣтель, безъ которой высокоцивилизованное общество существовать не можетъ“. Однажды принявшись изучать эту тему и думая объ изслѣдованіи ея, я открылъ письма Честерфильда. Глубина его знанія людей сильно увлекла меня. Я все болѣе и болѣе заинтересовывался его книгой, пока окончательно сталъ выписывать изъ нея лучшія мѣста. Однажды я нашелъ, что исчерпалъ всѣ собранные въ этихъ письмахъ правила и совѣты. Тогда мало-по-малу я собралъ вмѣстѣ эти разбросанныя мысли, какъ частицы мозаики, и соединилъ ихъ въ одно цѣлое. Хотя я, можетъ быть, и не совсѣмъ точно передалъ кое-что, но нигдѣ не поступился противъ духа подлинника. Хоть кое-гдѣ я и позволялъ себѣ придать болѣе современности выраженіямъ и примѣрамъ, а что мнѣ показалось устарѣлымъ вовсе опустилъ, но впрочемъ очень мало. Вообще въ письмахъ Честерфильда скрываются истины, которыя всегда и повсюду будутъ цѣниться, потому что свѣтъ, изъ котораго онѣ взяты, почти таковъ и теперь и, въ сущности, во времена Честерфильда былъ не лучше и не хуже.

Насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще изъ писемъ его, которыя считаются сотнями и заключаютъ разнообразнѣйшія вещи, никто не извлекъ достойнаго вниманія и не занялся самъ его обработкой. Я сдѣлалъ это и очень буду радъ, если тѣмъ поспособствую дальнѣйшему распространенію жизненной мудрости и знанія свѣта лорда Честерфильда. Считаю излишнимъ прибавлять что-либо въ похвалу ихъ. Люди знающіе будутъ имъ сочувствовать, а умные поступать по ихъ указаніямъ.

Д-ръ Карлъ Мюндингъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Глава I.

Умственное развитіе.

Честолюбіе. — Тщеславіе, какъ факторъ умственнаго развитія. — Значеніе внимательности. — Сосредоточеніе. — Пользованіе временемъ. — Раннее вставаніе. — Чтеніе. — Система въ чтеніи. — Цѣлесообразность и основательность дѣяній. — Различные темпераменты. — Тяжелый характеръ. — Веселый характеръ. — Любознательность. — Предубѣжденіе и убѣжденія. — Полуобразованность. — Жажда образованія. — Накопленіе научныхъ знаній. — Излишнее обремененіе ими. — Оцѣнка чужихъ сужденій. — Самостоятельность сужденій.

Честолюбіе есть сокровенный источникъ человѣческихъ дѣяній. Въ виду этого человѣкъ долженъ быть честолюбивымъ; онъ долженъ быть окрыляемъ стремленіемъ выдвинуться и блистать; онъ долженъ быть дѣятеленъ, неутомимъ, долженъ, какъ Цезарь, не ставитъ ни во что уже сдѣланное, пока остается еще сдѣлать что-нибудь. Какъ безъ желанія и стремленія понравиться, ты никогда не понравишься, такъ и безъ

честолюбія ты никогда не будешь ничѣмъ. Оно есть сила ума. А гдѣ есть умъ, тамъ нѣтъ недостатка въ божественной помощи. Это истина неоспоримая во всѣхъ отношеніяхъ. Я убѣжденъ, что каждый человѣкъ со здравымъ умомъ, надлежащимъ образованіемъ, усердіемъ, внимательностью и трудомъ можетъ сдѣлаться кѣмъ угодно, кромѣ поэта, впрочемъ, ибо сіи послѣдніе родятся.

Честолюбіе человѣка ограниченнаго будетъ выражаться въ стремленіи имѣть хорошіе экипажи, лошадей, хорошій домъ и хорошую одежду, словомъ, въ стремленіи обладать вещами, которыми каждый, имѣя деньги, можетъ обладать такъ-же, какъ и онъ, ибо ихъ можно купить. Наоборотъ, честолюбіе развитого человѣка будетъ стремиться къ славѣ знаній, любви къ истинѣ и добродѣтели, т. е. къ такимъ качествамъ, которыхъ нельзя купить, но которыя можно пріобрѣсти при хорошей головѣ и хорошемъ сердцѣ. Въ высшей степени похвально то честолюбіе, которое заставляетъ человѣка стремиться превзойти другихъ своими достоинствами и способностями, и глупѣйшее, смѣшное честолюбіе то, которое стремится выразиться лишь въ общественномъ положеніи, одеждѣ и внѣшней представительности!..

Въ немъ выражается тщеславіе или, говоря мягче, страсть вызывать похвалы и удивленіе, пожалуй, наиболѣе

обычный двигатель всѣхъ человѣческихъ дѣяній. Я подразумѣваю не лучшія, напротивъ, долженъ сознаться — зачастую глупыя и даже преступныя! Часто впрочемъ оно-же является причиною хорошихъ поступковъ, почему, все-таки въ виду натуры человѣческой и воздѣйствія его на нее, приходится цѣнить это чувство; хотя хорошимъ дѣламъ, конечно, лучше было-бы возникать и изъ хорошихъ источниковъ. Гдѣ же недостаетъ этого чувства, тамъ мы становимся ко всему равнодушными, безпечными, апатичными, недостаточно пользуемся своими силами и въ такой-же мѣрѣ падаемъ, въ какой самый тщеславный изъ людей могъ-бы пожелать вознестись.

Вѣрнѣйшій путь разобраться въ чемъ-либо—это упорная, сосредоточенная внимательность. Она сокращаетъ время, необходимое для исполненія. Долгое, упорное, кропотливое прилежаніе — дѣло ограниченныхъ головъ. Здравый разсудокъ обращаетъ на предметъ надлежащее вниманіе и живо постигаетъ его. Тотъ, кто не можетъ сосредоточить на предметѣ всего своего вниманія, кто не можетъ поставить требованіе минуты выше всего прочаго, тотъ человѣкъ, негодящійся ни для дѣла, ни для удовольствія. Если-бы кто-либо на балу, за столомъ или во время увеселительной прогулки думалъ надъ разрѣшеніемъ задачи Эвклида, тотъ былъ-бы очень плохимъ членомъ общества и не много обра-

тилъ бы на себя вниманія другихъ; сиди же онъ въ своемъ кабинетѣ надъ разрѣшеніемъ той-же задачи и мечтай въ тоже время о танцахъ, онъ былъ-бы, какъ мнѣ кажется, и жалкимъ математикомъ!.. Въ теченіи цѣлаго дня у васъ будетъ достаточно времени для всего, если вы дѣлаете одно дѣло за другимъ, но не хватитъ и цѣлаго года, если человѣкъ хватается за два дѣла въ одно и то же время.

Уайтъ несъ на себѣ все бремя заботъ о государственныхъ нуждахъ республики и все-таки находилъ время по вечерамъ посѣщать общество. Когда его спрашивали, какъ это онъ успѣваетъ исполнять столько дѣлъ и вечеромъ еще доставлять себѣ развлеченіе? Онъ отвѣчалъ, что ничего не можетъ быть легче: стоитъ только заниматься однимъ дѣломъ и никогда не откладывать до завтра то, что можетъ быть сдѣлано сегодня.

Непоколебимая, сосредоточенная внимательность — вѣрнѣйшій признакъ сильнаго характера, тогда какъ торопливость, разсѣянность и суетливость — обычные симптомы душевной слабости.

Учись познавать настоящую цѣну времени. Лови каждое мгновеніе и пользуйся имъ. Долой праздность, лѣнь и отлагательство! Никогда не откладывай на завтра то, что можетъ быть сдѣлано сегодня. Время дорого, а жизнь коротка, поэтому не приходится

терять его. Умный человѣкъ всегда съумѣетъ воспользоваться имъ для своей выгоды или удовольствія; у него всегда есть дѣло; онъ или развлекается или учится. Праздность, говорятъ, мать всѣхъ пороковъ; но, по меньшей мѣрѣ, она доказываетъ тупоуміе, и никто не заслуживаетъ большаго презрѣнія, какъ тунеядецъ. Критикъ нравовъ Катонъ, древній римлянинъ высокаго ума и добродѣтели, говорилъ, что его смущаютъ только три вещи, сдѣланныя имъ въ жизни: первая, что онъ довѣрилъ женѣ своей тайну; вторая, что онъ однажды отправился моремъ въ мѣстность, доступную и съ сухаго пути, и третья, что одинъ день въ своей жизни онъ провелъ ровно ничего не дѣлая!..

Я зналъ одного скупца, который имѣлъ обыкновеніе говорить: «береги копейки, рубли же сами о себѣ позаботятся»... Это настоящая, какъ нельзя болѣе характерная мысль Гарпагона!.. Я же скажу: берегите минуты, тогда часы ужь сами о себѣ позаботятся... Многіе зачастую ежедневно теряютъ два-три часа даромъ только потому, что не берегутъ минутъ. Какъ-бы коротко ни казалось время, никогда не слѣдуетъ думать, что оно слишкомъ коротко для того, чтобы имъ воспользоваться. Каждое потерянное мгновеніе — потерянное дѣло, потерянная польза, тогда какъ каждый моментъ, употребленный съ пользою, приноситъ богатые проценты.

Очень немногіе хорошо распоряжаются своимъ состояніемъ, но еще меньше такихъ, которые хорошо распоряжаются своимъ временемъ. А между тѣмъ, время все-таки наиболѣе драгоцѣнно изъ обоихъ этихъ благъ. Молодежь обыкновенно полагаетъ, что у нихъ еще столько времени внереди, что они могутъ тратить его какъ угодно и все его достаточно еще останется. Именно такимъ образомъ и крупныя состоянія не разъ обращались въ ничто. Но это заблужденіе, которое всегда оплакивается, но всегда слишкомъ поздно.

Допустимъ, что тебѣ, по условію, нужно быть въ извѣстномъ мѣстѣ въ 12 часовъ; ты выходишь изъ дому въ одиннадцать, чтобы по дорогѣ сдѣлать еще два-три визита, но не застаешь нужныхъ тебѣ лицъ дома. Тогда, вмѣсто того, чтобы провести оставшееся время гдѣ-нибудь въ ресторанѣ или бродить одному и безцѣльно — много разумнѣе будетъ вернуться домой, чтобы написать письмо или прочесть хорошую книгу.

Еще хотѣлось бы мнѣ рекомендовать тебѣ одну вещь, пользу которой я самъ испыталъ во времена величайшей безпорядочности моей. Это раннее и регулярное вставаніе. Какъ бы поздно ни легъ ты въ постель, вставай всегда въ одинъ и тотъ-же часъ. Этимъ ты выиграешь, по меньшей мѣрѣ, одинъ-два часа, которые можешь употребить на чтеніе или размышленіе до

обычныхъ передобѣденыхъ помѣхъ. Это же принесетъ тебѣ пользу и чисто физическую, ибо, вставая всегда рано, ты будешь вынужденъ хоть черезъ двѣ, въ третью ночь ложиться вó-время.

У многихъ чтеніе отнимаетъ большую часть ихъ времени. Они читаютъ ничего незначущія, безсодержательныя книги или глупые романы, въ которыхъ выставляются люди никогда въ дѣйствительности не существовавшіе и описываются раздутыя чувства, никогда и никѣмъ не испытывавшіяся! Такая пища питаетъ и развиваетъ душу ровно столько же, сколько взбитыя до пѣны сливки питаютъ тѣло. Въ каждой литературѣ придерживайся лучшихъ книгъ, извѣстнѣйшихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ и философовъ. Чтеніе же романовъ чаще всего совершенно безплодное чтеніе и время, употребленное на него — потерянное время. Для чтенія, которому ты удѣляешь извѣстную часть дня, установи и извѣстный порядокъ. Оно должно происходить въ извѣстной цѣлесообразной послѣдовательности, а не въ томъ безпорядочномъ и безтолковомъ родѣ, въ которомъ многіе читаютъ лишь отрывки различныхъ писателей. Все сказанное можетъ быть сведено къ двумъ основнымъ положеніямъ: во-первыхъ, не слѣдуетъ читать книгъ безполезныхъ, а, во-вторыхъ, избранное для чтенія должно имѣть подъ собою какую-либо почву и цѣль, должно

основываться одно на другомъ и вытекать одно изъ другого.

Все вообще, что ты дѣлаешь, дѣлай съ опредѣленною цѣлью. Дѣлай основательно, а не поверхностно только; вникай въ глубь, въ корень вещей!.. На половину сдѣланное или на половину понятое, на мой взглядъ, вовсе не сдѣлано и вовсе не понято... Даже болѣе того, все на половину сдѣланное еще хуже, чѣмъ ничто, ибо оно ведетъ на ложный путь. Человѣкъ, ничего не знающій, безполезенъ и достоинъ презрѣнія, всѣ избѣгаютъ его общества и въ концѣ концовъ объ немъ можно будетъ сказать только, что онъ жилъ и—ничего больше! Есть очень мѣткая французская эпиграмма на смерть такого неразумнаго и потому ничего незначущаго человѣка. Злая сатира эта выражаетъ ту мысль, что все, что можно сказать о человѣкѣ, заключается въ двухъ словахъ — онъ жилъ, а теперь лежитъ въ гробу:

«Colas est mort de maladie,
Tu veux que j'en pleure le fort?
Que diable veux tu que j'en die?
Colas vivoit, Colas est mort.»

«Жилъ Коласъ, теперь онъ мертвъ»!... вотъ и все, что, въ концѣ концовъ, можно сказать о немъ.

Существуютъ двухъ родовъ характеры, которые или

мѣшаютъ человѣку сдѣлаться чѣмъ нибудь, или, напротивъ, дѣлаютъ его смѣшнымъ. Первый характеръ нерадивый, тяжелый на подъемъ, второй — слишкомъ легковѣсный.

Характеръ тяжелый на подъемъ, лѣнивый, не даетъ себѣ труда проникать въ глубь вещей; онъ пугается трудностей—трудно однако каждое серьезное дѣло — онъ довольствуется болѣе легкимъ, слѣдовательно, болѣе поверхностнымъ знаніемъ, и предпочитаетъ круглое невѣжество небольшому усилію. Такого рода люди считаютъ большинство вещей невозможными; на дѣлѣ-же, что можетъ противустоять усердному труду и воспріимчивому уму? Такимъ образомъ, лѣнивымъ характерамъ трудности кажутся не возможными или, по крайней мѣрѣ, они стараются представить ихъ себѣ таковыми, чтобы извинить свою лѣность. Минута сосредоточеннаго вниманія кажется имъ слишкомъ тяжелою; на каждый предметъ смотрятъ они съ той стороны, которая первая бросилась имъ въ глаза, и никогда не смотрятъ на него съ другой точки зрѣнія — словомъ, они не продумываютъ его. Если же имъ приходится говорить съ людьми о вещахъ, съ которыми тѣ основательно знакомы, то они сейчасъ-же обнаруживаютъ и свое невѣжество и свою лѣнь, сами отдавая себя на жертву насмѣшкамъ. Такого рода вещи, которыя человѣкъ положительный долженъ знать — онъ долженъ знать ихъ

хорошо; онъ долженъ проникнуть въ самую глубь ихъ.

Другое дѣло легкій, беззаботный характеръ. Онъ вѣчно занятъ, но рѣдко занятъ чѣмъ-либо полезнымъ. Онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе пустякамъ и тратитъ по мелочамъ ту внимательность, которой заслуживаютъ лишь серьезныя вещи. Онъ смотритъ на одежду, а не на характеръ того общества, гдѣ вращается. Онъ болѣе занятъ постановкою пьесы, чѣмъ ея смысломъ.

Никогда не бросай изученія предмета, прежде чѣмъ ты совсѣмъ не овладѣлъ имъ. До тѣхъ поръ читай и работай надъ нимъ неустанно. Если ты находишься въ обществѣ, то направляй разговоръ на полезную тему, понятную обществу, и соотвѣтствующую степени его образованія. Не конфузься дѣлать вопросы: если они дѣлаются изъ любознательности и съ извѣстною деликатностью, то никто никогда не сочтетъ тебя за невѣжливаго, глупаго и неделикатнаго человѣка. Нѣтъ такого общества, гдѣ бы ты не могъ чему нибудь научиться, если желаешь этого. Почти каждый человѣкъ знаетъ что нибудь и охотно говоритъ объ этомъ предметѣ. Ищи и обрящешь; наблюдай за всѣмъ, учись всему! Всякій извинитъ тебѣ твою любознательность и твои вопросы, если ты съумѣешь держать себя. Въ жизни по большей части все зависитъ отъ умѣнья держать себя. Ты можешь, напримѣръ, сказать: «Боюсь обезпо-

коить васъ моимъ вопросомъ, но никто, кромѣ васъ не можетъ лучше отвѣтить мнѣ на него»—что-же можетъ быть лучше подобнаго извиненія?

Тщательно обсуждай и постоянно взвѣшивай всѣ тѣ понятія о вещахъ, которыя ты пріобрѣтаешь. Расчленяй ихъ, отыскивай ихъ составныя части, клади вещь, которую ты хочешь понять, на безпристрастные вѣсы разсудка. Гораздо болѣе людей, чѣмъ можно себѣ представить, которые могли-бы мыслить, если-бы пожелали этого, живутъ и умираютъ съ тысячами разныхъ заблужденій, вслѣдствіе одной лишь лѣности. Они охотнѣе подчиняются предразсудкамъ другихъ, чѣмъ потрудиться, хоть немного, чтобы, составить свое собственное мнѣніе. Они присоединяются къ извѣстному взгляду, потому что другіе ужь держатся его, и затѣмъ стоятъ на немъ, разъ уже ухватились за него.

По моему мнѣнію, полное незнаніе вещи совершенно равносильно неполному знанію ея. Недостаточное пониманіе не доставляетъ ни удовлетворенія самому себѣ, ни уваженія другихъ, но часто даетъ поводъ къ издѣвательству и насмѣшкамъ. Совершенно вѣрно говоритъ Поппе: «Немножко учености всегда опасно. Или пей залпомъ, или не пробуй совсѣмъ кастальскихъ источниковъ».

Неполное, поверхностное знаніе вещи дѣлаетъ человѣка посмѣшищемъ другихъ. Какъ часто задумывался я надъ тѣмъ, какъ былъ-бы я несчастенъ, если-бы

въ юношествѣ не пріобрѣлъ сокровищъ знанія! Что бы дѣлалъ я подъ старость, если-бы ихъ у меня не было? Я былъ-бы вынужденъ, какъ и многіе невѣжды, топить свое здоровье и разсудокъ въ пьянствѣ, сплетничать въ бабьихъ кружкахъ, выставляя себя на смѣхъ и презрѣніе женщинъ, или наконецъ повѣситься, какъ тотъ субъектъ, которому показалось слишкомъ скучно ежедневно надѣвать и снимать свои чулки и сапоги. Мои книги, и только мои книги избавили меня отъ этого, и каждый день я убѣждаюсь въ томъ, какъ правъ былъ Цицеронъ, говоря: «Научныя занятія питаютъ юность, утѣшаютъ старость, дѣлаютъ счастье еще болѣе плѣнительнымъ и служатъ убѣжищемъ и утѣшеніемъ въ несчастіи; они доставляютъ удовольствіе дома и никогда, нигдѣ не бываютъ лишними; они наполняютъ наши ночи, время въ пути и жизнь вообще».

Препровожденіе времени съ невѣждами не есть время-препровожденіе и даже имъ самимъ не доставляетъ удовольствія. Имъ наскучиваетъ ихъ собственная безполезность, а такъ какъ у нихъ не хватаетъ умѣнья скрыть ее, то они не въ состояніи поддержать никакого разговора. Поэтому, самымъ серьезнымъ образомъ рекомендую тебѣ собрать по возможности большій запасъ познаній, потому что, если-бъ ты среди удовольствій юности и не находилъ этого необходимымъ, то можешь быть

увѣренъ, что придетъ время, когда эти сокровища сдѣлаются необходимы для твоего существованія. Общественные закромы въ урожайные годы наполнялись не потому, что-бы извѣстно было, что на слѣдующій, второй или третій годъ наступитъ неурожай, а потому, что всякій былъ увѣренъ что рано или поздно, онъ все-таки наступитъ.

Знаніе равносильно могуществу. Кто большимъ владѣетъ, тотъ большаго требуетъ. Оно не насыщаетъ, но возбуждаетъ все большій аппетитъ.

Но многіе начитанные люди гораздо больше обременяютъ свою память, чѣмъ упражняютъ умъ. Они дѣлаютъ свой мозгъ безпорядочнымъ складомъ, вмѣсто того, чтобы наполнять его въ извѣстномъ порядкѣ. Вещи наваливаются въ немъ другъ на друга такъ, что въ концѣ концовъ образуется въ немъ одинъ лишь безтолковый хаосъ.

Читаютъ для того, чтобы познакомиться съ мыслями другихъ людей. Если-же мы будемъ принимать ихъ на вѣру, не провѣряя и не противопоставляя нашимъ собственнымъ, значитъ—мы пляшемъ подъ чужую дудку и пользуемся чужимъ добромъ! Выгода чужихъ мыслей состоитъ лишь въ томъ, что по нимъ мы сами учимся мыслить и судить. Повторять-же чужія мысли, не разсуждая вѣрны-ли онѣ, или нѣтъ — это дѣло попугая или, пожалуй, комедіанта.

Глава II.

Ученость и свѣтское образованіе.

Взаимныя отношенія науки и знанія свѣта. — Книжная мудрость. — Характеристика кабинетныхъ ученыхъ. — Ихъ презрѣніе къ утонченности нравовъ. — Наблюдательность и опытность. — Недостатки и слабости кабинетныхъ ученыхъ. — Типы непрактичной учености.—Ученость и слава.— Охотники за цитатами и педанты. — Классическіе ученые. — Ключъ къ правильному пониманію человѣческихъ поступковъ. — Историческое легковѣріе. — Значеніе изученія исторіи. — Основанія для образованія мнѣнія. — Цѣнность учености.

Не думай, что та наука, которую я тебѣ рекомендую, состоитъ лишь въ книжной мудрости, какъ-бы пріятенъ, полезенъ и необходимъ ни былъ этотъ родъ образованія. Знаніе свѣта я ставлю рядомъ съ нимъ, ибо оно важнѣе, чѣмъ познанія, пріобрѣтенныя изъ книгъ. Впрочемъ, собственно говоря, они взаимно подаютъ другъ другу руку, и никто не можетъ пріобрѣсти вполнѣ одно безъ другого. Не въ рабочемъ кабинетѣ, а лишь

въ обществѣ можно пріобрѣсти знаніе свѣта. Книгъ оно тебѣ никогда не доставитъ, но многія вещи, которыя иначе могли-бы ускользнуть отъ тебя, оно растолкуетъ тебѣ. Изъ книгъ почерпнутыя познанія, въ связи съ пріобрѣтенными опытомъ помогутъ тебѣ выпутаться изъ всякаго затруднительнаго положенія.

Человѣкъ-же, который пріобрѣлъ свои познанія только изъ книгъ, не имѣетъ никакого знанія свѣта, ничего прочнаго, никакого житейскаго лоска. Онъ весь въ книгѣ, и ничто внѣ книги. У себя въ комнатѣ, по книгамъ, выработалъ онъ себѣ извѣстную систему судить о вещахъ, и къ этимъ основнымъ положеніямъ упорно подгоняетъ все живое. Его теоріи могли-бы быть весьма хороши, но, къ несчастью, онѣ совершенно неприложимы къ жизни. Почему? Потому что онъ только читалъ и никогда не вращался въ обществѣ. Книги онъ знаетъ, это такъ; но съ людьми онъ совсѣмъ незнакомъ. Онъ носится съ своими теоріями и совершенно теряется въ свѣтѣ; онъ заикается, прерываетъ свои предложенія, и неловко выражается. Всѣ его движенія не граціозны: и въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ его заслуги и знанія, каждый охотнѣе провелъ-бы шесть часовъ подрядъ въ болтовнѣ съ глупѣйшею женщиной, хотя немного знающей свѣтъ, чѣмъ съ нимъ. Превратныя понятія односторонне настроеннаго и незнающаго свѣта человѣка жестоко испытываютъ терпѣніе

человѣка опытнаго. Никогда онъ не пришелъ-бы къ концу если-бы задумалъ поправлять его ошибки. Да ему и самому это было-бы непріятно; ибо все имъ досконально взвѣшено и обсуждено со своей точки зрѣнія.

Сплошь да рядомъ такіе люди обнаруживаются неумѣніемъ вести себя. Имъ нѣтъ дѣла до нравовъ и обычаевъ, потому что они ихъ не знаютъ, и грѣшатъ противъ нихъ каждую минуту. Часто они наносятъ оскорбленіе другимъ, хотя у нихъ и въ мысляхъ не было обидѣть кого нибудь. Никогда не принимаютъ они въ разсчетъ ни общаго настроенія, ни положенія того человѣка, съ которымъ бесѣдуютъ. А между тѣмъ, знаніе свѣта учитъ насъ, что вещи, какъ нельзя болѣе подходящія въ одномъ обществѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, при другихъ обстоятельствахъ выходятъ совсѣмъ неподходящими; короче сказать, человѣкъ, изъ наблюденій и опыта почерпнувшій основательное знаніе характеровъ, обычаевъ и нравовъ людей, на столько же выше человѣка исключительно книжной мудрости, насколько дрессированная лошадь выше осла.

А потому, посѣщай и изучай какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Бесѣдуй съ ними, наблюдай ихъ не только въ ихъ обычной обстановкѣ, когда они чувствуютъ себя какъ дома, но и въ менѣе доступной внутренней жизни ихъ. Понятія о вещахъ составляй по наблюденію и опыту, каковыми онѣ являются въ дѣйстви-

тельности, а не такими, какими могли или должны бы быть и каковыми никогда не бывают. Размышляй и наблюдай, стали-ли твои понятія о свѣтѣ, благодаря опыту, другими, чѣмъ они были въ теоріи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, потому что лишь это одно служитъ нагляднымъ доказательствомъ прогресса. Въ юношествѣ каждое пріобрѣтенное понятіе шатко. Въ этомъ возрастѣ мало еще видано образцовъ, а если и видаиы, то не самые лучшіе, съ которыми слѣдовало-бы сообразоваться. Въ этомъ возрастѣ вѣрятъ, что все можетъ быть достигнуто мужествомъ и силою. Хитрость считаютъ низостью, угодливость и мягкость —средствомъ жалкихъ и слабыхъ натуръ. И вслѣдствіе этихъ весьма ошибочныхъ взглядовъ, манера вести себя груба, неотесана. И глупцы, которыхъ нельзя вывести изъ этого заблужденія, оставляютъ ее за собою на всю жизнь. Но незначительная опытность уже вынуждаетъ разумныхъ людей покидать ее. Едва они немного ознакомятся съ самими собою, и въ особенности съ другими, какъ и видятъ, что здравый разсудокъ девять разъ изъ десяти одерживаетъ побѣду надъ сердцемъ и страстями и обращается къ побѣдителю, а не къ побѣжденнымъ.

Великій ученый можетъ придти къ замѣчательнымъ заключеніямъ о природѣ человѣка, онъ можетъ въ отдѣль-

ности разсматривать его голову, сердце, разумъ, страданія, ощущенія и Богъ знаетъ что еще, и все-таки не будетъ знать человѣка, потому что онъ не имѣлъ съ нимъ сношеній, и ничего не знаетъ о томъ вліяніи, которое производятъ на него разнаго рода вещи, какъ-то предубѣжденія и вкусы, дѣйствующія часто рѣшающимъ и безповоротнымъ образомъ. Онъ наблюдаетъ человѣка, какъ краски на призмѣ Ньютона, которая показываетъ лишь основные цвѣта. Опытный же знатокъ красокъ съумѣетъ отличить многочисленные оттѣнки и дѣйствія различныхъ смѣшеній ихъ. Мало кто является въ одномъ извѣстномъ цвѣтѣ, большинство же переливаетъ тѣнями и является въ различныхъ положеніяхъ, какъ различны шелковыя ткани при различномъ освѣщеніи. Все это извѣстно человѣку свѣтскому изъ собственныхъ его наблюденій и опытовъ. Тогда какъ наиученѣйшій философъ-отшельникъ никогда не узнаетъ этого изъ собственной теоріи. Его образъ дѣйствій будетъ неловокъ и несоотвѣтственъ требованіямъ. Онъ будетъ такъ-же неуклюжъ, какъ тотъ, который пошелъ-бы танцовать, зная лишь ноты танцевъ, но никогда не учившись танцовать и не видавъ какъ другіе танцуютъ.

Если солидная ученость не сопровождается здравою логикою, то она зачастую ведетъ къ заблужденію, гордости и педантизму. Иные ученые, гордые своими знані-

ями, говорятъ только тамъ, гдѣ требуется рѣшеніе какого либо вопроса, и изрекаютъ приговоры, не допускающіе никакихъ возраженій. Чѣмъ больше ты знаешь, тѣмъ скромнѣе ты долженъ быть, и вообще говоря, скромность есть вѣрнѣйшій путь къ удовлетворенію собственнаго самолюбія. Даже когда ты вѣтренъ въ правотѣ своего мнѣнія, лучше дѣлай видъ, что сомнѣваешься въ немъ. Дѣлай предположенія, но никогда не изрекай самоувѣренные приговоры; если хочешь убѣдить другихъ, дѣлай видъ, что самъ готовъ быть убѣжденнымъ.

Затѣмъ есть еще другого рода ученые, которые ради того, чтобы показать свою ученость, или просто подъ вліяніемъ школы и воспитанія, говорятъ лишь о древнихъ, ставя ихъ выше обыкновенныхъ людей, а о нынѣшнихъ, какъ будто они ниже. Они зачастую носятъ двухъ-трехъ классическихъ авторовъ въ карманѣ. Только ими и заняты; ничего не читаютъ изъ новѣйшихъ произведеній, и всѣми силами стараются доказать, что въ послѣднія столѣтія не сдѣлано ни одного шага впередъ ни въ наукахъ, ни въ искусствѣ.

Знакомство съ классическими авторами, конечно, нѣтъ основанія скрывать, но еще меньше основанія чваниться своею близкою дружбою съ ними. Говори о современныхъ тебѣ людяхъ безъ презрѣнія, а древнихъ не возводи въ божество. Если ты и прячешь

классическаго автора въ карманъ, то не показывай его и не говори объ немъ.

Далѣе, есть и еще ученые, не столь методичные и гордые, какъ выше сказанные, но не менѣе безтолковые, чѣмъ они. Это тѣ болтливые, рисующіеся педанты, которые, бесѣдуя даже съ дамами, примѣшиваютъ свои собственныя изрѣченія къ ловко подобраннымъ цитатамъ. Этой манерѣ подражаютъ часто глупцы, необладающіе ни малѣйшими знаніями, но случайно запомнившіе кое-какія имена и изрѣченія древнихъ писателей, которыми и посыпаютъ кстати и некстати, въ чаяніи прослыть людьми учеными.

Если ты желаешь избѣгнуть обвиненія въ педантизмѣ, а съ другой стороны не подвергнуться презрѣнію за невѣжество, то воздерживайся отъ ученой болтовни, и говори языкомъ того общества, въ которомъ ты находишься, не примѣшивая къ нему чужихъ словъ. Никогда не выказывай себя умнѣе и ученѣе, другихъ присутствующихъ. Держи свою ученость какъ и свои часы съ репетиціею въ карманѣ. Не вынимай ихъ, и не заставляй бить, ради того только, чтобы показать, что они у тебя есть. Спросятъ тебя который часъ — скажи, но не выкликай ихъ безъ спросу и ежечасно, какъ дѣлаетъ это ночной сторожъ.

Извѣстные ученые основываютъ всѣ свои положенія, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни,

на древнихъ писателяхъ, не соображая того, что съ сотворенія міра не было еще двухъ фактовъ безусловно одинаковыхъ и что ни одинъ историкъ не съумѣлъ схватить и передать извѣстное событіе во всей его полнотѣ. А между тѣмъ, чтобы правильно взглянуть на событіе, надо лишь знать всѣ сопровождавшія его обстоятельства. Я съ презрѣніемъ смотрю на тѣхъ умничающихъ и прозорливыхъ историковъ, которые все, даже самыя обыкновенныя происшествія объясняютъ таинственными государственными причинами; они игнорируютъ, что человѣкъ сотканъ изъ противорѣчій и никто не поступаетъ неизмѣнно по разъ принятому образцу. На умнѣйшаго человѣка находятъ иногда глупѣйшія минуты, а круглый дуракъ иногда поступаетъ умно. Борющіяся въ насъ страсти, настроеніе духа, даже большая или меньшая степень нашего здоровья и жизненныхъ силъ, вызываютъ въ нашихъ дѣйствіяхъ такія противорѣчія, что, по моему мнѣнію, глубоко заблуждаются тѣ, которые приписываютъ наши дѣянія лишь видимымъ или поверхностно изслѣдованнымъ мотивамъ. Я убѣжденъ, что того-же самаго человѣка, котораго хорошее пищевареніе, прекрасно проведенная ночь и безподобное утро обратили въ героя, плохое пищевареніе, безсонная ночь и скверное утро могли превратить въ величайшаго труса. Вотъ почему всѣ наши глубокомысленнѣйшія заключенія о стимулахъ человѣческихъ дѣяній совершенно неточны, точны только

одни факты, знаніе которыхъ мы почерпаемъ изъ исторіи. Я нисколько не сомнѣваюсь, что Цезарь былъ убитъ двадцатью тремя заговорщиками, но сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы одна любовь къ свободѣ и отечеству была побудительной причиной ихъ образа дѣйствій. Я скажу даже, что при болѣе полномъ знаніи положенія вещей, мы можетъ быть пришли бы къ заключенію, что даже великаго Брута двигали такія побужденія, какъ гордость, зависть, личная ненависть и разбитыя надежды. Ежедневный опытъ подкрѣпляетъ меня въ этомъ историческомъ невѣріи. Часто ли, даже о современныхъ событіяхъ, приходится намъ слышать одинаковыя повѣствованія изъ устъ нѣсколькихъ людей, хотя-бы всѣ они были очевидцами случившагося? Нѣтъ! Одинъ ошибается, другой перевираетъ, третій вноситъ въ событіе немножко своего настроенія, своихъ собственныхъ взглядовъ. Кто самъ принималъ участіе въ событіи, тотъ не будетъ сообщать о немъ безпристрастно, а кто стоялъ далеко отъ него, тотъ не въ состояніи и вовсе передать его.

Но несмотря на все это, изученіе исторіи необходимо, даже совершенно необходимо для человѣка, который желаетъ жить въ обществѣ. Исторія поясняетъ намъ, что не слѣдуетъ изрекать никакихъ безапелляціонныхъ истинъ, ради собственныхъ цѣлей, и выводить заключенія изъ отдаленныхъ мало извѣстныхъ событій, истин-

ныхъ двигателей которыхъ мы крайне мало знаемъ, и увѣренно сказать ничего не можемъ.

Взвѣшивай самъ и каждое событіе, и тѣ обстоятельства, съ которыми оно связано, основывайся на этомъ, а не на выводахъ древнихъ поэтовъ и историковъ. Припоминай, если желаешь, подобные же случаи, но смотри на это какъ на вспомогательное средство, а не какъ на безусловное доказательство. Ничего не принимай отъ автора на вѣру, взвѣсь и обсуди самъ возможность случая или невѣрность его. Справляйся по какому нибудь вопросу у разныхъ писателей и основывай свое собственное мнѣніе на большей или меньшей степени вѣроятности. Вотъ, по моему мнѣнію, основательное испытаніе историческаго вѣроятія. Увѣренности пріобрѣсти невозможно. Если историкъ развиваетъ причины и мотивы событія, то сравни съ ними характерныя черты и интересы участниковъ его и, по собственному разумѣнію, сличай: сходятся-ли они или нѣтъ. Отыскивай самъ возможную почву событій. Никогда при такихъ изслѣдованіяхъ, не упускай изъ виду мелкихъ, незначительныхъ на видъ побужденій великихъ людей, ибо человѣческая натура, какъ уже замѣчено выше, такъ измѣнчива и соткана изъ такихъ противорѣчій, наши страсти такъ сильны и непреоборимы, наша воля такъ слаба и духъ настолько подчиненъ тѣлу, что каждый изъ насъ гораздо больше человѣкъ дня, нежели человѣкъ правильнаго, равно-

мѣрнаго настроенія. Въ лучшихъ душахъ встрѣчаются дурныя и слабыя стороны, а въ худшихъ иногда нѣчто доброе и даже великое. Я по крайней мѣрѣ ни мало не вѣрю въ то, что одинъ древній писатель, очевидно лишь ради звонкой фразы, сказалъ о Сципіонѣ: «Все, что онъ говорилъ, дѣлалъ и думалъ — было достойно похвалы».

Ученость—замѣть себѣ это—полезнѣйшее и необходимѣйшее украшеніе; и не имѣть ея вовсе—стыдно. Берегись однако указанныхъ заблужденій и злоупотребленій, въ сопровожденіи которыхъ она слишкомъ часто показывается на свѣтъ Божій. Обдумай затѣмъ, что гораздо нужнѣе солидныя познанія въ новѣйшихъ наукахъ, чѣмъ знаніе древнихъ, и что лучше, если ты будешь знать современное, нежели древнее положеніе Европы.

Глава III.

Слогъ и рѣчь.

Значеніе слога. — Искуство надлежащаго употребленія словъ и оборотовъ. — Слогъ писемъ. — Недостаточность знанія разговорнаго языка. — Выборъ словъ. — Упражненія въ бесѣдахъ. — Цѣна краснорѣчія. — Выработка его. — Характеристика хорошаго оратора. — Отношеніе оратора къ публикѣ. — Анализъ краснорѣчія. — Упражненія въ ораторствѣ. — Искуство говорить увлекательно.

Слова — покровъ мысли. Прежде всего обращай вниманіе на чистоту языка и законы грамматики. Твои мысли, какъ и ты самъ, не должны появляться въ свѣтъ въ грязи и отрепьяхъ. Какъ-бы вѣрны они ни были, если твой слогъ грубъ, неуклюжъ и тривіаленъ, они будутъ приняты такъ-же непріязненно, какъ и ты самъ, если, несмотря на свое образованіе, явишься грязно одѣтымъ и въ лохмотьяхъ. Объ идеяхъ не каждый можетъ судить, слогъ-же понимается и цѣнится каждымъ. Недостаточно, если только говорятъ или

пишутъ безъ ошибокъ; и то и другое должно быть правильно и красиво. Многолѣтній опытъ научилъ меня, что выдающіяся чистота и красота слога, равно какъ и пріятная манера выражаться, часто прикрываетъ многія ошибки писателей и ораторовъ.

Одинаково не слѣдуетъ пренебрегать ни искуствомъ рѣчи, ни употреблять такихъ словъ, которыя неупотребительны. Ради избѣжанія ошибокъ такого рода, слѣдуетъ внимательно читать, замѣчать выраженія и обороты рѣчи лучшихъ писателей; никогда не проходить мимо слова, которое непонятно, не постаравшись вникнуть въ его значеніе. Не мѣшаетъ также прислушиваться къ тому, какъ выражаются порядочные люди и лучшіе ораторы. Простой народъ, слуги и челядинцы всякаго рода говорятъ всегда дурно и употребляютъ грубыя, тривіальныя выраженія, заимствовать которыя человѣкъ образованный никогда не долженъ.

Весьма важно умѣть написать хорошо письмо; это необходимо въ ежедневномъ обиходѣ, и въ особенныхъ случаяхъ, и просто ради удовольствія. Орѳографическія ошибки и ошибки слога прощаются только дамамъ. Рѣчь существуетъ для того, чтобы выражать свою мысль. Если человѣкъ не дастъ себѣ времени помыслить, то и рѣчь его будетъ пуста и безсодержательна. Неполное знаніе какого-нибудь языка не-

многимъ лучше полнаго незнанія его. Людямъ такъ-же трудно говорить на языкѣ, которымъ они плохо владѣютъ, какъ другимъ непріятно ихъ слушать. На языкѣ, который ты не вполнѣ понимаешь, твои мысли теряются и теряютъ подъ собою почву.

Обращай вниманіе на слогъ, на какомъ-бы языкѣ ты ни говорилъ или писалъ. Даже въ непринужденнѣйшей бесѣдѣ и въ интимнѣйшихъ письмахъ обращай вниманіе на свои выраженія. Если ты что-нибудь сказалъ или хочешь сказать, то обдумай хорошенько какъ бы ты могъ сказать это лучше или выразить правильнѣй. Если-же ты сомнѣваешься въ красотѣ или правильности слова или оборота рѣчи, то справься у былыхъ писателей или современныхъ на требуемомъ языкѣ. Упражняйся въ переводахъ съ различныхъ языковъ на твой родной. Исправляй эти переводы до тѣхъ поръ, пока они не удовлетворятъ твоего слуха и ума. Вѣрь, что величайшій геній и наиболѣе сильный умъ безъ такого рода прикрасы не былъ-бы пріятенъ въ общественныхъ собраніяхъ, какъ не былъ-бы пріятенъ въ обществѣ всякій человѣкъ безъ внѣшней порядочности и вѣжливости. Если ты хочешь нравиться людямъ, то толженъ приноравливаться къ тому, что имъ нравится. Ты не можешь ихъ сдѣлать тѣмъ, чѣмъ они должны быть, бери же ихъ такими, каковы они есть. Повторяю еще разъ, что только уступками ихъ вку-

самъ, только тѣмъ, что льститъ ихъ сердцу и уму, можно расположить ихъ къ себѣ. Раблэ сначала написалъ отличную книгу, которая однако никому не понравилась; тогда онъ порѣшилъ приноровиться къ общему вкусу и написалъ своихъ «Гаргантуа и Пантагрюэль», вещь, которая, несмотря на свое безнравственное содержаніе, понравилась всему міру.

Ничѣмъ нельзя достигнуть такого расположенія къ себѣ и такого значенія, какъ краснорѣчіемъ. Поэтомъ, говоритъ пословица, надо родиться; ораторомъ-же можно сдѣлаться собственными усиліями. Внимательность, чтеніе и упражненія дѣлаютъ оратора. Трудомъ и усердіемъ каждый можетъ сдѣлать изъ себя порядочнаго оратора. Краснорѣчіе пріобрѣтается наблюдательностью и стараніемъ; каждый можетъ подъискать хорошее выраженіе вмѣсто дурнаго, говорить изящно, ясно, вмѣсто того, чтобы быть непонятнымъ. Неловкость въ движеніяхъ и жестахъ онъ можетъ замѣнить граціей, короче сказать, вмѣсто непріятнаго оратора онъ можетъ сдѣлаться вполнѣ пріятнымъ, если приложитъ къ этому трудъ и стараніе. А правду сказать, вѣдь стоитъ потрудиться превзойти другихъ въ томъ, чѣмъ человѣкъ стоитъ выше животнаго.

Я считаю лучшимъ ораторомъ того, кто до глубины исчерпываетъ свою тему, чье слово блещетъ удачными выраженіями, живыми образами, прекрасными пе-

ріодами и оборотами; кто вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣетъ возбудить вниманіе слушателей и господствовать надъ ихъ страстями.

Краснорѣчіе побѣждаетъ толпу. Толпа смотритъ на человѣка, пользующагося славою хорошаго оратора, какъ на существо необыкновенное, сверхъестественное, котораго небо одарило особенными дарами. Она бѣжитъ за нимъ, когда онъ идетъ по улицѣ, и кричитъ: «вотъ онъ». Чтобы властвовать надъ людьми не нужно быть слишкомъ высокаго мнѣнія о ихъ величіи, а чтобы понравиться извѣстному числу слушателей въ качествѣ оратора не надо умалять ихъ значенія. Каждому здравомыслящему человѣку при извѣстныхъ вопросахъ приходятъ на умъ однѣ и тѣ же мысли. Форма, въ которую облечены мысли оратора, возбуждаетъ вниманіе и изумленіе толпы. Превратно мыслящая толпа всегда съ одинаковымъ удивленіемъ взираетъ на оратора, какъ и на комету. И того и другую, какъ было уже замѣчено, она считаетъ за явленіе сверхъестественное. Это заблужденіе отпугиваетъ многихъ молодыхъ людей отъ погони за лаврами оратора, но истинные ораторы смотрятъ съ удовольствіемъ на то, что искуство ихъ считается чѣмъ-то необыкновеннымъ, даже особымъ даромъ Божіимъ. Но попробуемъ прослѣдить подобнаго оратора и анатомировать его искуство. Если мы снимемъ съ

него чужія перья, которыми украсила его собственная гордость и невѣжество другихъ, то мы найдемъ подъ ними простаго смертнаго, съ здравымъ умомъ, который умѣетъ правильно разсуждать и красиво выражаться. Въ этомъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Разумный человѣкъ, хотя-бы онъ и не обладалъ никакими особенными талантами, не будетъ болтать вздору. Если-же онъ имѣетъ хоть немного вкуса и прилежанія, то съумѣетъ и говорить изящно.

Конечная цѣль краснорѣчія—убѣждать людей. Понравиться человѣку—уже большой шагъ на пути къ убѣжденію его. Пойми поэтому, какъ выгодно человѣку, говорящему публично, все равно, въ парламентѣ, или съ кафедры, или въ судѣ, понравиться своимъ слушателямъ на столько, чтобы возбудить ихъ вниманіе. Здѣсь-то и является ему на помощь его ораторское искуство.

Форма рѣчи такъ-же важна, какъ и ея содержаніе, потому что гораздо больше людей обладающихъ ушами, которыя можно щекотать, чѣмъ разсудкомъ, который можетъ судить. Разработка рѣчи, какъ-бы хороша она не была, ничего не сдѣлаетъ, если въ существѣ своемъ она противна. Если хочешь убѣждать, старайся прежде понравиться, старайся, чтобы голосъ твой звучалъ гармонично, чтобы каждый слогъ твой былъ ясно отчеканенъ, чтобы главные пункты въ твоей рѣчи и заключеніе ея звучало сильно и громко. Все должно нравиться

и увлекать. Если ты говоришь не такъ, то лучше не говори вовсе. Читай вслухъ, когда ты одинъ, такъ-же отчетливо и сильно, какъ если-бы ты читалъ публично при серьезнѣйшей обстановкѣ. Повторяй періоды изъ рѣчей и сцены изъ трагедій, какъ-бы ты дѣлалъ это передъ многочисленной аудиторіей. Если же тебѣ не дается интонація какого-либо выраженія, то повторяй ее милліонъ и милліонъ разъ, пока она тебѣ удастся. Не торопись говорить прежде, чѣмъ ты не постигъ умѣнья говорить.

Недостаточно однако владѣть языкомъ, на которомъ говоришь публично, чисто и по всѣмъ правиламъ грамматики, нужно еще умѣть подбирать наиболѣе подходящія слова и разставлять ихъ въ наиболѣе подходящемъ порядкѣ. Точно также рѣчь должна быть украшена удачными сравненіями, цвѣтистыми оборотами и другими ораторскими фигурами, равно какъ оживлена игривыми и остроумными выраженіями.

Красота слога и округленость періодовъ производятъ на слушателей сильнѣйшѣе впечатлѣніе. Приподнеси имъ въ своей рѣчи хоть два округленныхъ благозвучныхъ періода, которые они могли-бы запомнить и повторять, и они пойдутъ домой столь-же довольные, какъ тѣ, которые, возвращаясь изъ оперы, всю дорогу напѣваютъ одну или двѣ мелодіи, которыя поразили ихъ слухъ и удержались въ памяти. Большинство людей,

какъ уже сказано, обладаетъ слухомъ, и лишь немногія силой пониманія; а потому затронь ихъ слухъ и, повѣрь мнѣ, ты заслужишь ихъ симпатіи. Настраивай свой тонъ для произнесенія рѣчи. Не допускай никогда непріятныхъ, рѣзкихъ звуковъ. Пріобрѣти способность говорить при всякомъ случаѣ, и не будь никогда небреженъ. Краснорѣчіе и умѣнье держать себя даже и при незначительныхъ дарованіяхъ и знаніяхъ, могутъ далеко повести человѣка. Разъ ты нравишься людямъ своей наружностью и поведеніемъ, то дѣйствуй на нихъ своею рѣчью и ты легко достигнешь всего, чего ни пожелаешь.

Глава IV.

Трудъ и его основы.

Цѣнность труда. — Трудъ и развлеченіе. — Самоиспытаніе. — Порядокъ. — Прилежаніе. — Внимательность. — Лѣность. — Терпѣніе. — Перерывы въ занятіяхъ. — Небрежность. — Педантизмъ. — Достоинства и признаніе ихъ. — Недовѣріе къ самому себѣ. — Нерѣшительность. — Смѣлость. — Охрана отъ скуки. — Сближеніе съ людьми. — Репутація. — Образцы.

Какъ движеніе возбуждаетъ аппетитъ, такъ трудъ возбуждаетъ жажду удовольствій. Вечерній спектакль, танцы, какая-либо игра доставятъ гораздо больше удовольствія тому, кто провелъ предшествующую часть дня въ работѣ, чѣмъ тому, который ничего не дѣлалъ. Я скажу даже больше: женщинѣ, знающей свѣтъ, гораздо больше нравится человѣкъ труда, чѣмъ человѣкъ ничего не дѣлающій. Послѣдній такъ-же безвкусенъ въ своихъ удовольствіяхъ, какъ бездѣятеленъ во всемъ остальномъ.

Чѣмъ меньше дѣлаешь, тѣмъ меньше времени находишь для дѣла. Это давно доказанная истина. Одинъ зѣваетъ, другой откладываетъ работу на слѣдующій день, третій могъ-бы сдѣлать, если-бы захотѣлъ. И рѣдко кто изъ нихъ сдѣлаетъ что слѣдуетъ. У кого дѣйствительно много дѣла, тотъ приспособится къ нему и всегда найдетъ для него достаточно времени. Прилежная работа, особенно если она идетъ успѣшно, подымаетъ духъ человѣка, окрыляетъ его. Праздность и бездѣятельность, напротивъ, ведутъ къ упадку духа и вызываютъ лѣнь. Я желалъ-бы чтобъ каждый разсудительный человѣкъ, ложась вечеромъ въ постель, задавалъ себѣ слѣдующій вопросъ: «Что сдѣлалъ я сегодня? Сдѣлалъ-ли я сегодня что-нибудь полезное себѣ и другимъ? Хорошо-ли я употребилъ свое время или разстратилъ его даромъ? Прожилъ-ли я этотъ день, или проспалъ въ лѣни и праздности?

Смотря по тому, каковы будутъ отвѣты, они или обрадуютъ, или устыдятъ человѣка. Я всѣмъ предложилъ-бы подобную провѣрку самого себя, она принесла-бы имъ пользу. Теперь у большинства нѣтъ ни времени, ни желанія задаваться такою повѣркою самихъ себя; многіе даже боятся ея и стараются забыть о ней въ бездѣльнѣйшихъ развлеченіяхъ. Если-бы однако человѣкъ хоть полчаса въ день удѣлялъ тому, чтобы обдумать, что именно дурное и хорошее сдѣлалъ онъ въ теченіи

дня, онъ сталъ-бы и много лучше и много разсудительнѣе.

Дѣло не требуетъ ничего сверхъестественнаго, никакихъ особыхъ способностей. Порядокъ, прилежаніе и скромность поведутъ человѣка, съ здравымъ разсудкомъ и энергіей, дальше, чѣмъ самые выдающіеся способности. Настоящій дѣловой человѣкъ тотъ, кто сроднился со своимъ дѣломъ и не пренебрегаетъ имъ. Его девизъ—полнѣйшая внимательность и полное отсутствіе разсѣянности. Эта внимательность должна быть гибкая и выработанная; ее надо умѣть переносить съ одного предмета на другой для того, чтобы не быть всецѣло поглощеннымъ однимъ. Оставленіе начатаго дѣла, въ чемъ-бы оно ни заключалось, исполненіе другаго и въ тоже время забота о третьемъ, или попытка дѣлать два дѣла за разъ обличаютъ несомнѣнно человѣка ничтожнаго и безразсуднаго.

Многіе теряютъ большую часть своего времени въ праздности. Ты долженъ быть дѣятеленъ, прилеженъ неутомимъ. Если желаешь пріобрѣсти право приказывать, то долженъ съ усердіемъ служить. Быстрое исполненіе—душа дѣла, и ничто не способствуетъ этому такъ, какъ порядокъ. Для каждаго дѣла заведи опредѣленный порядокъ и строго держись его. Назначь себѣ извѣстный день въ недѣлю и извѣстный часъ для сведенія своихъ счетовъ и держи ихъ всегда въ надлежащемъ

порядкѣ; тогда они возьмутъ у тебя мало времени и ты рѣдко будешь обманываться. Письма и документы, которые ты сохраняешь, помѣчай и сшивай вмѣстѣ въ систематическомъ порядкѣ, чтобы всегда найти ихъ, если они понадобятся.

Терпѣніе есть одно изъ необходимѣйшихъ качествъ для дѣловой жизни. Для многихъ людей внимательное выслушиваніе ихъ просьбы пріятнѣе самаго исполненія ея. Нужно дѣлать видъ, что ты спокойно выслушиваешь нелѣпыя требованія какого-нибудь просителя или скучный разсказъ вздорнаго болтуна. Отклоняй на сколько можешь ненравящіяся тебѣ вещи но если уже невозможно избѣжать ихъ, то соглашайся добродушно и по возможности съ пріятною миною. Это притворство, могутъ возразить мнѣ, но притворство есть щитъ, ровно какъ скромность — панцырь. Притворство и скромность, говоритъ лордъ Болингброкъ, суррогатъ чистѣйшаго металла. Немного лигатуры необходимо и не отнимаетъ отъ монеты ея настоящей цѣнности. Опасно только перехватить черезъ край — тогда монета теряетъ свое достоинство, а тотъ кто чеканитъ ее—довѣріе и уваженіе.

Старайся поэтому настолько владѣть своимъ характеромъ и физіономіей чтобы никакое движеніе ни того, ни другого не прорывалось наружу, чтобы ни происходило въ душѣ твоей. Хотя это

и трудно, но ни въ какомъ случаѣ не невозможно.

Какъ разумный человѣкъ, съ одной стороны, никогда не возьмется за невозможное, такъ съ другой—онъ никогда не испугается трудности, а, наоборотъ, удвоитъ свои усилія и прилежаніе, и въ концѣ концовъ, преодолѣетъ ее. Во всемъ, къ чему разсудокъ повелѣваетъ тебѣ стремиться, что положительно полезно, трудности должны лишь удвоивать твое стараніе, а отнюдь не пугать тебя. Не удалось одно средство, испытай другое. Будь настойчивъ, выдержи характеръ—и ты побѣдишь.

Остерегайся педантизма и надменнаго вида въ своей дѣловой жизни, это ошибки, въ которыя зачастую впадаютъ молодые люди. Они принимаютъ озабоченную мину, сѣтуютъ на трудности дѣла, и проч. и проч. Не говори никогда о своемъ дѣлѣ даже и съ людьми, повидимому, готовыми помочь тебѣ. Хотя-бы у тебя дѣла было по горло, всегда имѣй спокойную и хладнокровную мину. Скрытыя мысли и открытое лицо необходимы прежде всего.

Я часто читалъ и слыхалъ о непризнанныхъ и невознагражденныхъ достоинствахъ. Чаще однако, я почти готовъ сказать всегда, мнѣ приходилось видѣть, что истинное достоинство, несмотря на всѣ препятствія, пробивало себѣ дорогу въ свѣтѣ и добивалось вознагражденія въ

большинствѣ случаевъ. Истинное достоинство, каково-бы оно ни было, тамъ гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, никогда не можетъ быть долго скрытымъ. Рано или поздно оно обнаружится и ничто не въ состояніе обезцѣнить его. Правда, оно не всегда по за. слугамъ вознаграждается, но всегда признается. Сознаніе своего достоинства дѣлаетъ умнаго человѣка болѣе скромнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе стойкимъ. Кто самъ говоритъ о своихъ достоинствахъ, тотъ смѣшонъ, но кто не сознаетъ ихъ—тотъ глупъ. Разсудительный человѣкъ знаетъ ихъ и опирается на нихъ, но тѣмъ не менѣе никогда не кричитъ о нихъ на всѣхъ перекресткахъ.

Совершенно вѣрно, говоритъ Лабрюэръ, что въ свѣтѣ человѣкъ стòитъ равно столько, насколько захотятъ оцѣнить его. Кто всегда боязливъ, недовѣрчивъ и конфузливъ, тотъ, какъ-бы велики ни были его достоинства, никогда не достигнетъ успѣха. Его робость повергаетъ его въ бездѣятельность. Рѣшительные, заявляющіе о себѣ люди всегда перебьютъ ему дорогу. Все зависитъ отъ образа дѣйствія. Что въ одномъ случаѣ будетъ дерзостью, въ другомъ назовется лишь ловкостью. Человѣкъ съ умомъ и знаніемъ свѣта будетъ всегда рѣшительно и неустрашимо отстаивать свои права и стремиться къ своимъ конечнымъ цѣлямъ. Въ тоже время онъ будетъ достаточно уменъ, чтобы придать своимъ

поступкамъ внѣшній видъ скромности. Это нравится; тогда какъ тѣ же самые поступки въ грубой и дерзкой формѣ легко могутъ возбудить противъ себя и встрѣтить отпоръ.

Опытный человѣкъ знаетъ, гдѣ и что онъ можетъ себѣ позволить. Онъ открываетъ себѣ траншею помощью труда и внимательности. И если не встрѣтитъ немедленнаго отпора, то упорно подвигается впередъ. При извѣстномъ приближеніи къ цѣли успѣхъ обезпеченъ. Только пустыя головы сомнѣваются въ этомъ и отказываются отъ попытки. Разсудительный человѣкъ укрѣпляетъ свое мужество рѣшительнымъ образомъ дѣйствій. Онъ не грубъ, но и не робокъ.

Молодой человѣкъ, какъ-бы ни были велики его достоинства, никогда не въ состояніи самъ пробить себѣ дорогу; онъ долженъ всегда вертѣться около человѣка съ вѣсомъ и вліяніемъ. Я видѣлъ много людей, которые пользовались любовью и покровительствомъ сильныхъ міра сего и достигали высокаго положенія, безъ всякихъ другихъ причинъ, кромѣ простой привычки къ нимъ ихъ покровителей. Намъ незачѣмъ искать мотивовъ того или другого путемъ глубокихъ умозаключеній, гораздо удобнѣе постигать ихъ наблюденіемъ и внимательностью. Не въ томъ дѣло, что̀ должно быть, а въ томъ что̀ есть Ищи шагъ за шагомъ эти мотивы въ характерѣ человѣка. Я видѣлъ на свѣтѣ великія вещи, рождавшіяся изъ кро-

шечныхъ причинъ, изъ такихъ крошечныхъ, что не приходило въ голову думать о нихъ. Нѣкоторыя вещи нужно знать, потому что угадать ихъ невозможно.

Много значитъ умѣнье держать себя. Невѣжды вынуждены, по крайней мѣрѣ, хоть дѣлать видъ, что они уважаютъ ученость; дрянные же людишки—что они уважаютъ добродѣтель. Во всякомъ случаѣ добрая репутація такъ же необходима въ дѣловой, какъ и въ обыкновенной жизни. Ни тамъ, ни тутъ человѣкъ не можетъ долго обманывать.

Въ концѣ концовъ, держись образцовъ. Никто не обладаетъ всѣмъ. Но почти каждый имѣетъ что-нибудь, достойное подражанія. Выбирай только съ толкомъ свои образцы и руководись въ этомъ выборѣ болѣе слухомъ, чѣмъ глазами. Лучшій образецъ обыкновенно тотъ, который таковымъ считается, хотя бы онъ и не былъ такимъ на самомъ дѣлѣ. Мы должны брать вещи такими, каковы онѣ есть, потому что не только передѣлать ихъ согласно своимъ желаніямъ, но и просто сдѣлать ихъ такими, какими онѣ должны быть, мы не въ состояніи. Вотъ почему тамъ, гдѣ дѣло не касается нравственныхъ обязанностей, умнѣе быть послѣдователемъ, чѣмъ руководителемъ.

Глава V.

Образованіе нравственной личности.

Добродѣтель и счастье. — Добрая воля. — Мужество и смѣлость. — Образованіе характера. — Упражненіе въ нравственныхъ добродѣтеляхъ. — Заботливость о хорошей репутаціи. — Опасеніе впасть въ ошибки, дѣлаемыя другими. — Борьба съ тщеславіемъ. — Разнаго рода тщеславные люди. — Скромность въ стремленіи заслужить похвалу. — Разность между скромностью и робостью. — Снисходительность. — Кротость въ отношеніи заблуждающихся. — Уваженіе къ вѣрованіямъ другихъ. — Краснорѣчіе. — Любовь къ истинѣ. — Ложь. — Слѣдствія лжи. — Тщеславные лжецы. — Преувеличиваніе. —Хвастовство. — Могущество истины. — Умъ и правдолюбіе. — Нравственные образцы.

Самосознательная добродѣтель составляетъ источникъ всякаго счастія; во всемъ надо стремиться къ совершенству. Хотя большею частью оно недостижимо, но кто стремится къ нему неуклонно, тотъ постепенно приближается къ нему гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, которые изъ лѣности и робости уклоняются отъ этого, какъ

отъ недостижимаго. «Его намѣреніе хотя и не осуществилось, но оно было возвышенно». Такого рода похвала оказываетъ молодому человѣку гораздо болѣе чести, лучше рекомендуетъ его, чѣмъ робость и малодушное отступленіе предъ большими затрудненіями. Кто робко и какъ-бы нерѣшительно вступаетъ въ свѣтъ, того онъ встрѣчаетъ неблагосклонно, отнимаетъ у него мужество и даже совсѣмъ отворачивается отъ него. И мужчины и женщины, созданные быть въ подчиненіи, преклоняются предъ людьми мужественными и смѣлыми. Если человѣкъ, и въ особенности молодой, хочетъ быть счастливымъ, онъ долженъ обладать неустанной энергіее, настойчивостью и неустрашимостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы онъ былъ скроменъ и сдержанъ. Скромно и однакоже энергично долженъ онъ стоять за свои права и свободу.

Быть можетъ, ты возразишь мнѣ, что нельзя измѣнить своего характера. Кто отъ природы обладаетъ нечувствительнымъ и суровымъ темпераментомъ и на все смотритъ съ дурной стороны, тотъ не можетъ образовать себѣ иныхъ взглядовъ. Я согласенъ съ этимъ до извѣстной степени, но не болѣе, потому что, хотя мы никогда не сможемъ совершенно измѣнить свои природныя наклонности, но, въ большей части случаевъ, можемъ значительно улучшить ихъ, посредствомъ наблюдательности и философіи. Въ этомъ мірѣ

необходимо быть хоть немного философомъ, такъ какъ случай лишаетъ иногда счастія даже самыхъ счастливыхъ людей. Всякій знаетъ, что жизнь есть ничто иное, какъ тяжелое мытарство, а терпѣніе — единственный путь, при помощи котораго можно образовать себѣ сносную жизнь. Для короткаго промежутка времени, принадлежащаго намъ, наибольшій вредъ приноситъ намъ уныніе.

Этого мало, что ты обладаешь всѣми задатками нравственныхъ добродѣтелей, ты обязанъ еще развивать каждую изъ нихъ. Твоя хорошая репутація въ свѣтѣ, построенная на столь прочныхъ основаніяхъ, можетъ современемъ пасть и обрушиться на тебя. Заботясь о своей репутаціи, отъ которой въ сущности зависитъ все, ты всегда долженъ быть предусмотрительнымъ, осторожнымъ и дѣйствовать вполнѣ обдуманно. Ты не долженъ допускать, чтобы какая-бы то ни было сплетня или необдуманное слово, а тѣмъ болѣе поступокъ, дали поводъ осуждать тебя; не долженъ, по примѣру многихъ глупцовъ и лжецовъ называть какіе либо проступки противъ нравственности „предразсудкомъ“ и оправдывать ихъ, или осмѣивать. Вообще пользуйся каждымъ случаемъ выразить твое отвращеніе къ безнравстенности. Если ты молодъ, то вслѣдствіе этого долженъ быть еще строже, потому что юности приличествуетъ болѣе строгое отношеніе къ тре-

бованіямъ нравственности; но, осуждая пороки, все же щади личность. Въ особенности должно возбуждать негодованіе все, что проистекаетъ изъ душевныхъ пороковъ, каковы: наклонность къ клеветѣ, лживость, злость, завистливость. Я не говорю о тѣхъ недостаткахъ юности, которые происходятъ отъ стремленія къ наслажденіямъ, и отъ горячности. Худо было-бы тебѣ, еслибы ты сталъ слишкомъ строго порицать какую нибудь шутку или неосторожность. Нѣтъ, берегись этого. Можешь думать, какъ хочешь, но при другихъ не говори противъ этого. Люди сами исправятся со временемъ. Честь и репутація человѣка не омрачаются еще отъ этого, если онъ только во всемъ другомъ безупреченъ. При всякомъ случаѣ выказывай себя словоохотливымъ и дружелюбнымъ, но отнюдь не оскорбляя никакой добродѣтели.

Вообще же люди легче переносятъ, когда имъ напоминаютъ объ ихъ порокахъ и проступкахъ, чѣмъ объ ихъ маленькихъ недостаткахъ и слабостяхъ; первые они оправдываютъ и извиняютъ, тогда какъ послѣдніе обращаются нерѣдко въ страсти и ведутъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ; поэтому необходимо удерживаться отъ поощренія такихъ недостатковъ и слабостей, тѣмъ болѣе что они заставляютъ иногда страдать наше самолюбіе и тщеславіе, столь свойственныя человѣческой природѣ вообще. Наше самолюбіе скрываетъ отъ насъ наши недостатки. Вслѣдствіе этого, люди считаютъ себя

лучшими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ есть. Тщеславіе часто заставляетъ насъ даже гордиться тѣмъ, что въ сущности не заслуживаетъ похвалы.

Берегись же тщеславія, столь обыкновеннаго порока неопытной юности, но въ особенности берегись такого, которое дѣлаетъ человѣка пошлякомъ. Нельзя достаточно точно выразить, какими различными путями тщеславіе пробирается въ нашу душу и портитъ ее. Оно проявляется надменною рѣчью, обнаруживая часто даже невѣжество, и вызываетъ чувство негодованія и оскорбленнаго самолюбія въ другихъ. Нѣкоторые изъ тщеславныхъ людей любятъ хвастать своими успѣхами въ любовныхъ похожденіяхъ, и тѣмъ подаютъ поводъ къ оскорбительнымъ отзывамъ о тѣхъ особахъ, съ которыми они были знакомы. Такимъ образомъ они вредятъ себѣ и другимъ. Если хвастовство ихъ правда, то оно неблагородно, если же нѣтъ—то оно постыдно. Въ обоихъ случаяхъ они портитъ отношенія, которыя могли бы употребить въ пользу. Нѣкоторые же льстятъ своему тщеславію, распространяя слухи о томъ, что люди, извѣстные своими заслугами или дарованіями, дружны съ ними или сродни имъ. Они любятъ повторять, что ихъ покойный дѣдъ или дядя прославился тѣмъ-то, и тѣмъ то, или упоминать о какой-то знаменитости, величая ее задушевнымъ другомъ, хотя въ дѣйствительности едва знакомы съ

нею. Но положимъ даже, что все такъ, какъ они разсказываютъ, такъ что-жъ слѣдуетъ изъ этого? Развѣ ихъ собственныя достоинства увеличатся отъ этого? Конечно, нѣтъ! Большею частью наклонность къ хвастовству служитъ только внѣшнимъ признакомъ недостатка собственнаго достоинства.

Поставь себѣ основнымъ правиломъ никогда не высказывать и не выражать какимъ-бы то ни было образомъ то, что слѣдуетъ скрыть; чтобы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, необходимо хорошо притворяться. Скромность—единственная приманка, на которую ты можешь выудить похвалу. Но помни, что незаслуженная похвала есть горькая сатира и вѣрнѣйшій путь къ обнаруженію человѣческихъ пороковъ и глупостей. Когда тебя похвалятъ, обдумай хорошенько, заслуживаешь ли ты похвалы; если не заслуживаешь, то значитъ тебя осмѣяли. Въ такомъ случаѣ постарайся на будущее время быть лучше, чтобы не подать повода къ подобной ироніи. Скромность очень хорошее качество, если она сопровождается истинными достоинствами. Ничто не можетъ сильнѣе привлечь сердца, какъ скромность и, наоборотъ, ничего нѣтъ противнѣе и болѣе отталкивающаго, какъ безстыдство и надменность. Всякій, кто любитъ черезчуръ выказываться, никому не пріятенъ; онъ постоянно самъ говоритъ о себѣ, какъ-бы изображая героя своего собствен-

наго романа. Кто-же скрываетъ свои достоинства, а выставляетъ чужія, кто мало и скромно говоритъ о себѣ, тотъ привлекаетъ къ себѣ сердца и заслуживаетъ уваженіе и любовь. Нравственное достоинство не только отличается отъ высокомѣрія такъ-же, какъ истинное мужество отъ хвастовства, или остроумная, безобидная шутка отъ насмѣшки, но оно и не имѣетъ ничего общаго съ нимъ; подобно тому, какъ торговцамъ, если они запрашиваютъ за свои товары слишкомъ высокую цѣну, предлагаютъ значительно ниже ихъ стоимости. Выходки высокомѣрнаго человѣка встрѣчаются по большей части насмѣшками или презрѣніемъ, какъ-бы съ досадой. Если-же кто требуетъ надлежащую цѣну, мы не будемъ долго торговаться.

Существуетъ, однако, большая разница между скромностью и робостью: насколько похвальна первая, настолько смѣшна вторая. Не слѣдуетъ выказывать робости, потому что люди безпощадно осмѣиваютъ ее; надо болѣе сохранять присутствія духа и самообладанія. Подъ именемъ скромности я отнюдь не подразумѣвалъ робости; напротивъ, надо быть твердымъ и непреклоннымъ въ своихъ принципахъ. Сохраняй всегда свое достоинство и дѣйствуй сообразно его требованіямъ, но тщательно скрывай, что цѣнишь его. Пусть другіе оцѣнятъ тебя. Вообще, люди постоянно стараются увеличивать въ глазахъ другихъ свое значеніе, значеніе-же другихъ—уменьшать.

Чтобы быть честнымъ человѣкомъ, недостаточно быть только справедливымъ. Благородство и великодушіе цѣнятся гораздо выше. Первый признакъ высокаго ума есть снисходительность. Мелкія и порочныя души полны гнѣва и зависти; онѣ неспособны къ возвышенному наслажденію, которое доставляетъ намъ прощеніе врагамъ нашимъ, милосердіе и великодушіе къ побѣжденнымъ. Будь терпѣливъ и осмотрителенъ. Не забывай, что заблужденія, какъ бы онѣ ни были грубы, заслуживаютъ состраданія, а не насмѣшки и наказанія. Слѣпота глазъ настолько-же достойна сожалѣнія, насколько и слѣпота духовная, и непростительно смѣяться или осуждать, если человѣкъ въ этихъ случаяхъ собьется съ пути. Христіанская любовь повелѣваетъ намъ наставлять на путь истинный человѣка заблудшагося, но запрещаетъ смѣяться надъ его несчастіемъ или наказывать его. Умъ каждаго человѣка есть его путеводитель и долженъ быть имъ. Я такъ-же мало имѣлъ бы права требовать, чтобы каждый человѣкъ былъ одинаковаго со мной роста, и цвѣта лица, какъ и того, чтобы онъ думалъ такъ-же, какъ я. Каждый человѣкъ ищетъ истины. А потому такъ-же несправедливо преслѣдовать людей за ихъ убѣжденія, какъ и насмѣхаться надъ ихъ наружностью. Тотъ человѣкъ заслуживаетъ наказанія, который лжетъ или обманываетъ, а не тотъ, который простодушно вѣритъ. Когда ты посѣ-

щаешь мѣста общественнаго богослуженія, не забывай, что никакой культъ, какъ-бы онъ ни былъ ошибоченъ, не долженъ быть предметомъ насмѣшки. Заблужденія честныхъ людей, какъ сказано выше, достойны сожалѣнія, а не осмѣянія. Предметъ общественнаго богослуженія во всемъ свѣтѣ одинъ—это Великій Создатель міра. Разнаго рода культы никогда не могутъ быть предметомъ насмѣшки. Всякая секта считаетъ своего богослуженіе лучшимъ. Но я не знаю ни одного настолько непогрѣшимаго судьи, который съ увѣренностью могъ-бы сказать, которое изъ нихъ самое лучшее.

Будь честенъ! Всякій купецъ, желающій имѣть успѣхъ въ дѣлахъ своихъ, долженъ начать съ того, чтобы составить себѣ репутацію честнаго человѣка. Онъ долженъ быть также и нравственнымъ человѣкомъ. Коль скоро у него нѣтъ ни того, ни другаго, никто не пойдетъ къ нему въ лавку. Этого правила должно держаться и въ отношеніи искусствъ и ремеслъ. Въ извѣстныхъ границахъ каждый купецъ можетъ продавать свои товары по такой цѣнѣ, какая возможна. Онъ можетъ употреблять въ свою пользу фантастическіе вкусы, прихоти и причуды своихъ покупателей; но все, что онъ выдаетъ за хорошее, должно быть въ дѣйствительности хорошо, что̀ онъ серьёзно утверждаетъ, то должно быть справедливо, если не хочетъ, чтобы его торговля пала!

4*

Такимъ-же образомъ должны поступать и знатные люди въ важныхъ житейскихъ дѣлахъ. Кто при вступленіи въ общество не постарается создать себѣ репутацію человѣка правдиваго, честнаго и съ хорошими принципами, и не докажетъ, что онъ такой въ дѣйствительности, тотъ, хотя и сможетъ нѣкоторое время обманывать и блистать, но вскорѣ принужденъ будетъ съ позоромъ удалиться и будетъ наказанъ презрѣніемъ. Недостатки характера легко прощаютъ молодымъ людямъ, но никогда не простятъ имъ ни малѣйшаго нравственнаго порока. Сердце никогда не улучшается съ годами, оно становится хуже, черствѣетъ. Человѣкъ безчестный въ юности, будетъ такимъ-же и въ старости, а обманщикъ въ юности подъ старость будетъ обманывать еще безсовѣстнѣе. Если-же молодое испорченное сердце руководится хорошей головой, — что, впрочемъ, рѣдко бываетъ, — то сознаніе сдѣланныхъ имъ промаховъ, при наступленіи старости, дѣйствительно, можетъ нѣсколько улучшить его, но такое улучшеніе можно приписать лишь извѣстнымъ политичнымъ разсчетамъ, а никакъ не серьёзнымъ убѣжденіямъ.

Говори всегда правду. Еслибы я замѣтилъ что-нибудь необыкновенное, почти неправдоподобное, я лучше умолчалъ бы, чѣмъ подалъ другому поводъ даже на минуту усомниться въ моей правдивости. Я не знаю ничего порочнѣе, противнѣе и смѣшнѣе лжи. Она обыкно-

венно бываетъ слѣдствіемъ или злости, или трусости, или тщеславія. Во всякомъ случаѣ, она не достигаетъ цѣли, потому что всегда рано или поздно ложь обнаружится. Если я распускаю злостную ложь съ намѣреніемъ очернить репутацію человѣка, то могу повредить ему лишь временно, но могу быть увѣренъ, что въ результатѣ больше всѣхъ пострадаю отъ этого самъ. Разъ меня обличатъ, — а это несомнѣнно случится, — я потеряю, изъ-за своей постыдной попытки, мое доброе имя, а вслѣдствіе того, что несправедливо оклеветалъ другого, онъ можетъ привлечь меня къ суду за клевету. Если я лгу или говорю двусмысленно, — что въ сущности одно и тоже, — съ цѣлью оправдать что-либо сказанное или сдѣланное мною, или уклониться отъ опасности или стыда, тѣмъ самымъ подвергаюсь большей опасности и стыду. Я выказываюсь постыднѣйшимъ изъ людей и увѣренъ, что меня такимъ и будутъ считать. Когда кто-нибудь настолько несчастливъ, что совершилъ проступокъ, гораздо благороднѣе сознаться въ немъ. Это единственный путь загладить его и заслужить прощеніе. Двусмысленныя рѣчи и увертки, употребляемыя съ цѣлью избѣжать опасности или непріятности, до того низки и обличаютъ такую трусость, что человѣкъ, пускающій ихъ входъ, всегда заслуживаетъ упреки и нерѣдко получаетъ ихъ.

Бываетъ еще другаго рода ложь, которая очень без-

вредна и очень смѣшна: она исходитъ изъ тщеславія. Вы работаете, наприм., для достиженія какой-нибудь цѣли, и, не достигши ея изъ малодушія, надъ ней-же смѣетесь. Такого рода ложь будетъ почти навѣрно обнаружена. Лжецъ обыкновенно разсказываетъ о неудачахъ такимъ образомъ, какъ будто-бы онѣ принесли ему величайшую честь. Онъ изображаетъ себя героемъ собственнаго романа. Онъ подвергался опасностямъ, которыхъ никто, кромѣ него, не избѣжалъ-бы. Другіе люди лишь слышали и читали о томъ, что онъ видѣлъ собственными глазами. Онъ получалъ большее число доказательствъ любви, чѣмъ сколько зналъ дамъ въ своей жизни, и увѣрялъ, что проѣзжалъ въ одинъ день бо̀льшее число миль, чѣмъ курьеръ, употреблявшій на это вдвое больше времени. Лживость его, однако, вскорѣ обнаруживается и онъ подвергается осмѣянію и презрѣнію.

Помни впродолженіи всей твоей жизни, что только одна истина можетъ помочь тебѣ безъ стыда пройти жизненный путь. Говорить всегда правду составляетъ нетолько твою обязанность, но и выгоду. Доказательства этого ты можешь видѣть въ томъ, что величайшіе глупцы—вмѣстѣ и отъявленнѣйшіе лгуны. Я, съ своей стороны, по правдивости человѣка, составляю себѣ мнѣніе и о степени его ума.

Держись извѣстныхъ образцовъ! Нравственныя преимущества пріобрѣтаются посредствомъ упражненія и

подражанія. Важнѣе всего выбрать себѣ хорошій образецъ и тщательно изучить его. Люди незамѣтно принимаютъ не только наружность, манеры, нравы и пороки окружающей ихъ среды, но и ея добродѣтели и даже образъ мыслей.

Поступай благоразумно и основательно, но держи свои основанія про себя и не говори никогда рѣшающимъ тономъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Глава I.

Хорошее и дурное общество.

Выборъ общества. — Значеніе его. — Понятіе о хорошемъ обществѣ. — Составленіе хорошаго общества. — Знатные люди. — Заслуженные люди. — Выскочки. — Полезные люди. — Артистическій міръ. — Ученые и художники. — Модныя общества. Характеристика ученыхъ въ ихъ отношеніяхъ къ обществу. — Остроумные люди. — Какъ должно вести себя въ хорошемъ обществѣ. — Дурное общество. — Порочные и ничтожные люди. — Опасности дурнаго общества. — Сужденіе о человѣкѣ по его манерамъ. —Осмотрительность въ хорошемъ обществѣ. — Стремленіе къ хорошему обществу. — Связи. — Вліяніе общества на нравы.

Выборъ общества важнѣе всего, послѣ выбора друзей. Стремись, насколько можешь, къ высшему обществу; чрезъ это ты будешь въ такой-же степени стоять выше, когда тебѣ придется имѣть сношенія съ людьми, стоящими ниже тебя. Ты самъ, какъ я уже замѣтилъ, ничто иное, какъ членъ своего общества. Не пойми неправильно моихъ словъ, что ты долженъ искать высшаго общества. Не подумай, чтобы я имѣлъ въ виду лишь

сословное преобладаніе. Это послѣднее дѣло. Я гораздо болѣе цѣню человѣка по его достоинствамъ и по тому уваженію, которымъ онъ пользуется въ свѣтѣ. Если ты спросишь, что собственно понимаю я подъ названіемъ хорошаго общества, то, признаюсь, я затруднюсь въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, однако, постараюсь, насколько можно, разъяснить тебѣ это.

Хорошее общество вовсе не то, за которое считаютъ или выдаютъ себя лица извѣстнаго круга, а то, за какое считаютъ его всѣ въ этомъ кругѣ. Хорошее общество состоитъ преимущественно, — конечно, не безъ исключенія,—изъ людей хорошаго происхожденія, званія и состоянія. Очень часто, конечно, и вполнѣ основательно, въ такое общество допускаются лица незнатнаго происхожденія и не занимающія виднаго положенія, а люди, обладающіе какими-нибудь особенными достоинствами или отличившіеся въ искусствахъ, художествахъ или наукахъ. Такимъ образомъ хорошее общество бываетъ очень смѣшаннымъ. Къ сожалѣнію, случается, что люди незнатнаго происхожденія, не обладающіе ни заслугами, ни саномъ, благодаря ревностнымъ стараніямъ, втираются въ это общество; иные-же проскальзаютъ въ него подъ покровительствомъ одного изъ членовъ его и, вслѣдствіе этого происходитъ то, что люди съ посредственной репутаціей и сомнительнаго поведенія образуютъ часть хорошаго общества. Въ общемъ-же, однако, преоблада-

ютъ хорошіе элементы. Люди съ дурной, безчестной репутаціей никогда не допускаются въ хорошее общество.

Кто, по другимъ причинамъ, а не по заслугамъ и доброй нравственности, допускается въ общество, тотъ не находитъ въ этомъ никакой чести, но пользуется лишь составляемыми тамъ связями. Мы желаемъ пригласить такого-то и такого-то потому, что онъ прекрасно поетъ; такого-то и такого-то потому, что онъ хорошо танцуетъ; ради какой-либо другой цѣли такого-то потому, что онъ постоянно шутитъ и смѣется; такихъ-то потому что они играютъ по большой, а такого-то потому, что онъ мастеръ устраивать пирушки. Но кто приглашается исключительно для извѣстнаго дѣла, тотъ всегда остается въ одиночествѣ; на него и не смотрятъ съ другихъ сторонъ и не цѣнятъ, какъ-бы ни были велики его достоинства.

Слѣдовательно, существуютъ два сорта хорошаго общества. Первое называется высшимъ свѣтомъ; оно составляется изъ людей придворныхъ, привыкшихъ къ веселой жизни, дающей тонъ. Другой сортъ состоитъ изъ людей, отличающихся какими-нибудь особенными достоинствами или выдающихся въ наукахъ и искусствахъ. Если я въ обществѣ Эдиссона и Попе, то считаю, что нахожусь въ обществѣ, настолько выше меня, насколько весь европейскій княжескій міръ.

Общество, которое составляется только изъ людей перваго разряда, собственно говоря, не можетъ назваться хорошимъ обществомъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова, если оно въ своемъ кругу не пользуется всеобщимъ уваженіемъ и не даетъ тона. Оно должно быть въ модѣ. Особы высшаго сана могутъ быть одинаково ограниченными, неразвитыми и ничтожными, какъ и люди самаго низкаго званія. Но, съ другой стороны, ни одно общество, состоящее исключительно изъ лицъ низшихъ сословій, никогда не будетъ названо хорошимъ, какъ бы ни были значительны его достоинства и умственное развитіе. Такое общество не слѣдовало-бы часто посѣщать, но отнюдь нельзя и презирать его. Въ свѣтскомъ обществѣ можно, безспорно, научиться утонченнѣйшимъ манерамъ и лучшему мѣстному языку. Вотъ, почему говорятъ о «нравахъ и языкѣ хорошаго общества». А, между тѣмъ, вѣдь не существуетъ ни одного законнаго судилища, которое могло бы предписать законы для подобныхъ вещей.

Общество, состоящее исключительно изъ однихъ ученыхъ, хотя и въ высшей степени достойно уваженія, но все-же не считается такъ - называемымъ „хорошимъ обществомъ“ въ строгомъ смыслѣ слова Ученые не могутъ обладать той непринужденностью, той утонченной любезностью, какія господствуютъ въ большомъ свѣтѣ, потому что они не живутъ въ немъ.

Если ты можешь играть соотвѣтствующую роль въ ученомъ обществѣ, то хорошо сдѣлаешь, посѣщая его. Смотря по тому, какое мѣсто ты займешь въ немъ, тебя будутъ цѣнить и въ другихъ обществахъ. Но отнюдь не предавайся ему исключительно. Въ противномъ случаѣ, тебя сочли-бы ученымъ по призванію, а это далеко не способствовало-бы твоимъ успѣхамъ въ свѣтѣ.

Для большинства молодыхъ людей общество беллетристовъ и поэтовъ особенно привлекательно. Если они сами умны, то естественно, что имъ нравится такое общество, если-же нѣтъ, то глупо гордиться тѣмъ, что попалъ въ него. Подобное общество надо посѣщать изрѣдка и вести себя крайне осторожно, и отнюдь не слишкомъ увлекаться имъ. Остроумный человѣкъ очень рѣдко бываетъ любимъ; для многихъ онъ представляетъ нѣчто отталкивающее. Въ обществѣ почти настолько-же боятся остроумныхъ людей, насколько женщина боится огнестрѣльныхъ орудій, о которыхъ думаетъ, что они сами могутъ выстрѣлить и убить ее. Знакомство съ подобными людьми хотя и драгоцѣнно, и можетъ быть полезно, но не слѣдуетъ предаваться ему исключительно, т. е. до такой степени, чтобы на тебя смотрѣли, какъ на члена его.

Теперь ты быть можетъ спросишь: во власти ли чело-

вѣка всегда попасть въ лучшее общество и какимъ образомъ этого можно достигнуть? Я отвѣчу: да, въ его власти, если онъ этого заслуживаетъ и если притомъ обладаетъ нужными связями, которыя облегчили бы ему это и нашли его достойнымъ. Личныя достоинства и вѣжливое обхожденіе всюду будутъ имѣть успѣхъ. Знанія открываютъ такому человѣку двери лучшаго общества, а вѣжливость заставитъ цѣнить его. Хорошая нравственность и учтивость, какъ я давно говорилъ тебѣ, существенно необходимы. Онѣ составляютъ украшеніе всѣхъ другихъ качествъ и дарованій. Безъ нихъ не имѣютъ надлежащей привлекательности никакая ученость, никакая талантливость. Безъ нихъ ученый— педантъ, философъ — циникъ, солдатъ — дикарь, и всякій человѣкъ одинаково непріятенъ.

Подъ названіемъ дурнаго общества, которое при всякаго рода обстоятельствахъ должно быть избѣгаемо, я подразумѣваю сообщество съ такими людьми, которые, сами по себѣ, ничтожны и презрѣнны. Такіе люди будутъ гордиться твоимъ обществомъ, поблажать твоимъ порокамъ и даже восхвалять каждую твою глупость, потому что захотятъ удержать тебя въ своемъ обществѣ. Горделивое желаніе быть первымъ въ обществѣ—слишкомъ обыкновенно, но такая гордость очень глупа и безразсудна, потому что ничто въ мірѣ не портитъ такъ характера, какъ подобная наклонность.

Если общество, въ которомъ ты чаще всего бываешь, во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже тебя, то, продолжая вращаться въ немъ, ты непремѣнно спустишься до его уровня. Я считаю нелишнимъ предостеречь тебя отъ этого, послѣ того, какъ видалъ столь многихъ людей, умныхъ и знатныхъ, которые, вслѣдствіе дурнаго сообщества, потеряли репутацію, честь и счастье. Тщеславіе служитъ источникомъ большей части нашихъ глупостей и пороковъ и многихъ увлекало въ компанію такихъ людей, которые во всѣхъ отношеніяхъ стояли далеко ниже ихъ самихъ. Въ такомъ обществѣ, если человѣкъ произноситъ рѣшающій приговоръ, то вызываетъ общее одобреніе и восторгъ. Но чтобы быть руководителемъ такого жалкаго общества, онъ въ короткое время теряетъ свою репутацію и вскорѣ закрываетъ себѣ доступъ во всякое лучшее. Будь увѣренъ, что ты возвышаешься въ хорошемъ обществѣ и падаешь въ дурномъ. Люди судятъ о тебѣ, смотря по тому, въ какомъ обществѣ ты вращаешься, и вполнѣ правы. Есть очень дѣльная испанская пословица: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты таковъ». Старайся бывать чаще всего въ такомъ обществѣ, которое всякій твой близкій считаетъ за лучшее.

Но при этомъ надо быть также осторожнымъ. Пренебрегая этимъ, многіе молодые люди становились несчастны даже и въ хорошемъ обществѣ. Хорошее об-

щество, какъ я уже замѣтилъ, состоитъ изъ свѣтскихъ людей, характеръ, качества и принципы которыхъ различны, но нравы почти одинаковы. Вступая впервые въ такое общество, молодой человѣкъ прекрасно сдѣлаетъ, если порѣшитъ во всемъ сообразоваться съ нимъ и подражать ему.

Но вотъ ему приходится слышать о разныхъ модныхъ грѣшкахъ и порокахъ. Онъ находитъ въ своемъ обществѣ людей, которые блистаютъ, возбуждаютъ всеобщее удивленіе и высоко цѣнятся, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что люди эти сластолюбцы, пьяницы и игроки. Онъ усваиваетъ себѣ ихъ пороки, потому что ошибочно считаетъ ихъ за совершенства, и думаетъ, что эти люди своимъ хорошимъ тономъ и своимъ блестящимъ положеніемъ обязаны, именно, этимъ моднымъ порокомъ. Между тѣмъ, выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Люди эти пріобрѣли свою репутацію умомъ, ученостью, умѣньемъ держать себя и другими разными истинными преимуществами. Благодаря-же своимъ моднымъ порокамъ, они теряютъ уваженіе всѣхъ разумныхъ людей, а современемъ падаютъ и въ своемъ собственномъ. Если-же ты неизбѣжно долженъ имѣть пороки, то довольствуйся своими собственными, а не заимствуй ихъ у другихъ людей. Я убѣжденъ, что усвоеніе чужихъ пороковъ въ десять разъ болѣе испортило людей, чѣмъ ихъ природныя наклонности. Поэтому старайся подражать раз-

умно и съ разборомъ истиннымъ достоинствамъ хорошаго общества, въ которомъ ты вращаешься. Заимствуй его хорошіе нравы, его манеры, приличный образъ жизни, его непринужденный тонъ; но постоянно думай о томъ, что какъ-бы блестящи ни были ихъ пороки, они все-таки пятна, которыя ты также мало долженъ усваивать себѣ, какъ-бы не захотѣлъ приставить себѣ къ лицу искусственную бородавку, потому что красивый человѣкъ счелъ-бы себя несчастливымъ, имѣя таковую даже натуральную.

Не довольствуйся простымъ, обычнымъ знакомствомъ, напротивъ, старайся при всякомъ случаѣ, попадая въ хорошій домъ, занять тамъ мѣсто въ интимномъ кружкѣ. Если тебя приглашаетъ человѣкъ хорошаго общества, никогда не отказывайся отъ приглашенія.

Отъ посѣщенія порядочнаго общества характеръ твой будетъ нѣсколько смягчаться и ты усвоишь себѣ его нравы и обычаи, потому что всякій желаетъ нравиться въ томъ домѣ, въ которомъ онъ бываетъ, а людей можно оцѣнивать справедливо лишь по ихъ образу дѣйствій.

— «Заводи связи, говоритъ г-жа Ламберъ своему сыну, —съ людьми высшаго круга; этимъ ты пріучишь себя къ почтительности и вѣжливости. Въ обществѣ-же съ равными обыкновенно держатъ себя небрежно и апатично.»

Утонченные нравы требуются только въ наилучшемъ

обществѣ. Люди зауряднаго воспитанія никогда на столько не усваивают ихъ себѣ, чтобы не проглядывало иногда тамъ и сямъ ихъ невѣжество. Стремись всегда ко всему возвышенному и посѣщай всегда самыя лучшія общества.

Глава II.

Умѣнье держать себя въ обществѣ.

Прозорливость и приличіе. — Невѣжливость въ обращеніи. — Внимательность къ говорящимъ. —Любезность.—Достоинство въ манерахъ. — Разсѣянность въ обществѣ.—Типъ разсѣяннаго.— Наблюдательность.—Выраженіе лица.—Неприличный смѣхъ.— Смущеніе въ обществѣ. —Серьезность и достоинство.—Суетливость. — Сдержанность. — Почтительность. — Необдуманныя слова и рѣчи. — Умѣнье разсказывать.—Голосъ и манера говорить.— Глупый и разумный человѣкъ.—Взглядъ на моды.—Непринужденность при входѣ.—Дурныя выраженія.

Указавши тебѣ, какого общества ты долженъ держаться, я хочу теперь преподать тебѣ нѣкоторыя правила, какъ ты долженъ вести себя, правила, которымъ научили меня ежедневный опытъ и наблюденія и которыя я могу сообщить тебѣ съ полной увѣренностью.

Прозорливость во многихъ случаяхъ имѣетъ важное значеніе въ опредѣленіи приличія, такъ какъ одна и та-же вещь въ извѣстное время и въ отношеніи одного человѣка можетъ быть прилична, а въ другое время и

въ отношеніи другаго человѣка—нѣтъ. Но есть, однако, нѣсколько общихъ правилъ, которыя примѣнимы во всякое время и при всякомъ случаѣ. Такъ, напр., всегда невѣжливо, если ты разговариваешь съ кѣмъ-нибудь, отвѣчать односложными «да» и «нѣтъ», не прибавляя: «милостивый государь, сударь, милордъ, миледи, сударыня» и т. п., смотря по тому, въ какомъ общественномъ положеніи стоитъ человѣкъ. Затѣмъ, крайне невѣжливо не выслушивать съ полнымъ вниманіемъ говорящаго и не давать надлежащихъ отвѣтовъ, или отходить въ сторону и развлекаться чѣмъ-нибудь другимъ въ то время, когда вамъ говорятъ. Все это вызвало-бы убѣжденіе, что вы считаете нестоющимъ вниманія выслушивать и труда отвѣчать на то, что вамъ говорятъ. Едва-ли нужно прибавлять, какъ невѣжливо занять въ комнатѣ лучшее мѣсто, или-же хватать за столомъ то, что тебѣ болѣе всего понравится, не предложивъ прежде другимъ; при этомъ всякій можетъ подумать, что ты не обращаешь вниманія ни на кого, кромѣ себя. Мало того, ты всегда долженъ стараться быть любезнымъ въ томъ обществѣ, въ которомъ находишься.

Но ничего не можетъ быть грубѣе, непріятнѣе и менѣе всего простительно, какъ дѣйствительное или даже кажущееся невниманіе къ тому, кто говоритъ съ тобою. Я зналъ многихъ людей, которые, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на говорящаго, смотрятъ въ потолокъ или на

какое-нибудь другое мѣсто комнаты, или-же чертятъ на окнѣ, забавляются собакой, вертятъ табакерку, или возятся съ своимъ носомъ. Люди, поступающіе такимъ образомъ, какъ-бы заявляютъ этимъ, что каждый самый незначительный предметъ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ всѣ сообщенія говорящаго. Ты можешь себѣ вообразить, какое сильное негодованіе и даже ненависть должно возбудить подобное обращеніе въ сердцѣ человѣка, у котораго есть хоть капля самолюбія. А я не зналъ ни одного, у котораго не было-бы большой дозы и самолюбія, и тщеславія. Въ извѣстной-же мѣрѣ имъ обладаетъ каждый человѣкъ, къ какому-бы сословію онъ ни принадлежалъ. Эти качества въ натурѣ человѣка.

Можно еще, пожалуй, считать любезное, вѣжливое обхожденіе не особенно важнымъ, но все-же оно очень много значитъ для тѣхъ, которые желаютъ имѣть успѣхъ въ обществѣ и особенно нравиться женщинамъ. Я зналъ много такихъ людей, которые, вслѣдствіе своихъ грубыхъ манеръ, внушали такое отвращеніе къ себѣ, что всѣ ихъ достоинства впослѣдствіи не могли преодолѣть его. Мы можемъ указать на двѣ причины этого: дурное общество и невнимательность. Поставь себѣ непремѣнной обязанностью держаться нравовъ хорошаго общества и тогда твои собственные черезъ это облагородятся. Внимательность-же необходима относительно всякаго дѣла. Невнимательный человѣкъ совершенно неспособенъ жить

въ свѣтѣ. Тотъ-же, котораго обыкновенно называютъ разсѣяннымъ — есть человѣкъ или слабоумный, или обуреваемый сильной страстью. Но кто-бы онъ ни былъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что въ обществѣ онъ будетъ всегда непріятенъ. Онъ не обращаетъ вниманія на самыя обыкновенныя правила вѣжливости; онъ какъ-бы не узнаетъ сегодня тѣхъ, съ которыми вчера обходился съ полной довѣрчивостью. Онъ не принимаетъ никакого участія въ общемъ разговорѣ и только по временамъ прерываетъ его внезапнымъ вмѣшательствомъ, какъ-бы пробуждаясь отъ сна.

Когда такой разсѣянный и неловкій простакъ входитъ въ комнату, то того и гляди, что шпага попадетъ ему между ногъ и онъ споткнется, или даже упадетъ. Когда онъ поднимется, то пойдетъ именно туда, куда не слѣдуетъ, и сядетъ тамъ, гдѣ не долженъ-бы садиться; потомъ уронитъ свою шляпу; пока поднимаетъ ее, падаетъ палка, когда онъ подымаетъ послѣднюю, снова падаетъ шляпа, такъ что проходитъ цѣлыхъ полчаса прежде, чѣмъ онъ приходитъ, наконецъ, въ порядокъ. Когда онъ пьетъ чай или кофе, то, навѣрное, обожжетъ себѣ губы, уронитъ чашку или блюдце и зальетъ панталоны. За столомъ его неловкость выказывается еще сильнѣе, потому что тамъ у него больше дѣла. То онъ держитъ ножъ, вилку и ложку совершенно иначе, чѣмъ прочіе люди, то подвергается опасности порѣ-

зать ротъ, поднося къ нему пищу ножомъ, то всовываетъ вилку въ ротъ, а ложку кладетъ на блюдо, когда она уже разъ двадцать побывала у него во рту. Когда ему приходится разрѣзывать мясо, то все неудается попасть, куда слѣдуетъ, и при тщетныхъ усиліяхъ разрѣзать ножку птицы, соусъ брызжетъ въ лицо сидящимъ возлѣ него. Онъ пачкается соусомъ и жиромъ, хотя салфетка вдѣта въ петлю его платья и подвѣшена ему подъ подбородокъ. Если онъ пьетъ, то кашляетъ въ свой стаканъ и забрызгиваетъ сосѣдей. Кромѣ того, у него есть другія странныя привычки и тѣлодвиженія. Онъ сопитъ, дѣлаетъ гримасы, держитъ палецъ возлѣ носа или сморкается, а потомъ вынимаетъ платокъ, чѣмъ возбуждаетъ въ обществѣ отвращеніе. Если ему нечего держать, то руки какъ-бы мѣшаютъ ему, онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, и онѣ постоянно въ движеніи. Платье онъ носитъ не такъ, какъ другіе люди; словомъ, дѣлаетъ все не такъ, какъ они.

Все это составляетъ несомнѣнные признаки или крайне слабаго и односторонняго ума, или-же человѣка до того разсѣяннаго, что заставляетъ предполагать, что онъ занятъ исключительно однимъ какимъ-нибудь очень важнымъ вопросомъ и вполнѣ поглощенъ имъ. Исаакъ Ньютонъ, Локкъ и, быть можетъ, пять-шесть другихъ людей, съ сотворенія міра, имѣли нѣкоторое право

на подобную разсѣянность, вслѣдствіе глубокаго, сосредоточеннаго мышленія, котораго требуетъ изслѣдованіе истины. Если-же молодой человѣкъ, а тѣмъ болѣе свѣтскій, не имѣющій подобныхъ основаній и правъ на такую разсѣянность, вздумалъ-бы дѣйствовать такимъ образомъ, то это повлекло-бы за собою исключеніе его изъ среды всякаго общества.

Недостатокъ внимательности, или, лучше сказать, недостатокъ обдуманности, есть глупость или безуміе. Ты долженъ не только обращать вниманіе на все, но и обладать полной всеобъемлющей внимательностью; такъ, чтобы одновременно замѣчать всѣхъ, находящихся въ комнатѣ, видѣть всѣ ихъ взгляды и движенія и слышать всѣ ихъ рѣчи, не устремляя, однако, при этомъ ни на кого своихъ взоровъ и не подавая вида, что слѣдишь за ними. Такое быстрое, незамѣтное наблюденіе доставляетъ въ жизни безконечныя выгоды. Оно должно пріобрѣтаться очень тщательно. Такъ называемое, отсутствіе мысли и полная невнимательность къ окружающему дѣлаетъ людей похожими на глупцовъ или безумцевъ. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу въ этомъ никакой существенной разницы. У безумнаго мысль всегда отсутствуетъ, глупецъ потерялъ ее, а разсѣянный теряетъ свою на нѣкоторое время.

Изъ вышеприведеннаго ты видишь, чего не долженъ дѣлать. А потому теперь ты легко можешь вывести заключеніе о томъ, что тебѣ слѣдуетъ дѣлать, а постоянное

наблюденіе за образомъ дѣйствій людей, которые видали свѣтъ, послужитъ тебѣ хорошей помощью. Тогда ты будешь стараться отвѣчать всегда вѣжливо, когда кто заговоритъ съ тобой, будешь садиться на нижнемъ концѣ стола, пока тебя не пригласятъ сѣсть выше. Слѣдуетъ всегда сначала пить за здоровье хозяйки, а потомъ хозяина, стараться не ѣсть неловко и неопрятно. Не слѣдуетъ также садиться, когда другіе стоятъ, и дѣлать все съ пріятнымъ выраженіемъ, а отнюдь не серьезной, кислой миной, какъ-будто ты все дѣлаешь только по принужденію.

Конечно, я не думаю сказать этимъ, чтобы ты принималъ ту глуповатую, безсмысленную улыбку, которая такъ нравится глупцамъ, когда они хотятъ быть учтивыми, а такое выраженіе, которое доказывало-бы разумнаго, веселаго человѣка. Я отъ души желалъ-бы, чтобы тебя почаще видѣли улыбающимся, но никогда не слыхали смѣющимся. Относительно смѣха я предостерегаю тебя. Частый и громкій смѣхъ есть признакъ глупости и дурнаго воспитанія. Такимъ образомъ народъ выражаетъ свою простодушную радость по поводу самыхъ ничтожныхъ явленій. По моему мнѣнію, ничто болѣе не выказываетъ недостатка воспитанія, какъ громкій смѣхъ. Истинное остроуміе и здравый умъ, съ сотворенія міра, никогда не возбуждали смѣха. Умные и хорошо воспитанные люди только смѣются, но никогда не хохочутъ. Случается

что иногда кто нибудь-хочетъ сѣсть, предполагая, что сзади его стоитъ стулъ, не находитъ его и, вмѣсто того, падаетъ на полъ и тѣмъ вызываетъ такой смѣхъ, какого не вызоветъ никакая самая остроумная шутка. Это, по моему мнѣнію, есть ясное доказательство того, какъ неприличенъ смѣхъ.

При небольшомъ усиліи, всегда легко преодолѣть желаніе смѣяться. Но такъ какъ смѣхъ обыкновенно смѣшиваютъ съ понятіемъ о веселости, то, вообще, мало обращаютъ вниманія на его неприличіе. Я вовсе не меланхоликъ и не угрюмый человѣкъ и способенъ быть веселымъ, какъ и другіе; но съ того времени, когда во мнѣ пробудилось самосознаніе, никто никогда не слыхалъ меня смѣющимся. Вслѣдствіе застѣнчивости и ложной стыдливости, многіе люди усвоили себѣ очень непріятную привычку смѣяться при каждомъ словѣ. Я зналъ одного человѣка, который не могъ произнести ни одного слова безъ того, чтобы не смѣяться. Кто недостаточно зналъ его, долженъ былъ предположить, что природа желала представить изъ него глупца.

Эта и многія другія дурныя привычки происходятъ отъ ложнаго стыда, испытываемаго нѣкоторыми людьми при первомъ появленіи въ обществѣ. Тогда они робѣютъ и до того смущаются, что дѣлаютъ тысячи разныхъ неловкостей, желая, однакожъ, держаться непринужденно. Но такого рода штуки переходятъ мало-по-малу въ при-

вычку. Нѣкоторые ковыряютъ пальцемъ въ носу, другіе царапаютъ себѣ ногтями голову, третьи опять вертятъ свои шляпы; словомъ, каждый неловкій и недостаточно воспитанный человѣкъ имѣетъ какую-нибудь дурную привычку. Итакъ, отъ всѣхъ этихъ неловкостей и дурныхъ привычекъ, которыя хотя и не пороки, должно тщательно оберегаться, потому что онѣ чрезвычайно мѣшаютъ людямъ нравиться. А понравиться почти также важно, какъ имѣть успѣхъ,—по крайней мѣрѣ, это необходимый, предварительный шагъ къ нему.

Извѣстная степень наружной серьезности во взглядѣ и движеніяхъ сообщаетъ достоинство и отнюдь не исключаетъ остроумія и приличной веселости. Постоянно веселое выраженіе лица и безпокойная подвижность тѣла составляютъ несомнѣнные признаки пустаго характера. Кто безпокойно держитъ себя, тотъ обнаруживаетъ свою неспособность къ исполненію принятыхъ имъ на себя обязанностей. Быстрота-же въ движеніяхъ и торопливость совсѣмъ другое дѣло. Я прошу тебя въ особенности обращать вниманіе на движенія твоихъ рукъ. Затѣмъ всякій благовоспитанный человѣкъ долженъ наблюдать за манерой надѣвать шляпу и подавать руку.

Многіе люди могутъ, скорѣе, прилично ходить и стоять, чѣмъ сидѣть. Неловкіе, дурно воспитанные индивидуумы

стѣсняющіеся въ обществѣ, сидятъ обыкновенно, какъ аршинъ проглотившіе, другіе-же ужъ черезъ-чуръ непринужденно держатъ себя, разваливаются въ креслахъ, что неприлично и невѣжливо, если ты находишься, напр., не въ самомъ дружескомъ кругу. Свѣтскій человѣкъ чувствуетъ себя очень удобно, если граціозно облокотится на ручку кресла, вмѣсто того, чтобы растянуться въ немъ. Въ обществѣ людей равныхъ тебѣ, ты можешь позволить себѣ болѣе удобства и свободы, но все-же приличіе заставляетъ и тамъ удерживаться въ извѣстныхъ рамкахъ. Вѣжливость въ общежитіи всегда необходима. Скромнымъ образомъ ты можешь предложить тему для обсужденія; но берегись, чтобы не случилось по французской пословицѣ: «въ домѣ повѣшаннаго заговорить о веревкѣ». Можешь пользоваться большой свободой, хотя ни въ какомъ случаѣ не безграничной, въ твоихъ словахъ, мимикѣ, движеніяхъ. Можешь, если захочешь, сунуть руки въ карманы, удобно усѣсться, стоять или ходить; но неприлично было-бы засвистать, надѣть шляпу, раскинуться на кушеткѣ или раскачиваться въ креслѣ. Это такого рода вольности, которыя можно себѣ позволить только, когда ты совершенно одинъ. Въ отношеніи высшихъ онѣ были-бы неуважительны, въ отношеніи равныхъ — оскорбительны и непріятны, въ отношеніи низшихъ — грубы и пренебрежительны.

Существуютъ также неприличныя слова и выраженія,

которыхъ надо тщательно избѣгать. Къ нимъ принадлежатъ архаизмы и простонародныя пословицы и поговорки. Они прямо служатъ доказательствомъ, что человѣкъ вращался въ дурномъ обществѣ. При нѣкоторой внимательности этого легко избѣжать. Неловкостью будетъ также, напримѣръ, и то, если ты спутаешь или забудешь чье-нибудь имя и, говоря о какомъ-нибудь господинѣ, скажешь: «Какъ бишь его зовутъ?» Невѣжливо также давать людямъ непринадлежащій имъ титулъ, или, наоборотъ, не упоминать ихъ титула, говоря съ ними. Непріятно и неприлично начинать разсказъ о томъ, чего не помнишь хорошенько и не съумѣешь окончить, причемъ тебѣ придется сказать: „а остальное я забылъ!“ Во всемъ, что ты говоришь, ты долженъ быть очень точнымъ и яснымъ; иначе ты только утомишь и смутишь другихъ, вмѣсто того, чтобы занять или научить ихъ. Равно и голосъ, и манера говорить не должны быть небрежными. Многіе говорятъ сквозь зубы и какъ-бы бормочатъ про себя, вслѣдствіе чего ихъ трудно понять. Другіе же излишней быстротой и торопливостью дѣлаютъ свою рѣчь непонятною. Одни говорятъ такъ громко, какъ будто-бы они въ обществѣ глухихъ; а другіе—такъ тихо, что ихъ совсѣмъ неслышно. Все это неловко, непріятно и можетъ быть устранено постояннымъ наблюденіемъ надъ собою. Приведенные мною недостатки доказываютъ, что говорящій не получилъ достаточнаго воспитанія. Ты не

можешь себѣ представить, какъ важно обращать вниманіе на всѣ эти мелочи. Я видалъ, что многіе даровитые и достойные люди производили дурное впечатлѣніе только потому, что имъ недоставало умѣнья говорить и держать себя, тогда какъ въ томъ-же обществѣ пользовались не малымъ успѣхомъ люди сравнительно ничтожные.

Все то, что ты скажешь высокомѣрнымъ тономъ или, наоборотъ, съ замѣшательствомъ, или же-съ безобразными ужимками — будетъ, навѣрное, принято дурно. Если будешь бормотать про себя, говорить невнятно или непріятно, это примутъ еще хуже. Если твоя физіономія и твоя рѣчь будутъ пошлыми, неловкими и безтолковыми, то, если ты обладаешь очень большими достоинствами, тебя будутъ, пожалуй, цѣнить, но никогда ты не будешь нравиться; а не понравившись, тебѣ трудно будетъ имѣть успѣхъ. Неловкая рѣчь, грубыя выраженія, некрасивыя движенія и жесты, вообще, много вредятъ дѣлу и доказываютъ или дурное воспитаніе, или дурное общество. Люди, вообще, таковы, какими ихъ дѣлаетъ воспитаніе и общество въ періодъ ихъ жизни отъ 15 до 20 лѣтъ. Въ полку узнаютъ новобранца по его неловкости. Но онъ долженъ быть невообразимо глупъ, если, въ продолженіи одного или двухъ мѣсяцевъ, не привыкнетъ, по крайней мѣрѣ, къ обыкновеннымъ военнымъ пріемамъ и не съумѣетъ казаться вполнѣ солдатомъ.

Даже одежда свѣтскаго человѣка обременяетъ человѣка низшаго сословія. Онъ не знаетъ, что ему дѣлать съ своей шляпой, если она у него на головѣ. Одежда такъ дурно сидитъ на немъ и стѣсняетъ его, что онъ кажется скорѣе ея плѣнникомъ, чѣмъ владѣльцемъ. Въ общество вступаетъ онъ какъ, жалкій грѣшникъ является передъ судомъ. Ужъ одно выраженіе его лица выдаетъ его. Люди свѣтскіе никогда не сойдутся съ нимъ. Это отчужденіе гонитъ его въ дурное общество, которое есть бездна, откуда въ извѣстномъ возрастѣ ни одинъ человѣкъ не вынырнетъ.

Одежда, сама по себѣ, ничтожная вещь, но производитъ, однако, непріятное впечатлѣніе, если человѣкъ не одѣвается сообразно требованіямъ того общества, въ которое онъ является. Я долженъ сознаться, что не могу не составить мнѣнія о человѣкѣ по его костюму. И мнѣ кажется, что такъ поступаетъ большая часть людей. По моему мнѣнію, всякій недостатокъ въ одеждѣ обнаруживаетъ и недостатокъ въ понятіяхъ. Разница между умнымъ человѣкомъ и дуракомъ состоитъ въ томъ, что дуракъ, нарядившись, воображаетъ о себѣ что-то, тогда какъ умный смѣется надъ этимъ, потому что, вообще, никогда не позволитъ себѣ ни малѣйшей небрежности въ одеждѣ. Есть масса глупыхъ вещей, къ которымъ слѣдуетъ ловко приноровиться. Діогенъ былъ мудрецъ, потому что презиралъ подобныя

вещи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глупъ, потому что выказывалъ это презрѣніе. Будь, если можешь, умнѣе другихъ людей, но не говори имъ этого. Умный человѣкъ тщательно избѣгаетъ всякой оригинальности въ своей одеждѣ. Онъ опрятенъ ради самого себя, все-же остальное онъ дѣлаетъ ради другихъ. Онъ одѣвается также хорошо и носитъ такое-же платье, какъ и другіе разумные люди, сообразно съ мѣстной модой. Если онъ одѣвается лучше, чтобы превзойти ихъ, то онъ глупъ, если-же хуже, то это непростительное неряшество. Но все же я предпочелъ-бы, чтобъ молодой человѣкъ одѣвался скорѣе черезчуръ хорошо, чѣмъ черезчуръ дурно. Излишекъ франтовства исчезнетъ, когда, съ годами, онъ станетъ благоразумнѣе. Но если онъ неряшливъ въ двадцать лѣтъ, то въ сорокъ будетъ противенъ, а въ пятьдесятъ отвратителенъ. Одѣвайся нарядно тамъ, гдѣ всѣ одѣты нарядно, и просто, гдѣ всѣ одѣты просто; заботься лишь о томъ, чтобы твое платье было хорошо сдѣлано и хорошо на тебѣ сидѣло, иначе ты можешь показаться страннымъ. Но разъ ты одѣтъ хорошо, не думай больше объ этомъ, для того, чтобы не показать, что ты только и думаешь о своемъ костюмѣ. Не будь черезчуръ неподвиженъ; напротивъ, старайся быть какъ можно непринужденнѣе и натуральнѣе въ твоихъ движеніяхъ, какъ-будто на тебѣ ничего нѣтъ.

Только по наружному виду можно на первый взглядъ заключить о порядочности человѣка. Для открытія - же его душевныхъ качествъ нужно время. А между тѣмъ, едва-ли есть что-нибудь необходимѣе въ свѣтѣ, какъ вполнѣ безукоризненный наружный видъ. Также мало мирятся съ чопорностью, какъ и съ нахальствомъ или ложной скромностью. Немножко церемонности часто необходимо, а внѣшняя скромность всегда производитъ пріятное впечатлѣніе.

Не употребляй никогда глупой фразы: «я не могу того-то и того-то», хотя-бы вещь была невозможна какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Это любимая фраза и неприличное оправданіе всѣхъ глупцовъ. «Я не могу дольше сосредоточивать моего вниманія на одномъ и томъ-же предметѣ», говоритъ глупецъ, т. е. онъ до такой степени глупъ, что не хочетъ этого. Всякому стыдно, если кто говоритъ, что онъ не можетъ сдѣлать того, что дѣлаютъ всѣ другіе.

Глава III.

Главныя общественныя добродѣтели.

Школа и искусство жить.—Теорія и опытъ.—Правила и наука.—Естественная нравственность.—Нравы, какъ соціальное условіе.—Соціальные недостатки.—Гордость.—Невѣжливость.—Малодушіе.—Вѣжливость.—Услужливость и самоотверженіе.—Вѣжливость къ женщинамъ.—Уваженіе къ обществу.—Внимательность и осторожность въ обществѣ. — Какъ должно разговаривать въ обществѣ.—Умѣніе разсказывать. — Навязчивость.—Самовосхваленіе.—Къ чему приводитъ тщеславіе.—Разговоръ о домашнихъ обстоятельствахъ. — Различіе въ характерѣ обществъ. — Подозрительность и недовѣрчивость въ общественныхъ отношеніяхъ.—Горячность и громогласность въ разговорѣ. — Скромность въ выраженіи своего мнѣнія.—Молчаливость.—Способъ выказывать почтеніе.— Какъ должно держать себя въ отношеніи высокопоставленныхъ лицъ, равныхъ себѣ и знакомыхъ.—Взглядъ на возрастъ и полъ.—Право женщинъ на вѣжливость къ нимъ.— Типы общества.—Изящная дама.—Учтивый господинъ. — Уваженіе къ таковымъ. — Ихъ вліяніе.

Учителя обучаютъ молодыхъ людей лишь наукамъ, но не въ состояніи научить ихъ искусству жить. Часто также это можно отнести и къ родителямъ

По крайней мѣрѣ, они упускаютъ это изъ виду, потому что заняты другимъ, или изъ равнодушія, или въ томъ убѣжденіи, что самый лучшій способъ научить молодыхъ людей узнать свѣтъ было-бы втолкнуть ихъ въ него. Этотъ послѣдній взглядъ, въ извѣстномъ отношеніи, довольно справедливъ. Несомнѣнно, что узнать свѣтъ по однимъ теоріямъ совсѣмъ невозможно. И вообще, для молодаго человѣка крайне полезно запастись картой, составленной опытнымъ путешественникомъ, прежде чѣмъ отправиться въ страну, преисполненную извилинъ и лабиринтовъ.

Образованные люди вездѣ хорошо принимаются. Образованіе служитъ украшеніемъ наукамъ и пролагаетъ имъ путь въ свѣтъ. Подобно неотдѣланному алмазу, наука, благодаря своей внутренней цѣнности, будетъ очень пригодна въ кабинетѣ, гдѣ она также можетъ служить къ удовлетворенію любознательности, но пока она не отшлифована, она не войдетъ въ употребленіе и не будетъ имѣть блеска.

Существуетъ одно естественное, нравственное свойство, которое извѣстно всякому умному человѣку и которое наблюдается каждымъ, кто обладаетъ хотя-бы въ самой умѣренной степени добродушіемъ. Это свойство совершенно независимо отъ моды; оно состоитъ въ стремленіи нравиться и въ желаніи расположить къ себѣ своихъ ближнихъ всякаго рода услугами. Это свой-

ство также естественно въ добродушномъ дикарѣ, какъ и въ цивилизованномъ европейцѣ. Это вовсе не значитъ отказываться отъ своихъ собственныхъ удобствъ въ пользу другихъ. Вся его выгода въ томъ, что оно установило общественный обмѣнъ мелкихъ услугъ и удовольствій жизни. Тотъ, кто посягаетъ на чужую собственность тотъ вполнѣ справедливо за это наказывается. Безнравственный человѣкъ, который своимъ поведеніемъ нарушаетъ спокойствіе другихъ и возмущаетъ счастье семейной жизни, также просто, съ общаго согласія, изгоняется изъ общества. Взаимная услужливость, внимательность и готовность пожертвовать маленькими удобствами также естественны и употребительны между образованными людьми, какъ и покровительство и повиновеніе между властителями и подданными. Кто нарушаетъ такія отношенія, тотъ справедливо лишается всѣхъ вытекающимъ изъ этого выгодъ.

Знанія ученаго, мужество героя и добродѣтель стоика, правда, достойны удивленія, но если знанія соединены съ гордостью, мужество съ дерзостью, а добродѣтель съ непреклонною строгостью, то такой человѣкъ никогда не будетъ любимъ. Чрезмѣрная вѣжливость гордеца оскорбительнѣе, чѣмъ могла-бы быть его невѣжливость. Онъ даетъ понять, что только одна снисходительность и доброта побуждаетъ его относиться къ вамъ такъ, какъ вы не имѣете права и требовать.

Вмѣсто дружелюбія, онъ навязываетъ свое покровительство, но не обыкновеннымъ образомъ, а свысока. Онъ не приглашаетъ васъ къ себѣ, а какъ-бы разрѣшаетъ являться въ его общество. Разсчетливая щедрость надутаго богача оскорбляетъ нищету, которой иногда приходится принимать его милостыню. Такой человѣкъ желаетъ, чтобы другой самъ сознавалъ свое несчастье и разницу между нимъ и собой, и въ заключеніе еще даетъ понять, что всякій самъ виноватъ въ своемъ положеніи: одинъ богатъ, благодаря своей мудрости, другой — бѣденъ, благодаря своей глупости. Такъ, напыщенный педантъ никогда не дѣлится своей мудростью, а выставляетъ ее на показъ. Онъ скорѣе готовъ, гдѣ только возможно, выказать невѣжество другихъ, чѣмъ даже собственную ученость.

Такое поведеніе возмущаетъ при всякихъ обстоятельствахъ небольшую гордость и тщеславіе, которыя присущи каждому человѣку. Оно даже ослабляетъ въ насъ чувство благодарности за оказаную милость, потому что напоминаетъ намъ объ основномъ побужденіи и о томъ, какимъ образомъ эта милость была оказана.

Я держусь того мнѣнія, что при сознаніи, что ты сдѣлалъ доброе дѣло деликатно, сознаніе это доставитъ тебѣ высшее наслажденіе. Даже съ людьми низкаго общественнаго положенія надо быть вѣжливымъ и деликатнымъ. Дворянинъ соблюдаетъ это при-

личіе и относительно своей прислуги, и даже нищихъ на улицѣ. Онъ считаетъ ихъ достойными сожалѣнія, а не оскорбленія, и ни съ кѣмъ не станетъ говорить грубымъ тономъ; а, въ случаѣ надобности, спокойно дѣлаетъ однимъ выговоры, а другимъ ласково отказываетъ. Нѣтъ такого положенія въ свѣтѣ, при которомъ грубый тонъ былъ-бы приличенъ порядочному человѣку. Ты долженъ быть учтивъ непринужденно и какъ прилично порядочнымъ людямъ. Никогда не должно стыдиться того, что̀ справедливо. Еслибы ты не былъ учтивъ, то имѣлъ-бы основаніе стыдиться. Почему тебѣ стыдиться быть учтивымъ? Почему тебѣ не сказать любезную фразу также непринужденно и натурально, какъ-бы ты спросилъ: который часъ? Французы называютъ этотъ ложный стыдъ: «mauvaise honte». Стыдиться безъ достаточнаго основанія смѣшно. Быть-же непринужденно вѣжливымъ очень нравственное свойство и единственный путь быть пріятнымъ и хорошо принятымъ въ обществѣ. Дерзость-же, напротивъ, и невѣжество невыносимы и указываютъ вѣрный путь къ исключенію изъ него. Никогда не должно позволять себѣ пользоваться тѣми преимуществами и удобствами, на которыя и другіе имѣютъ право, какъ напримѣръ, лучшія мѣста, утонченнѣйшія кушанья и т. д. Мало того, ты долженъ отклонять подобныя предложенія и передавать ихъ другимъ, которые въ свой

чередъ предложатъ ихъ тебѣ. Такъ что, въ сущности, ты всегда будешь имѣть свою долю въ общественныхъ правахъ.

Женщины въ высокой степени обладаютъ искусствомъ упрочивать и уничтожать репутацію всякаго образованнаго человѣка. Вслѣдствіе-то этого съ ними надо обращаться съ особенной вѣжливостью. Онѣ привыкли къ ней, ожидаютъ ее и, надо отдать имъ справедливость, всегда платятъ тѣмъ-же. Надо стараться быть возможно больше услужливымъ и усерднымъ, когда въ какихъ-либо публичныхъ мѣстахъ хлопочешь объ ихъ экипажахъ или тому подобныхъ удобствахъ, и не видѣть того, чего ты не долженъ видѣть. Но гдѣ не можешь избѣжать этого, тамъ долженъ еще болѣе стараться помочь имъ.

Какъ-бы незначительно ни было общество, но пока ты въ немъ, не давай замѣтить, что ты его считаешь таковымъ. Даже говори въ его тонѣ, примѣняйся къ его слабостямъ, вмѣсто того, чтобы оказывать презрѣніе. Вообще, люди менѣе всего могутъ выносить и прощать презрѣніе къ себѣ и скорѣе забудутъ несправедливость, чѣмъ оскорбленіе ихъ самолюбія. А потому, если ты предпочитаешь нравиться скорѣй, чѣмъ оскорблять, предпочитаешь, чтобы о тебѣ говорили хорошо, чѣмъ дурно, быть любимымъ, чѣмъ ненавидимымъ, то прими себѣ за правило постоянно соблюдать ту внимательнотть, которая

льститъ тщеславію каждаго человѣка, и опущеніе которой, оскорбляя гордость, всегда возбуждаетъ мстительность и недоброжелательство.

Большая часть людей, чтобы не сказать всѣ, имѣютъ свои слабости, свои склонности и пристрастія къ тѣмъ или другимъ вещамъ. Захочешь ты посмѣяться, напр., надъ кѣмъ-нибудь за его пристрастіе къ кошкамъ или къ сыру, или, черезъ свою невнимательность, поставить его въ неловкое положеніе, тамъ гдѣ-бы ты могъ предостеречь его, въ первомъ случаѣ онъ сочтетъ себя оскорбленнымъ, а во второмъ униженнымъ, и въ обоихъ случаяхъ отмститъ. Стараніе же твое доставлять ему то, что ему нравится, и удалять то, чего онъ терпѣть не можетъ, напротивъ, послужитъ ему доказательствомъ, что онъ пользуется, по крайней мѣрѣ, твоимъ вниманіемъ. Это льститъ его тщеславію и вѣрнѣе гарантируетъ тебѣ его дружбу, чѣмъ значительная услуга. Женщины же обращаютъ вниманіе на еще болѣе мелкія вещи и если это принято въ свѣтѣ, то тѣмъ болѣе надо держаться условныхъ приличій.

Общеизвѣстное правило, которое я преподамъ тебѣ относительно жизни въ свѣтѣ, и въ справедливости котораго убѣдитъ тебя современемъ опытъ, состоитъ въ слѣдующемъ: никогда не давать тона въ обществѣ, напротивъ, приноравливаться къ тому, который существуетъ въ немъ, и больше стараться о томъ, чтобы оно получи-

ло хорошее мнѣніе о тебѣ, чѣмъ о томъ, чтобы вызвать въ немъ удивленіе къ твоей особѣ. Общество, которое ты приведешь къ этому, плѣнится и тобой И такъ, принимай тонъ того общества, въ которомъ находишься. Будь серьёзенъ, веселъ, даже шутливъ, смотря по тому, какое настроеніе преобладаетъ въ обществѣ. Съ шутливыми — ты долженъ шутить, съ серьёзными — быть серьёзнымъ и танцовать подъ дудку тѣхъ, кто наигрываетъ. Говори часто, но никогда долго. Если ты не понравишься, то можешь, по крайней мѣрѣ, быть увѣренъ, что не утомилъ своихъ слушателей. Плати всегда по своему счету, но не угощай всѣхъ. Это одинъ изъ немногихъ случаевъ, когда люди не желаютъ, чтобы имъ услуживали; напротивъ, всякій хочетъ показать, что онъ самъ можетъ заплатить. Рѣдко разсказывай въ обществѣ какія-нибудь исторіи и то лишь такія, которыя пріятны и очень коротки. Если же знаешь какую нибудь въ этомъ родѣ и она подходяща къ разговору, то разскажи ее, отбросивъ всѣ ненужныя подробности, и берегись многословія. Скажи притомъ, что ты вообще не любитель разсказовъ, но что ты соблазнился коротостью этого. Кто слишкомъ часто прибѣгаетъ къ ра зспросамъ, тотъ обнаруживаетъ большой недостатокъ фантазіи. Избѣгай въ разговорѣ своего собственнаго *я*. Никогда не надоѣдай другимъ разсказомъ о твоихъ приключеніяхъ. Если онѣ для тебя

интересны, то для всякаго другаго тѣмъ болѣе скучны и глупы. Къ тому же, надо всегда держать свои собственныя дѣла въ тайнѣ. Если-же ты имѣлъ какіе нибудь успѣхи, то не выставляй ихъ на показъ въ обществѣ и не старайся, какъ дѣлаютъ многіе, дать другое направленіе разговору, когда тебѣ представится случай выставить себя. Если ты обладаешь дѣйствительными достоинствами, то, повѣрь, что онѣ будутъ замѣчены и даже съ гораздо большей выгодой для тебя, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы ты самъ указалъ на нихъ.

Никогда не трогай никого, ради того, чтобы заставить себя слушать. Если люди не хотятъ тебя слушать, то лучше, если ты будешь молчать, чѣмъ они. Большая часть неудержимыхъ болтуновъ выискиваютъ себѣ гдѣ-нибудь несчастнаго человѣка, обыкновенно молчаливѣе всѣхъ, или обращаются къ ближайшему сосѣду, которому жужжатъ въ ухо или могутъ болтать шепотомъ. Все это чрезвычайно невѣжливо и неблаговидно, потому что разговоръ есть общественное достояніе. Съ другой-же стороны, если такой немилосердный болтунъ изберетъ тебя своей жертвой, то слушай его съ терпѣніемъ или, по крайней мѣрѣ, хоть съ кажущимся вниманіемъ, въ особенности, если это такіе люди, которые заслуживаютъ, чтобы расположить ихъ къ себѣ. А ничто такъ не располагаетъ, какъ терпѣливое вниманіе, точно также, какъ ничѣмъ нельзя болѣе доса-

дить, какъ оставить собесѣдника среди рѣчи или выказать скуку, навѣянную его болтовней.

Во всемъ и при всякомъ случаѣ остерегайся, насколько возможно, говорить о самомъ себѣ. Наше природное высокомѣріе и тщеславіе такъ велики, что у людей, даже съ самыми лучшими характерами,самолюбіе прорывается наружу. Многіе говорятъ безъ вызова и порывисто о самихъ себѣ. Эти люди безстыдны. Другіе-же идутъ къ дѣлу, какъ они воображаютъ, съ нѣкоторою хитростью. Они выдумываютъ обвиненія противъ себя и жалуются на никогда не существовавшія клеветы единственно для того, чтобы, въ случаѣ ихъ оправданія, выставить перечень множества ихъ добродѣтелей. Но этотъ тонкій покровъ тщеславія слишкомъ прозраченъ, чтобы остаться скрытымъ даже для ограниченнаго ума. Третьи дѣлаютъ это скромнѣе, но еще хитрѣе, какъ они полагаютъ; но, по моему мнѣнію, ихъ методъ еще смѣшнѣе. Стыдливо и съ смущенной миной перебираютъ они всѣ свои преобладающія добродѣтели, причемъ одновременно выдаютъ ихъ за слабости, а затѣмъ считаютъ за несчастье имѣть такіе недостатки. Никого, говорятъ они, не могутъ они видѣть страдающими, чтобы самимъ не испытать сердечной боли и не помочь. Никого они не могутъ видѣть въ нуждѣ, чтобы не облегчить ее, хотя бы ихъ собственныя обстоятельства не позволяли имъ этого. Они

не могутъ удержаться, чтобы не высказать правды, хотя-бы и знали, какъ это неосторожно. Словомъ, имъ хорошо извѣстно, что, при всѣхъ этихъ слабостяхъ, они не годятся для свѣтской жизни, а тѣмъ менѣе, имѣть въ ней успѣхъ. Но теперь они уже слишкомъ стары, чтобы измѣниться, и должны идти своимъ путемъ. Со сцены такія рѣчи показались-бы смѣшны и утрированы, а между тѣмъ, ихъ довольно часто приходится слышать съ жизненной сцены. При этомъ я долженъ замѣтить, что въ жизни тебѣ часто будутъ встрѣчаться такіе развращенные люди, какихъ ни одинъ осторожный поэтъ не осмѣлился-бы вывести на сцену въ ихъ настоящемъ видѣ. Побужденія тщеславія и гордости въ человѣческой природѣ такъ сильны, что проявляются даже въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ. Нерѣдко видишь людей, старающихся добиться похвалы тамъ, гдѣ, если даже предположить, что все, что они говорятъ, правда, — что, мимоходомъ сказать, рѣдко бываетъ, — не заслуживаетъ ни малѣйшей тѣни ея.

Такъ, напр., одинъ утверждаетъ, что проѣхалъ въ 6 часовъ 100 анг. миль. Понятно, что это ложь. Но допустимъ, что это и правда, что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Что изъ него вышелъ-бы хорошій курьеръ—вотъ и все! Другой утверждаетъ, и даже не безъ клятвы, что онъ въ одинъ присѣстъ выпивалъ отъ 6 до 8 штофовъ вина.

Изъ христіанской любви хочу признать его лжецомъ. Если же онъ не вретъ, то я долженъ назвать его скотомъ.

Вотъ безумства и развращенность, къ которымъ приводитъ человѣка тщеславіе. Но тщеславіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуетъ и противъ своей конечной цѣли. Оно дѣлаетъ недостойнаго человѣка въ то-же время еще презрѣннѣе, когда онъ стремится заслужить уваженіе. Хочешь ты избѣжать этого зла, старайся ничего не говорить о себѣ. Если-же ты вынужденъ разсказать что нибудь о самомъ себѣ, то остерегайся каждаго слова, которое бы такъ или иначе не показало, что ты добиваешься одобренія. Качества твои, какія бы онѣ ни были, будутъ признаны, но никто не оцѣнитъ ихъ съ твоихъ словъ. Не воображай себѣ, что то, что ты самъ выставишь на видъ, способно скрыть твои недостатки или придать блескъ твоимъ достоинствамъ. Изъ десяти случаевъ въ девяти, первые выступятъ на первый планъ, а послѣднія померкнутъ. Если ты будешь молчать о себѣ самомъ, то менѣе рискуешь подвергнуться осужденіямъ, насмѣшкамъ и т. п., а, скорѣе, заслужишь похвалу. Если же будешь самъ восхвалять себя, въ какой бы то ни было хитрой формѣ, всѣ возстанутъ противъ тебя и ты не достигнешь цѣли, которую преслѣдуешь.

Неблаговоспитанный человѣкъ большею частью тол-

куетъ только о своихъ домашнихъ дѣлахъ, о своей прислугѣ, о необыкновенномъ порядкѣ, который господствуетъ въ его домѣ, а также о мелкихъ приключеніяхъ у сосѣдей; обо всемъ этомъ онъ трактуетъ, какъ о важныхъ предметахъ. Такой человѣкъ похожъ на болтливую женщину въ мужскомъ костюмѣ. Старайся-же не говорить о своихъ домашнихъ дѣлахъ и о дѣлахъ другихъ. До первыхъ другимъ нѣтъ никакого дѣла, а до послѣднихъ—тебѣ. Не слѣдуетъ также довѣрять тому, что̀ кажется, потому что наружное обращеніе бываетъ обманчиво даже въ отношеніяхъ супруговъ, родителей, дѣтей и друзей; часто случается, что, при самыхъ лучшихъ свѣтскихъ отношеніяхъ, происходятъ непріятныя столкновенія.

Въ большей части смѣшанныхъ обществъ остроуміе, веселое расположеніе духа и шутка допускаются. Онѣ вносятся отовсюду, но не могутъ, однако, пересаживаться на другую почву. Каждое общество стоитъ въ извѣстномъ положеніи и имѣетъ свой особенный языкъ. Что̀ въ одномъ обществѣ подаетъ поводъ къ остроумію и веселости, то въ другомъ можетъ показаться глупымъ и неприличнымъ. Ничто не можетъ казаться глупѣе, какъ непонятая острота или неудавшаяся шутка. Легче представить себѣ, чѣмъ описать непріятное положеніе человѣка, когда онъ встрѣчаетъ глубокое молчаніе тамъ,

гдѣ ожидалъ всеобщаго одобренія, но, что̀ еще досаднѣе, когда васъ просятъ объяснить вашу остроту.

Человѣкъ низшаго общественнаго положенія всегда конфузливъ и подозрителенъ, а въ мелочахъ горячится. Онъ воображаетъ, что на него глядятъ съ презрѣніемъ и все, что̀ бы ни говорили, принимаетъ на свой счетъ. Если смѣются, онъ думаетъ, что смѣются надъ нимъ. Тогда онъ начинаетъ сердиться, говоритъ грубости и вообще ведетъ себя неприлично, воображая, что мужественно отстаиваетъ свои права.

Благовоспитанный-же человѣкъ никогда не воображаетъ себѣ, что онъ выдающаяся личность, на которую направлены всѣ взоры, все вниманіе и рѣчи всего общества. Онъ отнюдь не питаетъ подозрѣнія, что его презираютъ или смѣются надъ нимъ, если не сознаетъ, что заслуживаетъ этого. Развитіе благовоспитанныхъ людей охраняетъ ихъ отъ подобныхъ подозрѣній. Если-же случайно какая-нибудь болтливая женщина или безстыдный глупецъ позволили-бы себѣ нѣчто подобное, то лучше притвориться, что не понимаешь, чѣмъ отвѣтить на это. Если общество (что очень рѣдко случается) будетъ на столько безтактно и невѣжественно, чтобы совершить подобный поступокъ, то не слѣдуетъ обращать на это вниманіе, если оскорбленіе не настолько грубо и ясно, чтобы потребовало удовлетворенія. Тотъ, кто стоитъ, выше этихъ мелочей, не выкажетъ съ своей

стороны ни вспыльчивости, ни горячности, а постарается лучше все уладить, чѣмъ ссориться.

Никогда не разговаривай съ горячностью и возвышеніемъ голоса, если даже думаешь или знаешь, что ты правъ; высказывай, напротивъ, свои взгляды осмотрительно и хладнокровно, —это единственно, чѣмъ ты можешь убѣдить.

Доказывая свое мнѣніе и опровергая другія, если онѣ ошибочны, будь сдержанъ, какъ въ словахъ, такъ и въ выраженіяхъ. Говори, по возможности, спокойнымъ тономъ, кротко, естественно и непринужденно; употребляй, при возраженіяхъ, скромныя выраженія, какъ напр.: «я могу ошибаться», «я не вполнѣ увѣренъ», «мнѣ кажется», «я думаю», и т. д. Если-же и это не поможетъ, старайся дать разговору другое направленіе, причемъ скажи сдержаннымъ тономъ: «намъ трудно будетъ понять другъ друга, да въ этомъ и нѣтъ необходимости; такъ поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ».

Въ заключеніе-же спора, отпусти какую-нибудь приличную шутку, чтобы показать, что и ты самъ не разсердился и не желалъ разсердить твоего противника. Если-же споръ продолжается слишкомъ долго, то часто случается, что между спорящими сохраняется нѣкоторое время непріязненная холодность.

Очень остерегайся слышанное въ одномъ обществѣ

повторять въ другомъ. Я говорю здѣсь не объ однѣхъ шуткахъ. Какъ-бы ни были ничтожны вещи, но переданныя въ другомъ мѣстѣ, имѣютъ гораздо серьёзнѣйшія послѣдствія, чѣмъ ты можешь себѣ представить. Кромѣ того, въ обществѣ, вообще, господствуетъ нѣкоторое какъ-бы условленное довѣріе, въ силу котораго каждый обязывается не болтать о томъ, что онъ слышитъ, хотя-бы никто явно не обязывалъ къ молчанію. Такой болтунъ обыкновенно попадаетъ въ разнаго рода непріятныя столкновенія и гдѣ онъ появляется, отъ него сторонятся и неохотно принимаютъ его.

Ты долженъ имѣть уваженіе къ обществу. Мало, кто не выказываетъ почтенія такимъ лицамъ, которыя занимаютъ гораздо высшее общественное положеніе, чѣмъ они, какъ, напр., коронованнымъ особамъ, принцамъ и сановникамъ, занимающимъ высшія государственныя должности. Но способы выказывать это почтеніе различны. Свѣтскій человѣкъ выражаетъ его въ высшей мѣрѣ, но натурально, непринужденно и безъ отвращенія. Тотъ-же, кто принадлежитъ къ образованному обществу, неловокъ въ выраженіи этого почтенія и оно стоитъ ему большаго труда. Но никогда не видалъ я самаго неблаговоспитаннаго человѣка, чтобы онъ, въ обществѣ людей, которыхъ уважаетъ, позволилъ себѣ облокотиться, свистать, почесываться и продѣлывать тому подобныя неприличности. Но надо въ осо-

бенности наблюдать, чтобы выраженіе почтительности не было натянуто, небрежно, а, напротивъ, крайне любезно. Наблюденіе за собою и опытъ научатъ этому.

Кто попадаетъ въ смѣшанное общество и образуетъ часть его, отъ того требуютъ, чтобы онъ держалъ себя на равной ногѣ съ прочими. А такъ какъ, въ этомъ случаѣ, не представляется особеннаго повода къ выказыванію почтенія, то люди всегда охотно позволяютъ себѣ больше свободы въ своемъ обращеніи и гораздо менѣе остерегаются. Но все это допускается лишь въ опредѣленныхъ границахъ, преступать которыя отнюдь не дозволяется. Но, хотя въ подобномъ обществѣ никто и не имѣетъ права на особенное почтеніе, всякій претендуетъ, и вполнѣ основательно, на то, чтобы къ нему относились прилично и вѣжливо. Удобства допускаются, но безпечность и небрежность строго воспрещаются. Если кто обращается къ тебѣ и говоритъ, хотя бы крайне неинтересно и глупо, было бы больше, чѣмъ невѣжливо, было бы грубо, еслибы ты далъ ему замѣтить своимъ невниманіемъ, что считаешь его глупцомъ и что слушать его не стоитъ.

Въ подобномъ обществѣ надо различно обходиться съ людьми разныхъ возрастовъ и половъ. Съ людьми преклонныхъ лѣтъ, серьёзныхъ и достойныхъ, ты не долженъ позволять себѣ говорить о твоихъ удовольстіяхъ; они въ правѣ разсчитывать на уваженіе молодежи. Ты долженъ держать себя относительно ихъ также непри-

нужденно, какъ и между своими сверстниками, но оттѣнокъ обращенія долженъ быть другой. Нелишне даже было бы дать имъ замѣтить, что ты не прочь чему-либо научиться отъ нихъ. Это льститъ старымъ людямъ и вознаграждаетъ ихъ за то лишеніе, что они не могутъ принимать участія въ разговорахъ и развлеченіяхъ молодежи. Рѣзкіе приговоры неприличны молодымъ людямъ; они рѣдко должны позволять себѣ утверждать что-либо, даже и въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ. Люди пожилые и очень опытные всегда разсчитываютъ на подобную почтительность и имѣютъ на нее право.

Относительно женщинъ, въ особенности, ты долженъ быть почтительнымъ и внимательнымъ, что-бы ты ни чувствовалъ въ душѣ. Это обязанность, требуемая приличіемъ. Очень мило и любезно, если ты выражаешь свое уваженіе въ веселомъ настроеніи духа. Но разговоръ, который ты ведешь съ женщинами или то, что̀ ты имъ говоришь, должно прямо или косвенно клониться къ похвалѣ ихъ, а отнюдь не къ порицанію ихъ качествъ.

Вотъ и здѣсь ты долженъ также обращать большое вниманіе на различія возраста, общественнаго положенія и сословія. Къ какому бы сословію ни принадлежала женщина, ея полъ даетъ ей право на вѣжливость и услужливость со стороны мужчинъ. Человѣкъ благовоспитанный долженъ обращать вниманіе на ихъ маленькія требованія, на ихъ симпатіи и антипатіи, ихъ до-

стоинства и недостатки, на ихъ предразсудки и даже капризы и сообразоваться со всѣмъ этимъ. Онъ долженъ льстить имъ, угадывать, насколько возможно, ихъ желанія и предупреждать ихъ.

Въ каждомъ обществѣ ты непремѣнно встрѣтишь двѣ фигуры, стоящія во главѣ: изящную даму и такого же господина, которые, что̀ касается остроумія, рѣчи, моды и вкуса, предписываютъ законы всему обществу. Между этими двумя лицами обыкновенно много общаго и тѣсная связь. Женщина смотритъ на свое господство, какъ-будто оно основано на правѣ ея божественной красоты. И въ самомъ дѣлѣ, право это почти также божественно, какъ и то, которымъ могутъ похвалиться король, императоръ или папа. Она требуетъ неограниченнаго пассивнаго повиновенія и получаетъ его. Да и почему-бы ей отказать въ немъ? Вѣдь она не требуетъ ничего бо̀льшаго, какъ того, чтобы за ней было признано непреложное первенство красоты, остроумія и любезности.

Притязанія изящнаго свѣтскаго человѣка основываются почти на томъ-же. Если онъ даже и не всегда и повсюду остроуменъ, то все же, если онъ признанъ за таковаго въ какомъ нибудь обществѣ, онъ имѣетъ право на подчиненіе себѣ другихъ. Благоразуміе велитъ тебѣ выказывать почтеніе къ этимъ лицамъ. Я не знаю, почему-бы и не дѣлать этого. Возмущеніе противъ этого

здѣсь особенно опасно и неизбѣжно будетъ наказано изгнаніемъ и мгновеннымъ униженіемъ твоего остроумія, твоей нравственности, вкуса и приличія. Въ противномъ случаѣ, добровольная покорность и нѣкоторая лесть при этомъ, навѣрное, доставитъ тебѣ могущественную рекомендацію даже и въ другія общества. При небольшой проницательности, не болѣе, какъ черезъ полчаса по вступленіи въ общество, ты легко узнаешь этихъ выдающихся лицъ, во-первыхъ, по тому благоговѣнію, съ которымъ относится къ нимъ все общество, а затѣмъ по непринужденному, беззаботному, веселому виду, который придаетъ имъ сознаніе ихъ могущества.

Глава IV.

Искусство нравиться.

Желаніе нравиться.—Осмотрительность.—Искусство нравиться и честолюбіе.—Примѣненіе нравственности.—Заслуга.—Ненависть.—Вліяніе граціи.—Небрежное отношеніе къ наружному виду.—Разныя мелочи, на которыя должно обращать вниманіе.—Взглядъ на различныя склонности.—Какъ можно нравиться женщинамъ.—Качества хамелеона.—Настроеніе и расположеніе духа.—Веселость.—Взглядъ на характеръ общества.—Искусство говорить.—Разнаго рода уступки обществу.—Энергія въ мнѣніяхъ.—Сильный духомъ.—Крѣпость.—Буйность и твердость.—Какъ можно вызвать благосклонность знатныхъ.—Страстность и легкомысліе.—Защита отъ лести.—Радость.—Самоувѣренность.—Ложный стыдъ и безстыдство.—Взглядъ на чужіе обычаи.—Языкъ черни.—Простонародныя поговорки.—Фразы.—Сдержанность.—Лукавство и неустрашимость.—Совѣтъ матери.—Прощаніе съ обществомъ.—Благодарность ему.—Распространеніе репутаціи.

«Тѣ, которые рождены, чтобы жить вмѣстѣ, сказалъ Монтескье:—рождены и для того, чтобы нравиться другъ другу». Итакъ, искусство нравиться крайне необходимо. Прежде всего я хочу выразить основное положеніе, что

въ желаніи нравиться заключается, по малой мѣрѣ, половина искусства. Остальному тебя научатъ наблюденіе, внимательность и пребываніе въ хорошемъ обществѣ. Если-же ты лѣнивъ и небреженъ, если тебѣ все равно, нравишься ты или нѣтъ, то можешь быть увѣренъ, что никогда не понравишься. Поступай такъ, какъ ты хочешь, чтобы съ тобою поступали—это наивѣрнѣйшее искусство нравиться, какое я знаю.

Въ особенности, обращай вниманіе на то, что тебѣ нравится въ другихъ; можетъ быть, то-же самое понравится и другимъ въ тебѣ. Мужчины, какъ и женщины, чаще руководятся сердцемъ, чѣмъ умомъ. Но путь къ сердцу идетъ черезъ разумъ. Понравься на глазъ и на слухъ, дѣло будетъ въ половину сдѣлано. Я часто видѣлъ, что счастіе человѣка рѣшалось при первомъ его появленіи. Если онъ любезенъ, то люди невольно придутъ къ убѣжденію, что онъ обладаетъ такими достоинствами, которыхъ вовсе и нѣтъ. Если же, напротивъ, онъ нелюбезенъ, то они отнесутся къ нему непріязненно и не признаютъ въ немъ тѣхъ достоинствъ, которыми онъ, въ самомъ дѣлѣ, обладаетъ. И это вовсе не такъ несправедливо и неразумно, какъ можетъ показаться, на первыхъ порахъ. Кто уменъ, тотъ долженъ знать какъ безконечно важно, напр., умѣть вести пріятный разговоръ и кроткое, любезное обращеніе. Любезное обращеніе есть какъ-бы цементъ, связывающій

общство, какъ деньги въ торговомъ мірѣ. То и другое основывается на взаимномъ обмѣнѣ и люди также не любезно встрѣтились-бы съ медвѣдемъ, какъ не предложили-бы денегъ человѣку, который наканунѣ банкротства. Образованность должна сопровождаться достоинствомъ, которое уважаетъ даже самый нахальный человѣкъ. Никто никогда не сказалъ никакой дерзости герцогу Мальборо, какъ никто никогда не выказалъ сэру Роберту Вальполю простой вѣжливости, а всякій осыпалъ его лестью. «Умѣть жить въ свѣтѣ»—это очень подходящее выраженіе для означенія ловкости, вѣжливаго обращенія и способности приноровиться ко всякому обществу. Оно означаетъ также, что человѣкъ, необладающій этими качествами, не принадлежитъ къ свѣтскимъ людямъ. Безъ нихъ, наилучшія дарованія не имѣютъ успѣха, вѣжливость непривлекательна, а развязность неприлична. Способъ, какимъ дѣлаются нѣкоторыя вещи, часто важнѣе самой вещи. Картина дороже, чѣмъ ея матеріалъ. Такъ говорятъ о произведеніяхъ художниковъ. Матеріалы, какъ-то: золото, серебро и т. п., драгоцѣнны, но работа ихъ драгоцѣннѣе. То-же можно сказать и о нравахъ, которые украшаютъ всѣ дары разума и на девять десятыхъ человѣчества производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ внутреннее достоинство.

Я не могу себѣ представить, чтобы человѣкъ съ до-

брымъ характеромъ и здравымъ умомъ не испытывалъ страстнаго желанія нравиться. Добродушіе пробуждаетъ въ насъ желаніе нравиться всѣмъ, съ кѣмъ мы сходимся, къ какому-бы классу онъ ни принадлежалъ. А здравый умъ, равно какъ и извѣстная доля наблюдательности, указываетъ намъ на выгоды, получаемыя отъ умѣнья нравиться. «О! возразятъ мнѣ: —нравиться можно хорошими сердечными качествами и познаніями, безъ помощи модныхъ манеръ и наружнаго вида, которые, въ сущности, не больше, какъ мишура!» Я отрицаю это. Правда, человѣкъ можетъ быть высоко цѣнимъ, уважаемъ и безъ нихъ, но нравиться онъ не будетъ. Серьёзное, благородное честолюбіе пріобрѣсти уваженіе въ свѣтѣ необходимо пробуждаетъ стремленіе нравиться и указываетъ на средства къ этому. Искусство нравиться, въ дѣйствительности, ничто иное, какъ умѣнье выказать себя, выдвинуться, чтобы заслужить въ свѣтѣ, уваженіе и найти счастье.

Сердце имѣетъ такое сильное вліяніе на умъ, что стоитъ не мало труда склонить его на свою сторону. Во всемъ женскомъ мірѣ оно играетъ преобладающую роль, но и у мужчинъ, и, именно, у лучшихъ, оно имѣетъ такое важное значеніе, что при каждой борьбѣ съ разумомъ одерживаетъ надъ нимъ побѣду. «Умъ, замѣчаетъ Ларошфуко въ своихъ нравственныхъ изрѣченіяхъ: —часто направляется сердцемъ къ лучшему». Скажи онъ

вмѣсто «часто» — «всегда», онъ былъ-бы ближе къ истинѣ.

А коль скоро это такъ, то дѣйствуй всегда на сердце! Одно внутреннее достоинство недостаточно; хотя оно и даетъ тебѣ всеобщее уваженіе, но не возбуждаетъ особеннаго расположенія, т. е. не привлекаетъ сердца отдѣльнаго человѣка. Чтобы заслужить расположеніе извѣстной особы, ты долженъ пріобрѣсти и извѣстное достоинство, которое оцѣнила-бы она. Ты можешь достичь этого разными услугами, увѣреніями въ твоемъ глубокомъ уваженіи и преданности, услужливостью и вниманіемъ къ ней и т. д. Пріятный-же способъ дѣйствія открываетъ тебѣ путь къ ея сердцу, обезпечиваетъ, и укрѣпляетъ вліяніе. Представь себѣ, напр., на основаніи твоего собственнаго наблюденія, какое дурное впечатлѣніе производитъ на тебя при первомъ взглядѣ человѣкъ, который говоритъ нескладно, съ непріятнымъ произношеніемъ, какъ-то: заиканье, бормотанье, монотонность, и при этомъ является неряшливо или грязно одѣтымъ. Подумай также, какъ эти вещи возстановляютъ тебя противъ него, хотя-бы, можетъ быть, ты и зналъ что онъ обладаетъ умомъ и достоинствами. И затѣмъ представь себѣ, наоборотъ, какое благопріятное впечатлѣніе произвело бы на тебя въ первую минуту противоположное появленіе. Прежде всего ты испытываешь желаніе найти въ немъ всѣ хорошія качества.

Если-же не находишь ихъ, то испытываешь разочарованіе.

Тысячи необъяснимыхъ мелочей дѣйствуютъ вмѣстѣ и образуютъ грацію, нѣчто неопредѣленное, непередаваемое, но такое, что вездѣ и всегда нравится. Красивая фигура, ловкія движенія, хорошій костюмъ, гармоничный голосъ, открытое и веселое, но отнюдь не смѣющееся лицо, ясное и благозвучное произношеніе, все это и многія другія вещи составляютъ необходимыя основныя части этого необъяснимаго цѣлаго, что̀ каждый чувствуетъ, но никто не можетъ описать. Слово дано намъ для выраженія нашихъ мыслей, а потому неприлично выражать ихъ такъ, чтобы люди или не понимали, или, наконецъ, вовсе не хотѣли понимать ихъ. Рядомъ съ пріятнымъ произношеніемъ, необходимы приличныя манеры и ловкость, такъ какъ эти качества повсюду высоко цѣнятся. Небрежность въ этомъ отношеніи молодымъ людямъ прощается менѣе, чѣмъ принужденность. Она доказываетъ возмутительное равнодушіе къ тому, что нравишься ты или нѣтъ. Невѣжливое обращеніе отталкиваетъ людей, а неряшливость въ одеждѣ и въ прическѣ есть неприличный проступокъ противъ обычаевъ и моды.

Не пренебрегай ничѣмъ, что можетъ нравиться: тысячи неопредѣленныхъ мелочей, дѣйствуя совокупно, составляютъ въ цѣломъ то, что нравится, подобно тому,

какъ кусочки мозаики, когда они въ отдѣльности, представляютъ мало привлекательнаго и цѣннаго, тогда какъ, при искусномъ сочетаніи, образуютъ цѣлое, которое нравится всѣмъ. Взглядъ, тѣлодвиженія, тонъ голоса, осанка, все содѣйствуетъ великому дѣлу нравиться. Необходимая составная часть искусства нравиться есть то, что̀ французы называютъ «les attentions». Мы льстимъ самолюбію того, которому выказываемъ разнаго родавниманіе. Оно плѣняетъ больше, чѣмъ гораздо значительнѣйшія вещи. Оно—добровольное приношеніе въ жертву приличія и добросердечія, и оно такъ и принимается, и за него отвѣчаютъ тѣмъ же. Женщины имѣютъ особенное право на нихъ и всякое поступленіе въ этомъ отношеніи считается невѣжливостью.

Есть извѣстныя маленькія любезности, которыя крайне пріятны, потому что льстятъ самолюбію и гордости, неразлучнымъ съ человѣческой природой, и суть несомнѣнныя доказательства уваженія, которое мы заслуживаемъ отъ тѣхъ, кому оказываемъ эти любезности. Наблюдаютъ, напримѣръ, за удовольствіями, наклонностями и вкусами своихъ гостей и затѣмъ стараются добыть то, что̀ имъ нравится, и устранить все, что̀ имъ противно, причемъ вѣжливымъ образомъ даютъ имъ понять это. Такого рода вниманіе заставляетъ людей думать, что они почти единственный предметъ нашихъ мыслей и заботъ.

Въ обхожденіи съ женщинами, равно какъ и съ мужчинами, извѣстная кротость особенно пріятна; это доказываетъ любезность характера. Но этого рода кротость легче испытать, чѣмъ описать. Она заключается въ привѣтливости, нѣкоторой уступчивости, но безъ униженности, въ приличномъ выраженіи лица, жестовъ и произношеніи, чтобы все было въ согласіи. Тщательно наблюдай за тѣми, которые обладаютъ этими качествами и очаровываютъ ими другихъ; тогда ты легче поймешь, въ чемъ тутъ дѣло. Этого образа дѣйствій ты долженъ, въ особенности, держаться въ томъ случаѣ, когда вынужденъ отказать кому-нибудь въ его желаніи или сообщить что-нибудь непріятное. Въ такихъ случаяхъ, слѣдуетъ подсластить горькую пилюлю.

Неловкіе, непріятные и глупые люди могутъ говорить въ пользу своего здраваго смысла и логическихъ выводовъ, что̀ хотятъ; могутъ пренебрегать этимъ изящнымъ поведеніемъ, которое плѣняетъ умъ и сердце; но они увидятъ и очень удивятся, что ихъ грубый, неотесанный образъ мыслей, ихъ неприличныя, грубыя, хотя-бы твердыя основанія не нравятся и не убѣждаютъ, а, скорѣе, утомляютъ вниманіе и возбуждаютъ негодованіе. Мы всѣ скорѣе предпочитаемъ, чтобы намъ нравились, чѣмъ поучали насъ. Поученіе до нѣкоторой степени оскорбительно, потому что предполагаетъ невѣжество,

а потому необходимо нѣсколько подслащать его, чтобы оно не было противно.

Мягкость нравовъ въ общественной жизни также необходима, какъ гибкость ума—въ политической. Чтобы удержать за собой преобладаніе, часто надо дѣлать уступки; чтобы возвыситься, нерѣдко надо унижаться. Надо, какъ говоритъ ап. Павелъ, служить многимъ, чтобы пріобрѣсть расположеніе нѣсколькихъ. «Когда отвергнутый любовникъ низринутъ въ самую глубь, говоритъ Драйденъ, онъ съеживаетси лишь ради того, чтобы побѣдить, падаетъ къ ногамъ лишь ради того, чтобы возвыситься». Это можно одинаково приложить къ вельможѣ, равно какъ и къ властительницѣ. Качества хамелеона часто необходимы въ свѣтѣ и ихъ слѣдовало-бы пускать еще нѣсколько дальше и еще скорѣе приложить къ дѣлу. Ты долженъ въ извѣстной степени приноравливаться къ всякому мужчинѣ или женщинѣ, съ которыми хочешь или долженъ стать въ хорошія отношенія.

Одно изъ важнѣйшихъ правилъ приличія, которое, однако, довольно рѣдко соблюдается, предписываетъ намъ не навязывать своего расположенія духа, всякому напротивъ, сообразоваться съ настроеніемъ того, съ кѣмъ ты сходишься. Если ты дурно настроенъ или огорченъ чѣмъ-нибудь, то не долженъ являться въ общество и жаловаться на свои непріятности. Если-же ты не мо-

жешь преодолѣть своего дурнаго настроенія, то ищи сообщества такихъ людей, настроеніе которыхъ соотвѣтствовало бы твоему.

Старайся никогда не являться съ мрачной и таинственной физіономіей. Это было бы и нелюбезно, и подозрительно. Если же ты покажешься скрытнымъ, то и съ тобой не будутъ откровенны, и ты ничего не узнаешь. Старайся быть веселъ и остроуменъ въ обществѣ, но избѣгай по возможности юношеской небрежности. Насколько веселость и остроуміе привлекательны, настолько небрежность часто оскорбительна. Постарайся ознакомиться съ характеромъ общества и его отношеній, прежде чѣмъ ты дашь волю своему воображенію. Во всѣхъ обществахъ насчитывается болѣе ограниченныхъ, чѣмъ умныхъ людей, и они заслуживаютъ скорѣе порицаніе, чѣмъ похвалу. И такъ, если ты будешь восхвалять добродѣтель, которою нѣкоторые изъ общества вовсе не обладаютъ, или порицать порокъ, которымъ одержаны другіе, то этимъ ты навлечешь на себя ихъ нерасположеніе.

Старайся убѣждать иначе тѣхъ, которые найдутъ твой тонъ слишкомъ строгимъ и рѣшительнымъ. Если же онъ не таковъ, то не допускай, что бы онъ и казался такимъ. Придавай своему лицу кроткое выраженіе. Уважай мнѣнія другихъ и выражай свое въ сдержанномъ тонѣ. Употребляй, напр., такого рода фразы: «если мнѣ позволено будетъ сказать»; «можетъ быть, дѣло и

не въ томъ положеніи»; «по крайней мѣрѣ, у меня полное основаніе сомнѣваться въ моихъ словахъ» и т. п. Такія смягчающія и плѣнительныя выраженія отнюдь не ослабляютъ твоихъ основаній, напротивъ, онѣ укрѣпляютъ ихъ, потому что придаютъ имъ болѣе пріятную форму. Если-же кто споритъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и съ упорствомъ и твердостью будетъ стоять на своемъ, то дѣлай нѣкоторыя уступки, говоря при этомъ разсудительно и кроткимъ тономъ. Этимъ ты охранишь себя отъ негодованія людей. Немногіе настолько проницательны, чтобы видѣть болѣе того, что показываетъ наружность; немногіе достаточно внимательны, чтобы наблюдать за всѣмъ, и достаточно старательны, чтобы проникать въ глубь вещей. Они составляютъ свои мнѣнія поверхностно. Они хвалятъ и считаютъ кроткимъ и благовоспитаннымъ человѣка по его пріятному обращенію, хотя, быть можетъ, только разъ были въ его обществѣ. Счастливъ тотъ, кто, при извѣстномъ запасѣ знаній и умственныхъ дарованій, довольно рано вступилъ въ свѣтъ, чтобы въ зрѣломъ возрастѣ имѣть право смѣяться надъ нимъ такъ, какъ надъ большинствомъ смѣется свѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ это обычная участь молодыхъ людей. Они становятся умнѣе, когда уже поздно, и съ досады и стыда, что ихъ такъ долго надували, дѣлаются часто сами обманщиками. Самъ ты никогда не долженъ довѣряться ка-

жущемуся и внѣшнему виду, а долженъ, напротивъ, лишь угощать имъ другихъ. Ты можешь быть увѣренъ, что изъ десяти человѣкъ девять повѣрятъ тебѣ и постоянно будутъ вѣрить. Такой образъ дѣйствій ничуть не предосудителенъ, если онъ употребляется не съ дурнымъ намѣреніемъ. Никто не можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я ищу благосклонности и расположенія другихъ, разъ что я не обманываю ихъ.

Мало вещей, о которыхъ нельзя было-бы сказать чего-нибудь, если только это будетъ сказано съ убѣжденіемъ, нѣкоторой ироніей или остроуміемъ. Знаніе свѣта, по большей части, и состоитъ въ томъ, чтобы знать, когда и гдѣ умѣть пустить ихъ въ ходъ. Любезность человѣка, выраженіе физіономіи, манера говорить играютъ столь значительную роль, что одно и то-же можетъ нравиться, если говорится благовоспитанной особой и въ пріятныхъ выраженіяхъ, и, наоборотъ, можетъ оскорбить, если то-же самое говоритъ глупый человѣкъ, съ серьёзной, мрачной физіономіей. Поэты обыкновенно представляютъ Венеру въ обществѣ трехъ грацій, какъ-бы указывая тѣмъ, что безъ нихъ красота не можетъ нравиться. Я полагаю, что имъ слѣдовало бы окружить граціями и Минерву, потому что убѣжденъ, что безъ нихъ и ученость имѣетъ мало привлекательности.

Кроткое, пріятное обращеніе часто выродилось-бы

въ униженную, робкую услужливость и перешло-бы въ пассивное поведеніе, еслибы энергія и твердость не поддержали и не облагородили его, точно такъ, какъ послѣднія качества обращаются въ наглость и упрямство, если не умѣряются кротостью и скромностью. Но оба эти качества, однако, рѣдко сходятся вмѣстѣ. Человѣкъ страстный и съ сильнымъ умомъ презираетъ кротость и воображаетъ, что онъ своею силою можетъ покорить все. Конечно, это ему можетъ иногда удаться, если онъ имѣетъ дѣло съ слабыми и робкими людьми. Но въ общемъ, ему на роду написано быть оскорбляемымъ, ненавидимымъ, а, слѣдовательно, никогда не достигнуть цѣли. Съ другой стороны, кроткій, услужливый человѣкъ всего добьется своею уступчивостью и пріятнымъ обращеніемъ. Онъ служитъ всѣмъ различнымъ образомъ. Онъ какъ-бы не имѣетъ своего собственнаго мнѣнія и раболѣпно раздѣляетъ господствующій взглядъ. Черезъ это, однако, онъ пріобрѣтаетъ уваженіе однихъ только глупцовъ и вскорѣ его обличаютъ, а, въ концѣ концовъ, онъ, навѣрное, подвергнется общему презрѣнію. Въ большей части хорошихъ обществъ ты найдешь людей, которые занимаютъ тамъ свое мѣсто на основаніи весьма подозрительнаго права. Такого человѣка мы называемъ «толстокожимъ», но французы называютъ его «bon diable» (добрякъ). Это люди безхарактерные и глупые, люди, не имѣющіе собственной воли и потому

постоянно готовые восхвалять все, что въ обществѣ говорится и дѣлается,—люди, которые одинаково равнодушно принимаютъ всякій самый лучшій, равно какъ и самый умный, какъ и самый ничтожный проэктъ, лишь-бы только онъ былъ предложенъ большинствомъ общества. Эта глупая и пошлая услужливость обнаруживаетъ недостатокъ всякаго другого достоинства. Всѣ прочіе роды любезности въ хорошемъ обществѣ не только не заслуживаютъ порицанія, напротивъ, даже необходимы; напримѣръ, не только допускается, но даже до нѣкоторой степени составляетъ долгъ вѣжливости дѣлать видъ, что ты отнюдь не замѣчаешь маленькихъ слабостей общества. Ты даже можешь льстить имъ, и если дѣлаешь это, то тобою будутъ довольны, если же не дѣлаешь, то, конечно, не будешь имѣть никакого вліянія.

Теперь разсмотримъ выгоды, исходящія изъ вышеизложенныхъ правилъ.

Если ты пользуешься властью и имѣешь право повелѣвать, то приказанія твои, отдаваемыя въ мягкой формѣ, будутъ охотно, весело, а слѣдовательно, и хорошо выполняемы. Но если ты станешь приказывать надменно или дерзко, то приказанія твои, какъ говоритъ Тацитъ, скорѣе возбудятъ негодованіе, чѣмъ будутъ приведены въ исполненіе. Ты долженъ показать спокойно и рѣшительно, что требуешь повиновенія тамъ, гдѣ

имѣешь право приказывать. Дружелюбный тонъ, которымъ ты будешь взывать къ повиновенію, сдѣлаетъ его какъ-бы добровольнымъ и насколько возможно смягчитъ горькое сознаніе подчиненности.

Имѣешь-ли ты просить о какой-либо милости или о томъ, что̀ тебѣ слѣдуетъ, то долженъ дѣлать это кротко; въ противномъ же случаѣ, ты подашь тѣмъ, которые захотятъ отказать тебѣ, лишь поводъ къ отказу. Съ другой стороны, ты долженъ приличной твердостью выказать свою энергію. Въ поступкахъ людей рѣдко бываютъ справедливы тѣ, которые основываются на правѣ. Относительно вельможъ и другихъ знатныхъ людей это въ особенности такъ бываетъ. Часто они уступаютъ назойливости и страху тамъ, гдѣ отказали бы праву и достоинству. Кроткимъ и пріятнымъ обращеніемъ старайся, на сколько можешь, привлечь ихъ сердца, или остерегайся, по крайней мѣрѣ, подать имъ поводъ, оскорбиться. Будь самъ твердъ на дѣлѣ, страхомъ или любовью принудь ихъ къ уступчивости тамъ, гдѣ ты тщетно ждалъ-бы ихъ справедливости или великодушія.

Знатные люди очерствѣли къ нуждѣ и потребностямъ человѣчества, какъ врачъ къ тѣлеснымъ недугамъ. Они видятъ и слышатъ ихъ ежедневно, и такъ часто притворныя, что никогда не могутъ разобраться, что̀ правда и что̀ притворство. Тогда нужно обращаться къ дру-

гимъ ихъ чувствамъ, а не къ одной справедливости и человѣколюбію, нужно снискать ихъ благосклонность, помощью кротости и любезности въ обращенія. При этомъ нужно быть твердымъ въ дѣлѣ. Ученье это заключаетъ въ себѣ также единственный извѣстный мнѣ способъ быть любимымъ, а не презираемымъ въ свѣтѣ, гдѣ-бы тебя боялись, а не ненавидѣли. Оно представляетъ достоинство ума и качества характера, которыми долженъ дорожить всякій умный человѣкъ.

Если ты сознаешь, что у тебя страстный, вспыльчивый темпераментъ, способный къ неосторожнымъ, необдуманнымъ поступкамъ и рѣзкимъ выраженіямъ относительно высшихъ, равныхъ или низшихъ тебѣ, то тщательно сдерживай его и прибѣгай къ помощи кротости и мягкости въ твоемъ образѣ дѣйствій. При первомъ припадкѣ вспыльчивости замолчи, пока не успокоишься. Старайся такъ владѣть своей физіономіей, чтобы она не выдавала твоего внутренняго возбужденія. Это крайне выгодно. Съ другой стороны, не допускай увлечь себя никакой любезностью, никакой кротостью, или вынудить какими-либо льстивыми словами, угодливостью и ласками на одну іоту уклониться отъ того, что повелѣваетъ тебѣ разумъ и благоразуміе; дѣлай новыя попытки, будь твердъ и ты увидишь, что все, что не выходитъ изъ границъ, можетъ быть достигнуто. Робость и уступчивая кротость всегда подвергается злоупотреб-

леніямъ и насмѣшкамъ со стороны людей непорядочныхъ и безчувственныхъ, но если она сопровождается энергіей и твердостью, то всегда будетъ уважаема и обыкновенно имѣть успѣхъ.

Ничто такъ не способствуетъ молодому человѣку попасть въ дурное общество, какъ робость и недовѣріе къ себѣ. Если онъ думаетъ, что не понравится, то можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что, дѣйствительно, не понравится. Но при надлежащемъ стремленіи къ тому, чтобы нравиться, и при извѣстной долѣ увѣренности, что онъ понравится—успѣхъ его почти обезпеченъ. Какъ много людей, съ весьма посредственными способностями и ограниченными знаніями, идутъ довольно далеко, единственно потому, что увѣрены въ себѣ, предпріимчивы и энергичны. Они не отступаютъ ни передъ чѣмъ и никакія трудности не пугаютъ ихъ; если они два или три раза ошибутся, то снова подымаются, снова принимаются за дѣло и, по крайней мѣрѣ, изъ десяти разъ девять одерживаютъ верхъ. Въ дѣловой жизни, умственныя дарованія дѣйствуютъ иногда не такъ успѣшно, какъ увѣренность—хотя-бы и скрытая въ себѣ,—рѣшительность и непреклонная твердость. Невозможное пытаютъ лишь сумасшедшіе. Но то, что возможно, всегда достигается тѣмъ или другимъ способомъ. Не удался одинъ способъ, попробуй другой и сообразуйся въ твоемъ образѣ дѣйствій съ характеромъ тѣхъ, съ которыми

тебѣ въ данный моментъ приходится имѣть дѣло. Разумомъ ты можешь отличить невозможное отъ труднаго.

Я зналъ людей, которые, понявъ, какъ нелѣпъ ложный стыдъ, впадали въ другую крайность и становились совсѣмъ безстыдными, точно такъ какъ трусы иногда, при серьезной опасности, выказываютъ мужество. Но надо тщательно остерегаться этого, потому что нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ безстыдство. Благовоспитанный человѣкъ всегда держится середины между этими крайностями. Онъ скроменъ, но безъ робости, энергиченъ, но не безстыденъ. Если онъ иностранецъ, то тщательно наблюдаетъ нравы и обращеніе выдающихся людей той страны, въ которой находится, и сообразуется съ ними. Онъ никогда не порицаетъ обычаевъ мѣстныхъ жителей, а хвалитъ и ихъ столъ, и жилище, одежду, нравы, гораздо болѣе даже, чѣмъ, по его мнѣнію, они заслуживаютъ. Этотъ родъ любезности отнюдь не предосудителенъ; она скорѣе служитъ какъ-бы нѣкоторымъ возмездіемъ за доброе расположеніе тѣхъ, съ которыми мы въ сношеніяхъ. Такъ какъ большая часть людей настолько мелочны, что чувствуютъ слабость къ подобнымъ вещамъ, то, на мой взглядъ, глупы тѣ, которые не стараются оказывать имъ такія дешевыя любезности. Мѣщанинъ или крестьянинъ смущается, когда входитъ въ общество, и не знаетъ, что дѣлать съ своими руками; онъ пугается, если съ нимъ за-

говорятъ, заикается и путается въ отвѣтахъ. Свѣтскій-же человѣкъ, напротивъ, входитъ свободно, но съ достоинствомъ, говоритъ безъ замѣшательства даже съ людьми, которые совершенно ему незнакомы. Это значитъ умѣть жить въ свѣтѣ.

Простой, грубый образъ мыслей, рѣчи и поступковъ доказываетъ плохое воспитаніе и низкую среду. Молодые люди привыкаютъ къ нему въ школѣ или въ общеніи съ прислугой, съ которой они слишкомъ часто вступаютъ въ сношенія. Равно и грубый языкъ есть признакъ дурнаго воспитанія и общества. Образованный человѣкъ ничего такъ тщательно не избѣгаетъ. Пословицы и двусмысленныя выраженія суть цвѣты краснорѣчія простаго человѣка. Когда, напримѣръ, онъ хочетъ сказать, что вкусы людей неодинаковы, то подкрѣпляетъ это мнѣніе старинной пословицей — «что одному здорово, другому — смерть». Образованный-же человѣкъ никогда не станетъ прибѣгать къ пословицамъ и вульгарнымъ фразамъ, напротивъ, постарается говорить правильнымъ языкомъ, т. е. такимъ, какимъ говоритъ высшее общество.

Разъ ты одѣлся и намѣренъ выйти, спрячь всю свою ученость, вмѣстѣ съ часами, въ карманъ и никогда не вынимай ихъ въ обществѣ безъ просьбы. Вынешь ты безъ надобности часы, то дашь тѣмъ понять, что тебѣ скучно въ томъ обществѣ, въ которомъ находишься, а

вздумаешь выгрести на свѣтъ Божій свою ученость, то заставишь соскучиться общество. Общество есть свободное государство, которое настолько дорожитъ своей свободой, что развѣ только на четверть часа вынесетъ диктатора. Однако-же, въ немъ, какъ и во всѣхъ свободныхъ государствахъ, есть личности, которыя въ дѣйствительности господствуютъ, но не привлекая къ себѣ власть, напротивъ, дѣлая видъ, какъ-бы отклоняютъ ее. Вотъ тутъ благовоспитанность, вѣжливость и еще нѣчто невыразимое берутъ верхъ. Если-же онѣ прилагаются къ дѣлу надлежащимъ образомъ, то тѣмъ вѣрнѣе подчиняютъ, себѣ общество, и господство ихъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ оно менѣе замѣтно.

Смѣлость, рядомъ съ кажущейся скромностью, есть, быть можетъ, самое полезное качество въ каждомъ жизненномъ положеніи. Счастье подчиняется, какъ женщины, рожденныя для того, чтобы надъ ними властвовали мужественные и смѣлые мужчины. Смѣлость и неустрашимость, работая подъ маской притворной скромности, прокладываютъ путь достоинствамъ, безъ чего можно было-бы, при трудностяхъ пути, потерять мужество. Наглое безстыдство, напротивъ, есть явный признакъ ничтожныхъ, глупыхъ головъ, которыя присваиваютъ себѣ заслуги безъ всякаго основанія.

За исключеніемъ сочиненій Ларошфуко и де-Ла-Брюера, я не знаю ни одной книги для чтенія, равно

какъ и для серьезныхъ размышленій, лучше чѣмъ «Совѣтъ матери сыну» маркизы Ламберъ. Сочинительница была женщиной чрезвычайно умной и хорошо знавшей свѣтъ. Она постоянно вращалась въ лучшемъ обществѣ и со страхомъ желала, чтобы сынъ ея нашелъ въ свѣтѣ уваженіе и счастье. Для этого она съумѣла дать ему всѣ лучшія средства. Ея сынъ служилъ въ арміи; она желала, чтобы онъ дошелъ въ ней до высокихъ чиновъ, но знала также, что для того, чтобы сдѣлать карьеру, надо прежде понравиться. Поэтому она писала ему: «Что касается тѣхъ, отъ которыхъ ты зависишь, то первая твоя обязанность понравиться имъ». А въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «На низшемъ постѣ ты можешь удержаться лишь пріятнымъ обращеніемъ. Начальники, какъ возлюбленныя: какія-бы ты ни оказывалъ имъ услуги, они всетаки перестаютъ любить тебя, какъ только ты пересталъ имъ нравиться».

Извѣстно, что человѣкъ съ здравымъ умомъ, который не желаетъ нравиться и, вообще ничего, не желаетъ, долженъ, по крайней мѣрѣ, знать, что онъ никогда ничего не получитъ, если не понравится.

Когда ты прощаешься въ обществѣ, то долженъ дѣлать такъ, чтобы о твоемъ удаленіи сожалѣли и желали скорѣе увидѣть тебя снова. Отнюдь-же не слѣдуетъ удалятся съ холоднымъ, учтивымъ видомъ, напротивъ, какъ-бы съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ Вспомни,

что ты обязанъ людямъ за выказанную тебѣ доброту, и увѣряй ихъ, что всегда съ благодарностью будешь вспоминать о нихъ, гдѣ-бы ты ни находился. Вырази желаніе имѣть возможность доказать имъ твою признательность. Проси, чтобы они позволили тебѣ, при случаѣ, быть имъ полезнымъ. И все это изложи прочувствованнымъ тономъ, потому что знаешь правило: «если хочешь, чтобы плакали, то прежде заплачь самъ».

Не забывай ни одного дома, въ которомъ ты былъ хоть разъ, а простись со всѣми, и проси чтобы они сохранили тебя въ своей памяти. Репутація, которую ты пріобрѣлъ себѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ, облетитъ всюду и ты встрѣтишь ее снова въ другихъ мѣстахъ. Слѣдовательно, трудъ этотъ никогда не будетъ потерянъ.

Глава V.

Высшее общество.

Дворъ, какъ резиденція утонченныхъ нравовъ. — Господствующія при дворѣ страсти. — Происхожденіе учтивости.— Вліяніе монархій. — Предубѣжденіе противъ дворовъ. — Крестьяне и придворные. — Вліяніе утонченности нравовъ. — Чѣмъ нравятся при дворахъ.—Придворныя манеры. — Характеристика государей. — Придворные таланты и нравы. — Благоразуміе.—Почтительность въ отношеніи особы государя.—Страхъ. — Какъ должно говорить съ государями. — Твердость въ своемъ мнѣніи. — Вліяніе на репутацію. — Внимательность при дворѣ.—Взглядъ на должностныхъ лицъ. — Что доставляетъ вліяніе при дворѣ. — Покровители и враги. — Лесть.—Своекорыстіе, какъ двигатель придворныхъ связей. —Осторожность въ разговорѣ. — Откровенность и прямодушіе.

Дворы суть безспорно, резиденція утонченныхъ нравовъ. Если-бы они не были таковыми, то на нихъ слѣдовало-бы смотрѣть, какъ на арену опустошенія и кровопролитія. Тѣ, которые, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, улыбаются и обнимаютъ другъ друга, стали-бы браниться и кусаться, еслибы утонченность нравовъ не препятствовала этому.

Честолюбіе и корыстолюбіе, двѣ господствующія при дворѣ страсти, считали притворство болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ насиліе. Но притворство ввело ту крайнюю вѣжливость, которая отличаетъ придворнаго отъ деревенскаго жителя. Гдѣ идетъ рѣчь лишь о насиліи, тамъ побѣждаетъ наибольшая физическая сила; въ искусствѣ - же притворяться, напротивъ, преобладаетъ умъ.

Учтивость обыкновенно проистекаетъ не изъ совсѣмъ чистаго источника, а именно, изъ желанія отличиться Мы учтивы изъ высокомѣрія. Намъ льститъ то, что мы можемъ представить доказательства, что мы не низкаго сословія и не имѣемъ съ подобными людьми ничего общаго. При монархіяхъ вѣжливость получила при дворѣ право гражданства. Чрезмѣрно высокій человѣкъ дѣлаетъ малыми всѣхъ другихъ. Такимъ образомъ возникло уваженіе, которымъ мы обязаны въ отношеніи всѣхъ, а затѣмъ появляется вѣжливость, которая одинаково льститъ тѣмъ, которые соблюдаютъ ее, и тѣмъ, кому ее оказываютъ. Она означаетъ, что человѣкъ принадлежитъ ко двору или-же достоенъ быть принятъ въ него.

Несчастны тѣ люди, которые настолько мало знаютъ свѣтъ, что судятъ по наружности. Дворъ — лучшій проводникъ къ знанію свѣта. Тамъ всякая страсть въ дѣйствіи, всякія уловки въ употребленіи, всякій характеръ подвергается изслѣдованію. Но

ревность открываетъ не только всѣ тайныя пружины окружающихъ, но и выставляетъ ихъ на видъ, такъ что остальные научаются угадывать ихъ. Тамъ-же практикуется и изучается во всей своей прелести и тонкости великое искусство нравиться. Оно составляетъ здѣсь первое условіе, необходимѣйшій провозвѣстникъ достоинства и умственныхъ дарованій. Безъ него нельзя сдѣлать ни шагу впередъ. Мизантропы и полуфилософы могутъ порицать, сколько имъ угодно, придворные пороки и притворство. Подобное порицаніе проистекаетъ всегда изъ невѣжества, дурнаго расположенія духа и недоброжелательства. Пусть они укажутъ мнѣ хоть одну хижину, въ которой не было-бы тѣхъ-же пороковъ, въ которыхъ они упрекаютъ дворы. Пороки эти отличаются, въ дѣйствительности, лишь тѣмъ, что въ крестьянскихъ хижинахъ они проявляются во всемъ ихъ первобытномъ безобразіи, тогда какъ утонченность придворныхъ нравовъ смягчаетъ ихъ, вслѣдствіе чего они гораздо менѣе грубы. Два сосѣдніе фермера, для того чтобы успѣшнѣе торговать на ярмаркѣ или снискать большую благосклонность сосѣдняго помѣщика, употребляютъ не менѣе хитростей и интригъ, чѣмъ двое придворныхъ, чтобы лишить другъ друга милости своего государя. Глупо было-бы вѣрить тому, что пишутъ поэты о сельской невинности и естественности и о притворствѣ дворовъ, такъ

какъ неоспоримо то, что какъ крестьяне, такъ и министры—люди; у нихъ одна и та-же натура и одинаковыя страсти, только трудъ ихъ различенъ. Нѣтъ, будь увѣренъ, что образцовая утонченность и прелесть нравовъ, которая, можетъ пріобрѣтаться лишь при дворѣ, отнюдь не мелочи, за которыя ихъ принимаютъ и выдаютъ многіе. Онѣ— истинное благо; онѣ предохраняютъ отъ многихъ несчастій, украшаютъ и укрѣпляютъ дружескія отношенія, удерживаютъ въ границахъ ненависть, способствуютъ веселому настроенію и согласію въ семействахъ, въ которыхъ иначе недостатокъ воспитанія часто бываетъ поводомъ къ раздорамъ. А потому постарайся, пока еще не поздно, усвоить себѣ эти добродѣтели, практикуй ихъ при малѣйшемъ случаѣ, для того чтобы въ болѣе важныхъ ты могъ легко овладѣть ими. Онѣ теряютъ цѣну, если повидимому пріобрѣтаются съ трудомъ и проявляются лишь въ экстренныхъ случаяхъ.

При дворѣ люди находили счастье и высокое уваженіе скорѣе внѣшними, чѣмъ внутренними качествами Увлекательная рѣчь, утонченность обращенія, наружность и умѣнье держать себя почти всегда открывали ихъ высшимъ способностямъ,—въ особенности если у нихъ таковыя были,—путь къ отличіямъ. Прежде чѣмъ стать министрами, они были любимцами. Утонченность нравовъ при дворѣ существенно не-

обходима. Какой-нибудь презрѣнный камердинеръ можетъ повредить тебѣ при дворѣ болѣе, чѣмъ десять достойнѣйшихъ людей принести пользу. Глупцы и ничтожные люди всегда особенно тщательно охраняютъ свое достоинство. Никогда не забудутъ они и не простятъ пренебреженія къ себѣ. Вѣжливость-же и вниманіе, напротивъ, они помнятъ и признательны за это. Подобно тому, какъ существуютъ особые свадебные наряды, существуетъ и особая придворная одежда. Она состоитъ въ открытомъ лицѣ, въ выраженіи почтительности, изысканной вѣжливости, непринужденномъ, пріятномъ обращеніи, въ полной внимательности, въ ласковомъ и кроткомъ поведеніи, словомъ, въ томъ неуловимомъ «нѣчто», что составляетъ сущность утонченнаго воспитанія.

Нѣкоторыя познанія и посредственныя дарованія при дворѣ, такъ-же какъ и въ дѣловой жизни, подвигаютъ человѣка иногда гораздо далѣе, чѣмъ обширныя основательныя научныя знанія и блестящіе таланты. Тацитъ выводитъ очень основательное умозаключеніе изъ того, какъ могло быть, чтобы одинъ и тотъ-же человѣкъ оставался въ милости и занималъ важнѣйшія должности при трехъ, четырехъ жесточайшихъ государяхъ. Онъ говоритъ, что для этого не требовалось отъ такого человѣка никакого особеннаго искусства, кромѣ того чтобы онъ стоялъ на высотѣ своего дѣла. Умъ есть могущественнѣй-

шее средство. Всѣ эти вещи можно изучить, но не иначе какъ посѣщая лучшее общество. Посѣщай лучшіе дома, въ которые ты уже вхожъ, но пробирайся какимъ-бы то ни было способомъ и въ другіе. Въ особенности-же стремись ко двору, чтобы пріобрѣсть надлежащую опытность. Безъ этого человѣкъ будетъ играть жалкую роль въ свѣтѣ.

Люди, получившіе обыкновенное воспитаніе, не могутъ противостоять блеску величія. Они чуть не падаютъ въ обморокъ отъ страха, когда король или какой-нибудь вельможа заговоритъ съ ними. Они конфузятся, смущаются и не знаютъ, какъ и что отвѣчать. Знатные-же люди, напротивъ, не будутъ ослѣплены болѣе высокимъ саномъ. Они знаютъ какое имъ слѣдуетъ почтеніе, и воздаютъ его. Но они дѣлаютъ это, не теряя присутствія духа. Они также непринужденно говорятъ съ королемъ, какъ и съ любымъ изъ его подданныхъ. Это большое преимущество, которымъ можетъ обладать только тотъ, который бываетъ въ хорошемъ обществѣ и привыкъ обращаться съ высшими. Какъ много видалъ я такихъ, которые, будучи представлены королю, не знали, на головѣ они стоятъ или на ногахъ! Когда-же король обращался къ нимъ, то они не могли проговорить ни слова. Они трепетали, старались сунуть руки въ карманы, но не попадали въ нихъ, роняли шляпу и совѣстились поднять ее; словомъ, ставили себя

во всякое положеніе, кромѣ того, въ какое слѣдовало, т. е. непринужденное и естественное. Первый признакъ благовоспитаннаго человѣка—относиться безъ гордости къ низшимъ и непринужденно къ высшимъ. Онъ говоритъ смѣло съ королями, дружески и весело, но съ извѣстнымъ уваженіемъ, шутитъ съ дамами высшаго круга, и говоритъ о чемъ угодно съ равными себѣ, знакомы они ему или нѣтъ.

То, что прилично въ отношеніи людей, стоящихъ выше тебя, было-бы непригодно въ отношеніи особы на столько высоко стоящей, напримѣръ, какъ государь. Ты не долженъ говорить прежде, чѣмъ не заговорятъ съ тобою. И говорить лишь о томъ, о чемъ съ тобой заговорятъ, а не заводить своего разговора, и отнюдь не позволять себѣ никакихъ неприличныхъ выраженій. Почти также осторожно нужно говорить съ министрами, генералами и т. п., которые ожидаютъ отъ тебя почти такой-же почтительности, какую выказываютъ своимъ начальникамъ. Но здѣсь есть, однако, нѣкоторая разница: съ ними ты можешь начать разговоръ, если они и замолчали, не слѣдуетъ только наводить рѣчь на такія вещи, о которыхъ они говорить не могутъ. Уступчивость характера и утонченность нравовъ при дворѣ существенно необходимы. Многіе ошибочно принимаютъ это за лесть и заключаютъ изъ этого о недостаткѣ собственнаго мнѣнія. Но въ дѣй-

ствительности, это лишь скромный и любезный способъ высказывать свое мнѣніе и, гдѣ возможно, внушать его другимъ.

Мода, говоритъ кардиналъ Рецъ, хотя и властвуетъ надъ всѣмъ, но ни надъ чѣмъ такъ исключительно, какъ надъ тѣмъ, какъ кто поставленъ при дворѣ. Бываютъ времена, когда немилость походитъ на огонь, который очищаетъ всѣ дурныя качества и освѣщаетъ всѣ хорошія, но бываютъ и такія, когда честному человѣку противно попасть въ немилость.

Благоволеніе двора основывается на такихъ ничтожныхъ, неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ, что опытный придворный долженъ внимательно слѣдить за всякимъ самымъ ничтожнымъ событіемъ, которое произойдетъ или можетъ произойти. Въ свѣтѣ самый вѣрный признакъ слабоумія, это недостатокъ вниманія. Что разъ заслуживаетъ быть сдѣланнымъ, заслуживаетъ, чтобы это было сдѣлано хорошо. Но безъ внимательности ничто не достигается. Если ты спросишь кого-нибудь о томъ, что произошло при немъ, и онъ отвѣтитъ, что не обратилъ на это вниманія, то это несомнѣнно отвѣтъ глупца. Почему-же онъ, глупецъ, не замѣтилъ? Что ему было лучше дѣлать, какъ не наблюдать, что̀ передъ нимъ происходило! Разумный человѣкъ видитъ, слышитъ и запоминаетъ все, что̀ при немъ происходитъ. Онъ не долженъ быть

разсѣяннымъ и не говорить: «Это мнѣ не пришло въ голову» или: «Кто-бы могъ это подумать». Это легко пришло-бы ему въ голову, еслибы онъ подумалъ. Еслибы я захотѣлъ пользоваться милостью при дворѣ, то никогда не позволилъ-бы себѣ дразнить даже собаки, или кошекъ. Де-Люинъ обязанъ былъ своимъ счастьемъ и благополучіемъ при дворѣ Людовика XIII, короля французскаго, двумъ хорошо выдрессированнымъ галкамъ. Каждый шагъ, который дѣлаетъ придворный, требуетъ столько-же вниманія и осмотрительности, какъ въ прежнія невѣжественныя, суевѣрныя времена, когда заставляли ходить по раскаленнымъ плитамъ, ради того чтобы убѣдиться въ виновности или невинности преступника.

Достаточно при дворѣ одного хорошаго покровителя, если не имѣешь личныхъ враговъ. А чтобы не имѣть ихъ слѣдуетъ (подобно индѣйцамъ, приносящимъ жертвы дьяволу) пожертвовать большею частью своихъ страстей, чтобы отклонить тотъ вредъ, который они могутъ причинить.

Никогда никто не стремится къ тому, что, повидимому, недостижимо. Когда требуютъ чего-нибудь неподходящаго или невозможнаго, то пріучаютъ лишь людей, власть имѣющихъ, отказывать, такъ что, въ концѣ концовъ, имъ легко будетъ отказать и въ разумной и возможной просьбѣ. Существуетъ одно, хотя и общеизвѣст-

ное, но плохо понимаемое правило, что при дворѣ надо просить всего,чтобы получить хотя что-нибудь.

При дворѣ люди другъ друга обнимаютъ, но никогда не сближаются, услуживаютъ безъ искренней пріязни и оскорбляютъ безъ ненависти. Своекорыстіе, а не чувство выростаетъ на этой почвѣ. Веселое лицо и спокойное обращеніе при дворѣ очень полезны. Глупцы заключатъ изъ этого, что человѣкъ добродушенъ, а лукавые, что онъ искрененъ. Лесть, сама по себѣ, фальшивая монета, тѣмъ не менѣе при дворѣ она самая необходимая и вслѣдствіе привычки и всеобщаго употребленія, пріобрѣла такую цѣнность, что на нее смотрятъ, какъ на настоящую.

Если вельможа отказываетъ тебѣ въ какой-нибудь пустячной просьбѣ, значитъ онъ мало цѣнитъ тебя; если-же онъ при этомъ оскорбляетъ тебя, а ты недостаточно въ силѣ, то старайся не выказывать своего неудовольствія или досады. Сдержанность твоя можетъ смягчить его непріязнь и снова все дѣло уладиться. При дворѣ люди могутъ гораздо болѣе вредить тебѣ, чѣмъ приносить пользу. Тѣмъ, которые могутъ первое, старайся нравиться, а съ другими дѣйствовать вкрадчивостью.

При всѣхъ дворахъ ты найдешь связи безъ дружбы, вражду безъ ненависти, честь безъ добродѣтели, хорошіе нравы при дурныхъ правилахъ, словомъ, всѣ добро-

дѣтели и пороки въ такомъ видѣ, что тотъ, кто только размышлялъ о нихъ, не узнаетъ ни тѣхъ, ни другихъ, если они встрѣтятся ему впервые при дворѣ. Ни что при дворахъ не бываетъ тѣмъ, чѣмъ кажется, часто это нѣчто иное, а иногда и совершенно противоположное. Своекорыстіе—двигатель всѣхъ поступковъ въ этомъ кругѣ—соединяетъ друзей и снова разъединяетъ ихъ, вызываетъ вражду и снова примиряетъ, или, вѣрнѣе, оно не выноситъ ни истинной дружбы, ни вражды. „Государственные люди, говоритъ Драйденъ, не любятъ и не ненавидятъ". Сегодня ты можешь стать съ человѣкомъ въ дружескія отношенія, завтра будешь вынужденъ смотрѣть на него, какъ на врага. А потому будь съ твоими друзьями настолько сдержаннымъ, чтобы никогда не попасться въ ихъ руки, а относительно враговъ держись съ такой умѣренностью, чтобы всегда сохранить возможность снова сойтись съ ними.

Человѣкъ умный и разсудительный не долженъ льстить каждому придворному, но долженъ тѣмъ не менѣе тщательно стараться никого лично не оскорбить, потому что, хотя не каждый можетъ услужить ему, но каждый можетъ повредить. Гомеръ полагалъ, чтобы соединить Юпитера съ смертными, протянуть цѣпь съ Олимпа на землю. И это вѣрно, что при всѣхъ дворахъ существуетъ подобная цѣпь, которая соединяетъ государей или министровъ съ служителями. И ни одного изъ

звеньевъ этой цѣпи, которая должна довести тебя до государя, ты не долженъ порвать. Но если ты не хочешь потворствать интриганамъ или выносить глупцовъ, то долженъ отказаться отъ придворной жизни. Ихъ число составляетъ ихъ могущество. Съ обѣими этими категоріями ты не долженъ ссориться, равно какъ и тѣсно сходиться съ ними. Знай, что все, что̀ ты говоришь или дѣлаешь, при дворѣ будетъ извѣстно. Большая часть людей,проникающихъ въ спальню или переднюю короля, дѣлаютъ себѣ спеціальное занятіе изъ того, чтобы объ всемъ ими видѣнномъ или слышанномъ доносить, и къ тому-же съ нѣкоторыми добавленіями, чтобы угодить тѣмъ лицамъ, въ которыхъ они ищутъ. А потому необходимо быть крайне осторожнымъ. Можешь ты овладѣть этимъ притворнымъ чистосердечіемъ и прямодушіемъ, то достигнешь того слiянія, которое Маккіавель считаетъ очень труднымъ, но крайне необходимымъ: „открытое лицо и скрытая мысль“. Женщины охотно вмѣшиваются въ придворныя дѣла; но онѣ заслуживаютъ болѣе вѣжливости, нежели довѣрія. Все, чего достигаютъ черезъ нихъ, очень непрочно.

Величайшія выраженія благосклонности могутъ быть такъ неловко и неискусно выказаны, что оскорбляютъ; съ другой же стороны, самыя непріятныя вещи могутъ говориться какъ нельзя болѣе любезно. Старайся раскрыть эту великую тайну,—она на лицо, ее можно отыскать,

и она гораздо полезнѣе всякой алхиміи. Первая можетъ быть найдена только при дворѣ, гдѣ разнородныя мнѣнія и противоположные интересы, и ненависть смягчаются вѣжливостью и любезнымъ обращеніемъ, и сдерживаются въ приличныхъ границахъ. И такъ посѣщай дворъ, наблюдай и изучай его!

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЗНАНІЕ СВѢТА И ЛЮДЕЙ.

Глава I.

Естественная исторія человѣка.

Внимательность, какъ главное условіе для достиженія правильнаго знанія людей. — Изученіе ихъ природы. — Особенныя обманчивыя предположенія. — Изслѣдованіе преобладающей страсти. — Удовлетвореніе ея. — Примѣры: Мазарини, Ришельё. — Противорѣчія въ человѣческой природѣ. — Составъ человѣческаго характера. — Однообразіе человѣческой природы. — Вліяніе извѣстныхъ отношеній на характеръ. — Двѣ книги о знаніи людей. — Ларошфуко. — Де-ла-Брюеръ. — Эгоизмъ, какъ двигатель всѣхъ человѣческихъ поступковъ. — Защита этого взгляда. — Наблюденіе надъ собственными страстями. — Раздвоеніе характера. — Вліяніе сильныхъ характеровъ на слабые. — Какъ располагаютъ къ себѣ людей. — Оттѣнки характеровъ. — Пользованіе страстями.

Правильное знаніе людей можетъ быть достигнуто лишь чрезъ посредство внимательности и старанія. Оно требуетъ, быть можетъ, большей проницательности и разсудительности, чѣмъ книжныя знанія. Я знаю много старыхъ людей, которые всю свою жизнь провели въ большомъ свѣтѣ, но остались на столько легкомысленны

и нелюбознательны, что не пріобрѣли никакихъ свѣдѣній больше того, что знали лѣтъ въ 15. Не обольщайся тѣмъ, что ты могъ-бы пріобрѣсти эти знанія изъ пустыхъ разговоровъ въ праздныхъ обществахъ. Нѣтъ, ты долженъ проникать глубже и всматриваться также въ сердца людей, какъ и въ ихъ лица. Изучай ихъ не по книгамъ, а изъ природы. Не усвоивай никакой системы, а составляй собственныя воззрѣнія. Изслѣдуй слабости людей, ихъ страсти и характеры. И тогда ты найдешь, что ихъ чаще можно расположить къ себѣ и убѣдить скорѣе пустяками, чѣмъ важными вещами, и не будешь пренебрегать мелочами, посредствомъ которыхъ можно достигнуть многаго.

Вглядываясь въ человѣческую природу, мы не можемъ извлекать никакихъ общихъ заключеній изъ однихъ предположеній. Хотя человѣкъ и разумное животное, все-же нельзя предположить, чтобы онъ всегда дѣйствовалъ разумно, а тѣмъ менѣе, чтобы при какой-нибудь преобладающей страсти онъ всегда поступалъ неизмѣнно и правильно. Нѣтъ, мы сложныя машины, и хоть въ насъ и есть главная пружина, приводящяся все въ движеніе, но есть много и мелкихъ колесъ, которыя замедляютъ это движеніе, задерживаютъ, а иногда даже и пріостанавливаютъ. Положимъ, напримѣръ, что честолюбіе есть господствующая страсть министра, какъ это обыкновенно и бываетъ;

положимъ даже, что министръ этотъ уменъ и ловокъ,— будетъ-ли онъ вслѣдствіе этого неизмѣнно преслѣдовать предметъ этой преобладающей страсти? Могу-ли я быть увѣренъ, что онъ будетъ дѣйствовать такъ или такъ только потому, что, согласно своей страсти, онъ не можетъ поступать иначе? Нисколько. Болѣзнь или уныніе могутъ смягчить господствующую страсть. Дурное расположеніе духа можетъ также повліять на нее и даже самыя обыкновенныя увлеченія могутъ взять надъ ней власть и преодолѣть ее. Разъ, напримѣръ, этотъ честолюбивый вельможа влюбленъ, то безразсудная довѣрчивость въ отношеніи супруги или возлюбленной, въ минуты нѣжности, можетъ уничтожить всѣ его планы. Если онъ скупъ, то представляющаяся возможность обогащенія можетъ низринуть все зданіе его честолюбія. Если онъ тщеславенъ и податливъ на лесть, то хитрый любимецъ можетъ направить его на ложный путь. Даже лѣность можетъ иногда побудить его замедлить или отказаться отъ достиженія своихъ цѣлей.

А потому ищи, во-первыхъ, преобладающую страсть такого человѣка, котораго ты надумаешь покорить и расположить къ себѣ. Почти всѣ люди, въ извѣстной мѣрѣ, имѣютъ всевозможныя врожденныя страсти, но почти у всякаго есть одна преобладающая страсть, которой подчиняются всѣ остальныя. Обращай преимущественно

вниманіе на эту послѣднюю, но не пренебрегай, однако, и другими, менѣе значительными. Постарайся и тѣ склонить на твою сторону, потому что когда-нибудь и онѣ будетъ на очереди. Изслѣдуй сокровеннѣйшую глубину сердца и наблюдай за дѣйствіями преобладающей страсти у различныхъ людей. Разъ-же ты открылъ эту страсть у человѣка, то замѣть себѣ, что ты никогда не долженъ довѣряться ему, въ томъ случаѣ, когда онъ подъ вліяніемъ этой страсти. Пользуйся ею, чтобы вліять на него, если тебѣ угодно, но самъ остерегайся ея, какія-бы онъ увѣренія ни давалъ тебѣ.

Во многихъ случаяхъ ты не въ состояніи будешь содѣйствовать удовлетворенію преобладающей страсти. Тогда постарайся найти ближайшій путь. Къ сердцу каждаго человѣка ведутъ различные пути. Если ты не можешь добраться до него прямымъ путемъ, воспользуйся окольными и, въ концѣ концовъ, достигнешь своей цѣли.

Существуютъ двѣ противорѣчивыя страсти, но которыя часто, подобно мужчинѣ и женщинѣ, сходятся, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и служатъ помѣхой другъ другу. Я говорю о скупости и честолюбіи. Часто одна есть истинная причина другой и тогда становится преобладающей. Такъ именно было въ кардиналѣ Мазарини, который, ради грабежа, дѣлалъ все на свѣтѣ, сходился со всякимъ и все прощалъ. Какъ лихоимецъ, онъ любилъ и искалъ власти, потому что она доставляла ему вы-

году. Кто сталъ-бы судить Мазарини лишь по его честолюбію и руководствовался-бы этимъ, былъ-бы часто обманутъ. Нѣкоторые составили себѣ у него карьеру тѣмъ, что позволяли ему обманывать себѣ въ игрѣ. Преобладающей-же страстью кардинала Ришельё, напротивъ, было честолюбіе, и его неизмѣримое богатство было лишь естественнымъ слѣдствіемъ удовлетворенія перваго. Но все-таки я не сомнѣваюсь, что Мазарини иногда бывалъ обуреваемъ честолюбіемъ, а Ришельё скупостью. Ришельё представляетъ яркое доказательство противорѣчій, существующихъ въ человѣческой природѣ. Въ то время, какъ онъ управлялъ своимъ королемъ и государствомъ и былъ до нѣкоторой степени вершителемъ судебъ цѣлой Европы, онъ все-таки болѣе страстно жаждалъ славы Корнеля, чѣмъ могущества въ Испаніи. Онъ болѣе желалъ пріобрѣсти репутацію величайшаго поэта, чѣмъ величайшаго государственнаго человѣка Европы, между тѣмъ какъ первымъ онъ никогда не былъ, а вторымъ былъ несомнѣнно. Государственныя дѣла покоились въ то время, когда онъ критически изучалъ Сида.

Хотя всѣ люди созданы изъ одного матеріала, но сліяніе его, тѣмъ не менѣе, такъ различно, что нѣтъ двухъ совершенно одинаковыхъ индивидуумовъ, равно какъ нѣтъ ни одного отдѣльнаго человѣка, который былъ-бы всегда одинаковъ, т. е. вѣренъ себѣ. Самый

умный иногда дѣлаетъ глупость, самый гордый—пошлость, честнѣйшій что-нибудь предосудительное, а дурной что-нибудь доброе. А потому изучай всегда отдѣльныя личности и когда ты усвоишь себѣ самыя яркія черты ихъ преобладающей страсти, то не употребляй ихъ въ пользу прежде, чѣмъ не поймешь и не откроешь причины ихъ второстепенныхъ побужденій, желаній и прихотей.

Съ величайшей тщательностью изучай характеръ всѣхъ, съ кѣмъ ты сходишься. Слѣди за ихъ преобладающими страстями, за ихъ слабостями, ихъ промахами, ихъ прихотями, за всѣми, какъ хорошими, такъ и дурными, умными и глупыми побужденіями человѣческихъ дѣйствій, которыя насъ, разумныхъ существъ, запутываютъ въ такія противорѣчія и оригинальныя ошибки. Даже посредственная проницательность, но поддерживаемая большой внимательностью, можетъ несомнѣнно сдѣлать такія открытія. Вотъ истинное знаніе свѣта; но свѣтъ есть страна, которую еще никто не могъ узнать по одному описанію. Надо самому ее объѣздить, чтобы разузнать. Ученый, говорящій о свѣтѣ въ пыли своего кабинета, знаетъ о немъ не болѣе, чѣмъ зналъ о войнѣ тотъ ораторъ, который прилагалъ всю свою проницательность, чтобъ обучить ей Ганнибала.

Человѣческая натура вездѣ одинакова. Но дѣятельность ея сильно измѣняется воспитаніемъ, хотя и

неизбѣжна въ каждомъ. Честолюбіе, напр., само по себѣ одинаково у придворнаго, какъ и у солдата, или духовнаго, но въ силу различнаго воспитанія и особенныхъ дарованій удовлетвореніе этой страсти будетъ выражаться различнымъ образомъ. Вѣжливость есть стремленіе нравиться и располагать къ себѣ, согласно вашей натурѣ, и одинакова во всѣхъ странахъ, но способъ проявленія ея почти всюду различный.

Человѣкъ состоитъ изъ столь многихъ, разнообразныхъ ингредіентовъ, что нужно и время, и стараніе, чтобы разложить ихъ. У всѣхъ у насъ есть и разумъ, и воля, страсти и желанія, но различныя отношенія и связи образуютъ разнообразные характеры, которые отличаются одинъ отъ другого. Разумъ долженъ бы былъ руководить всѣмъ, но онъ рѣдко это дѣлаетъ. Кто обращается къ разуму людей и пренебрегаетъ ихъ сердцемъ, тотъ также мало будетъ имѣть успѣха, какъ и человѣкъ, обращающійся къ министрамъ короля и пренебрегающій его фаворитами.

Рекомендую тебѣ двѣ книги для внимательнаго прочтенія. Онѣ дадутъ тебѣ возможно полныя разъясненія природы человѣка. Это «Reflexions morales» (Нравственныя размышленія) Ларошфуко и «Les caractères» (характеры) де-ла-Брюера. Но замѣчу при этомъ, что рекомендую тебѣ ихъ какъ всеобщую ландкарту, которая послужитъ тебѣ руководствомъ въ твоемъ пути, но от-

нюдь не укажетъ всѣ извилины и изгибы. Въ послѣднемъ случаѣ, твоя собственная проницательность и наблюдательность должны помочь тебѣ. Я очень хорошо знаю, что Ларошфуко порицали за то, что онъ ставитъ самолюбіе источникомъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій. Что до меня касается, то я полагаю, что въ этомъ положеніи много истины и нѣтъ ничего вреднаго. Это несомнѣнно, что во всемъ, чтò мы дѣлаемъ, мы ищемъ счастья. Итакъ же вѣрно то, что мы можемъ найти его тогда, когда поступаемъ справедливо и во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ соображаемся съ здравымъ разсудкомъ, который есть великій законъ природы. Только ложное самолюбіе заслуживаетъ порицанія, т. е. если мы считаемъ истиннымъ блаженствомъ лишь непосредственное, безразличное удовлетвореніе страсти или сильнаго желанія. Но развѣ я заслуживаю порицанія, если совершаю какой-нибудь хорошій поступокъ, чтобы испытать наслажденіе въ сознаніи его? Конечно, нѣтъ! Пріятное сознаніе и есть доказательство моей добродѣтели. Какъ на злѣйшее изрѣченіе Ларошфуко указываютъ на слѣдующее: «Даже въ несчастіи лучшаго нашего друга мы находимъ нѣчто, чтò намъ не противно». Но почему-бы это было невозможно? Развѣ я не могу чувствовать сердечное, искреннее соболѣзнованіе о несчастьи моего друга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятное сознаніе, что я исполнилъ свой долгъ въ отношеніи его, утѣшивъ его и поддержавъ его въ несчастьи?

Поступай только великодушно и я не буду мудрствовать о побудительныхъ причинахъ. «Кто наиболѣе любитъ самого себя, есть честнѣйшій человѣкъ», или «честнѣйшій человѣкъ больше всѣхъ любитъ самого себя». Я предоставляю каждому сдѣлать выборъ изъ этихъ обѣихъ истинъ.

Афоризмы де-ла-Брюйера суть картины изъ ежедневной жизни, но онѣ тонко нарисованы и притомъ яркими красками. Запечатлѣй ихъ въ своей памяти и если найдешь что то, что ежедневно встрѣчается тебѣ, есть ихъ первообразъ, то онѣ произведутъ на тебя тѣмъ большее впечатлѣніе. Каждую черту ты будешь сравнивать съ первообразомъ и тогда обѣ картины попеременно будутъ помогать тебѣ открывать ихъ красоты и недостатки.

Наблюдай съ особенной внимательностью всѣ дѣйствія, которымъ твое собственное сердце подчиняется, свойство твоихъ страстей и различныя побудительныя причины, руководящія твоей волей. Такимъ образомъ, ты до извѣстой степени изучишь всѣхъ людей. Почувствуешь ты, напримѣръ, себя опечаленнымъ и разсердишься, если кто-нибудь дастъ тебѣ почувствовать свое превосходство и твое ничтожество относительно твоихъ знаній, умственныхъ дарованій, положенія или состоянія, то ты, конечно, постараешься не дать почувствовать твоего превосходства никому, чьимъ расположеніемъ заступ-

ничествомъ, участіемъ, уваженіемъ или дружбой ты дорожишь. Если-же какіе-либо непріятные намеки, лукавыя и язвительныя насмѣшки или безпрестанныя противорѣчія раздражатъ или разсердятъ тебя, то развѣ ты будешь отвѣчать тѣмъ-же тамъ, гдѣ желалъ-бы понравиться?

Для того, чтобы разузнать нѣкоторые странные и непонятные характеры, нужно имѣть немного свѣтской опытности. Такихъ характеровъ встрѣчается мало и они скоро обнаруживаются. Но чтобы различить незамѣтные оттѣнки, мельчайшія ступени между добродѣтелью и порокомъ, умомъ и глупостью, силою и слабостью, (изъ которыхъ обыкновенно образуются характеры), для этого нужна извѣстная опытность, большая наблюдательность и зоркая внимательность. Большая часть людей въ одинаковомъ положеніи дѣлаютъ одно и то-же, съ тою только разницею, что опытный человѣкъ знаетъ, когда и какъ слѣдуетъ дѣлать. Человѣкъ, знающій свѣтъ, умѣетъ различать характеры людей, съ которыми имѣетъ дѣло, и дѣйствуетъ сообразно этому. Но человѣкъ, обладающій, такъ сказать обыкновеннымъ здравымъ смысломъ и только теоретикъ, безъ всякой свѣтской опытности, который дѣлаетъ все не во-время, и не кстати идетъ поспѣшно и неразумно къ цѣли и никогда не достигаетъ ея.

При обыкновенномъ состояніи нравственности въ об

щественной жизни, всякій знаетъ по собственному разуму основныя правила вѣжливости, способъ не оскорблять, и желаетъ даже нравиться. Если-же онъ можетъ представить серьёзныя достоинства, то всегда будетъ принятъ и терпимъ въ хорошемъ обществѣ. Но этого далеко еще недостаточно. Если онъ и будетъ принятъ въ немъ, то все же его еще не будутъ жаждать видѣть; если онъ и непротивенъ, то все же не заслужилъ еще расположенія. На него будутъ смотрѣть, какъ на маленькую, незначительную, нейтральную державу, граничащую съ большой, не будутъ ни бояться, ни заискивать у нея, но мало по малу будутъ нападать на нее, когда представится выгода. Это крайне незавидное положеніе. Кто-же, напротивъ, знаетъ человѣческое сердце и испыталъ и тщательно наблюдалъ всѣ изгибы ума, который по одному оттѣнку можетъ воспроизвести цѣлую картину, кто можетъ во всякое время примѣнить различные способы убѣжденія, тотъ хотя и можетъ и будетъ имѣть враговъ, но будетъ имѣть и друзей; ему могутъ противодѣйствовать, но будутъ и помогать; нѣкоторые могутъ завидовать его дарованіямъ, но образъ его жизни все-же привлечетъ многихъ; его будутъ любить и считать заслуживающимъ уваженія. Чтобы быть человѣкомъ, который вмѣстѣ и импонируетъ, и любезенъ, для этого нужно, чтобы различныя качества дѣйствовали за одно и самыя малыя были

въ связи съ самыми большими. Безъ первыхъ последнія будутъ безполезны, послѣднія безъ первыхъ не будутъ имѣть настоящей цѣны.

Свѣтъ судитъ не потому, что есть въ дѣйствительности, а потому, что кажется. Немногіе настолько ловки, чтобы постигнуть дѣйствительность, а еще менѣе желаютъ этого. Кто стоитъ за то, чтобы быть правымъ въ незначительныхъ вещахъ, тотъ можетъ безнаказанно промахнуться въ болѣе существенныхъ, потому что всегда встрѣтитъ доброе желаніе и охоту извинить его. Изъ десяти человѣкъ девять считаютъ благовоспитанность за добронравіе, а на вѣжливость смотрятъ, какъ на угодливость. Добродѣтель и ученость, подобно золоту, обладаютъ внутренней цѣнностью. Но если онѣ не будутъ очищаться, то навѣрное потеряютъ много своего блеска, и даже отшлифованная мѣдь найдетъ больше охотниковъ, чѣмъ невыдѣланное золото.

Сильные характеры неоспоримо имѣютъ большое вліяніе на слабые. Но вліяніе это пріобрѣтается лишь мало по малу и только помощью опытности и знанія свѣта. Многіе допускаютъ склонить себя основательными убѣжденіями, другіе—лестью; нѣкоторые страхомъ, другіе же опять настойчивостью. Но въ концѣ-концовъ можно всѣхъ склонить на свою сторону, если ловко взяться за дѣло и неустанно пользоваться ихъ слабостями. Надо умѣть выбрать и самое время. Всякій, хотя и бываетъ

слабъ, но не постоянно же. Если ты при какомъ-нибудь случаѣ обратишься къ кому-нибудь въ такое время, когда у него что-либо другое на умѣ или сердце его полно горя, досады и тому подобныхъ непріятныхъ чувствъ, то ты выберешь дурное время.

Ученость пріобрѣтается чтеніемъ, но наиболѣе необходимая наука есть знаніе свѣта и пріобрѣтается лишь когда изучаютъ человѣка и его различныя проявленія. Въ каждомъ языкѣ встрѣчается много словъ, которыя считаютъ однозначущими, но основательные языковѣды знаютъ, что это не такъ. Люди, тщательно изучающіе языкъ, всегда найдутъ разницу между всѣми этими мнимооднозначущими словами. Одно, напримѣръ, имѣетъ болѣе силы, выразительности и тонкости, чѣмъ другое. Также и съ людьми. Они всѣ похожи одинъ на другого, но ни одинъ не представляетъ совершеннаго подобія. Кто не тщательно наблюдаетъ людей, тотъ постоянно ошибается, не замѣчаетъ оттѣнковъ, которыми отличаются сходные между собой характеры.

Молодые люди часто перецѣниваютъ значеніе людей и вещей, потому что недостаточно знаютъ и тѣ, и другія. Чѣмъ болѣе ты будешь узнавать ихъ, тѣмъ меньше цѣнить. Ты найдешь, что умъ, который долженъ руководить людьми, рѣдко руководитъ ими, что вмѣсто него большею частью преобладаютъ страсти и слабости. Даже самые умные люди имѣютъ свои слабыя стороны и

только въ сравненіи съ болѣе слабыми могутъ считаться умными и способными служить на пользу большинства; чѣмъ болѣе они владѣютъ собой, тѣмъ легче будутъ господствовать надъ другими. Они обращаются къ ихъ слабостямъ, чувствамъ и страстямъ, но никогда къ ихъ разсудку, вслѣдствіе чего имъ рѣдко что удается. Но разбери хорошенько эти великіе, господствующіе, и какъ ихъ считаетъ народъ всесовершеннѣйшіе умы, и ты найдешь, что великій Брутъ былъ не болѣе, какъ воръ Македоніи, великій кардиналъ Ришельё— плохой поэтъ, великій герцогъ Мальборо — скряга. Пока ты самъ изъ собственнаго опыта не узнаешь людей, я не знаю ни одного человѣка, кто могъ-бы такъ хорошо ознакомить тебя съ ними, какъ герцогъ де-Ларошфуко. Его маленькая книжка, изъ которой ты будешь читать ежедневно, хотя по нѣскольку минутъ, есть прекрасное и вполнѣ вѣрное изображеніе человѣчества. Я сознаю, что онъ какъ-бы сбрасываетъ людей съ ихъ пьедестала, но опытность моя не говоритъ мнѣ, чтобы онъ былъ несправедливъ въ отношеніи ихъ.

Глава II.

Женщины и ихъ вліяніе.

Значеніе женщинъ въ общественной жизни.—Характеристика.—Недостатокъ разсудка.—Зависимость ихъ отъ страстей и прихотей.—Какъ человѣкъ разумный обращается съ ними.—Рвеніе женщинъ къ дѣламъ.—Господствующія страсти ихъ: тщеславіе и любовь.—Вліяніе послѣднихъ на ихъ вкусъ. — Чувствительность къ лести.—Красота и умъ женщинъ.—Что онѣ въ дѣйствительности и за что считаются.—Ихъ склонность къ прибыли.—Деньги ихъ идеалъ.—Противорѣчія.—Женщины, могущія образовать мужчину.—Ихъ высокое мнѣніе о нравственности.—Какъ надо говорить съ женщинами.—Молчаливость.—Какихъ мужчинъ высоко цѣнятъ женщины. Вниманіе къ женщинамъ.—Лесть.

Такъ какъ женщины составляютъ значительную, или по крайней мѣрѣ очень многочисленную часть общества, и имѣютъ вліятельный голосъ, когда въ высшемъ обществѣ составляется репутація мужчины,—что крайне важно,—то надо имъ понравиться. Я хочу открыть тебѣ по поводу этого нѣкоторыя тайны, знаніе которыхъ тебѣ будетъ очень полезно, но ты долженъ тщательно скрывать ихъ.

А потому никогда не долженъ держать себя такъ, какъ будто знаешь эти тайны.

Женщины—большія дѣти, и ничего болѣе. Онѣ обладаютъ способностью поддерживать разговоръ и даже нѣкоторымъ остроуміемъ. Что-же касается основательнаго, дѣльнаго, разсудительнаго пониманія, то я во всю мою жизнь не зналъ ни одной женщины, которая обладала-бы имъ, и могла въ теченіи цѣлыхъ сутокъ сохранить разсудительность и руководствоваться ею. Малѣйшее увлеченіе или прихоть уничтожаютъ ихъ лучшія намѣренія. При малѣйшемъ пренебреженіи или сомнѣніи въ ихъ красотѣ, неуваженіи къ ихъ уму мгновенно воспламеняетъ въ нихъ страсти и разстраиваетъ основательную и послѣдовательную систему дѣйствій, которой онѣ держались въ болѣе разсудительныя минуты.

Разумный человѣкъ лишь только шутитъ и забавляется съ ними, примѣняясь къ ихъ прихотямъ и льстя имъ. Онъ обходится съ ними, какъ съ рѣзвымъ, умнымъ ребенкомъ, но никогда не обращается къ нимъ за совѣтомъ въ серьёзныхъ дѣлахъ и не довѣряетъ ихъ имъ, хотя часто даетъ понять, что дорожитъ ихъ мнѣніемъ, чѣмъ онѣ въ особенности гордятся. При этомъ у нихъ обыкновенно сильное желаніе вмѣшиваться въ серьёзныя дѣла, которыя онѣ, однако, постоянно портятъ. А потому, такъ какъ онѣ, по справедливости, подозрѣваютъ, что мужчины вообще не очень высокаго мнѣнія

о нихъ, то почти поклоняются тѣмъ, которые говорятъ съ ними серьёзнымъ тономъ, обращаются къ нимъ за совѣтомъ и повидимому довѣряютъ имъ. Я говорю повидимому, потому что въ дѣйствительности это дѣлаютъ лишь ограниченные люди; умные же только для виду.

Женщины гораздо болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ мужчины. У нихъ, по истинѣ, только двѣ страсти: тщеславіе и любовь. Это ихъ существенные признаки. Агриппина конечно можетъ пожертвовать ими честолюбію, или Мессалина сладострастію. Но такіе примѣры рѣдки. Въ общемъ все, что̀ онѣ говорятъ или дѣлаютъ, сводится къ удовлетворенію ихъ тщеславія или любви. Кто имъ болѣе льститъ, тотъ больше и нравится, а о комъ онѣ думаютъ, что онъ страстно влюбленъ въ нихъ, того онѣ болѣе и любятъ. Никакая лесть не кажется имъ слишкомъ большой или слишкомъ ничтожной. Онѣ съ жадностью хватаются за большую и съ благодарностью принимаютъ и малую. Никакое притворство, если оно касается любви, не бываетъ для нихъ слишкомъ грубымъ. Но самое невинное слово или дѣло, въ которомъ видно пренебреженіе или презрѣніе, онѣ никогда не забываютъ и не прощаютъ. Ты смѣло можешь льстить каждой, начиная съ ея ума до красоты ея вѣера. Такимъ женщинамъ, которыя или безспорно прелестны, или крайне некрасивы, всего лучше говорить комплименты относительно ихъ ума. Что-же

касается середовыхъ женщинъ, всего успѣшнѣе льстить ихъ красотѣ или, по малой мѣрѣ, ихъ привлекательности, потому что всякая, если она не особенно безобразна, считаетъ себя красивой. А такъ какъ ей это рѣдко приходится слышать, то она тѣмъ болѣе благодарна тѣмъ, которые ей говорятъ это. Положительная же, самосознательная красота, напротивъ, принимаетъ каждый комплиментъ ея наружности, какъ должное, но очень желала бы блистать и быть восхваляемой за свой умъ. Женщина, некрасивая настолько, что сама сознаетъ это, можетъ разсчитывать только на свой умъ. А потому последній, во многихъ отношеніяхъ, составляетъ ея слабую сторону.

Вообще же относительно красоты нѣтъ такой лести, какъ-бы она груба ни была, которую-бы женщина не могла перенести. Едва ли природа создала такую некрасивую, которая была бы нечувствительна къ комплиментамъ, относящимся къ ея наружности. Если лицо ея такъ некрасиво, что она до извѣстной степени должна сознавать это, то все-таки упорно и твердо увѣрена, что ея талія и выраженіе лица съ избыткомъ вознаграждаютъ недостающее. Если-же она дурно сложена, то убѣждена, что лицо ея вполнѣ искупаетъ этотъ недостатокъ. Если-же ни лицо, ни фигура не красивы, то она утѣшаетъ себя тѣмъ, что въ ней есть нѣчто пріятное, нѣчто неопредѣленное, что еще привлекательнѣе, чѣмъ кра-

сота. Истина этого положенія доказывается изысканной и искуственной одеждой, какую, именно носятъ некрасивыя женщины на показъ.

Женщины вообще никогда не бываютъ въ половину хороши или дурны. Ихъ страсти слишкомъ сильны, а разсудокъ слишкомъ слабъ для того, чтобы онѣ держались извѣстной мѣры. Источникъ и теченіе ихъ политической мудрости есть всегда преимущество ихъ настоящаго любовника, и негодованіе на невѣрнаго и отсутствующаго; такъ всегда было и будетъ. Онѣ скупы на деньги, которыя составляютъ ихъ идеалъ, когда онѣ идутъ объ руку съ интригой, а истинная слава и общественное благо имъ даже никогда и въ умъ не приходятъ. Онѣ всегда подъ властью мужчины, котораго любятъ, и властвуютъ надъ тѣмъ, который ихъ любитъ. Тотъ или другой изъ нихъ, который сильнѣе любитъ, тотъ всегда будетъ въ подчиненіи у того, который чувствуетъ не такъ глубоко.

Достовѣрно извѣстно, что въ женской политической мудрости голова не есть преобладающая часть. Истинный двигатель—низшаго сорта. Никогда еще женщина не говорила и не дѣйствовала долгое время, не противорѣча себѣ, о какой бы то ни было бездѣлицѣ, о любви, мести или выгодѣ, мнимое презрѣніе или капризъ тотчасъ-же вторгается и опрокидываетъ верхъ дномъ всѣ ея благоразумныя рѣшенія и намѣренія. Вообще, я изъ долгаго

опыта убѣдился, что женщины похожи на копье Телефа: однимъ концомъ ранятъ, другимъ исцѣляютъ.

Все это тайны, которыя ты долженъ сохранять, если не хочешь, подобно Орфею, быть растерзаннымъ на куски цѣлой половиной человѣческаго рода. Въ особенности, человѣкъ, желающій жить въ большомъ свѣтѣ, долженъ быть любезнымъ и учтивымъ съ женщинами. Онѣ повсюду, и въ особенности при дворахъ, имѣютъ большее или меньшее вліяніе, и въ этомъ кругѣ непремѣнно составляютъ репутацію всякаго человѣка; онѣ или возвышаютъ или низвергаютъ его. Вслѣдствіе этого необходимо угождать имъ, нравиться и льстить, и никогда не выказывать ни малѣйшаго пренебрежечія, такъ какъ онѣ никогда не прощаютъ его. Въ этомъ, впрочемъ, сходятся съ ними и мужчины, которые скорѣе простятъ несправедливость, чѣмъ неуваженіе.

Есть знатныя женщины, которыя постоянно жили въ большомъ свѣтѣ, можетъ быть, имѣли нѣсколько любовныхъ связей и имѣютъ нѣкоторую двадцатипяти или тридцати лѣтнюю опытность, и онѣ-то лучше образуютъ молодаго человѣка, чѣмъ всевозможныя правила. Такъ какъ онѣ уже вышли изъ цвѣтущей эпохи жизни, то имъ въ особенности лестна малѣйшая любезность молодого человѣка. Онѣ выказываютъ ему такое-же вниманіе и принимаютъ ее, какъ будто онѣ еще въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты. Куда-бы ты ни явился, ста-

райся пріобрѣсти дружбу женщинъ. Это достигается обыкновенно безъ большаго труда. Спроси у нихъ совѣта при какомъ-нибудь случаѣ, сообщи твои сомнѣнія или мысли. Но остерегайся пуще всего сдѣлать намекъ на ихъ опытность. Послѣдняя дается лѣтами, а намекъ на лѣта не проститъ ни одна женщина, хотя-бы она была далеко немолода.

Женщины имѣютъ большое вліяніе на общественное образованіе мужчины. Безнравственный человѣкъ никогда не будетъ имѣть за себя ихъ голосовъ, которые очень многочисленны и гораздо довольно считаются, чѣмъ цѣнятся. Человѣкъ, нравы котораго смягчились вслѣдствіе сношеній съ свѣтскими женщинами, также нравится и мужчинамъ, которые принимаютъ его и вступаютъ съ нимъ въ сношенія.

Нравственность женщины цѣнятъ въ мужчинѣ выше, чѣмъ самое высокое образованіе. Его обращеніе должно быть всегда почтительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ непринужденно. Разговоръ съ женщинами не долженъ быть слишкомъ серьёзенъ. Съ ними надо говорить, какъ съ людьми, которые нѣсколько ниже мужчинъ, но выше дѣтей. Если ты будешь говорить съ ними глубокомысленно, то смутишь только ихъ и потеряешь напрасно трудъ. Если же будешь говорить шутя, онѣ подмѣтятъ твое пренебреженіе и будутъ оскорблены этимъ. Самый приличный тонъ, который должно употреблять съ ними,

есть тотъ, который французы называютъ «entregent». Это именно и есть языкъ хорошаго общества. Люди, вообще, всего лучше говорятъ о томъ, что они всего лучше понимаютъ. Имъ нравятся, а вмѣстѣ пріобрѣтаютъ и себѣ пользу, когда наводятъ ихъ на такія темы, въ которыхъ они сильны. Съ людьми, пользующимися особенной репутаціей или научнымъ образованіемъ, никогда не станешь въ затрудненіе. Но съ такими—будь они мужчины или женщины—которые собственно образуютъ хорошее общество, не слѣдуетъ вести никакихъ глубокомысленныхъ разговоровъ и не требовать отъ нихъ болѣе высшихъ познаній, чѣмъ, напримѣръ знаніе орденовъ, чиновъ, придворныхъ анекдотовъ и т. п. Въ разговорахъ съ женщинами ты долженъ иногда примѣшивать немножко лести. Вѣеръ, лента или головной уборъ—вотъ темы для галантныхъ бесѣдъ, въ особенности для того, кто пріобрѣлъ легкій, любезный тонъ хорошаго общества. Во всякомъ случаѣ, лучше если мужчина говоритъ слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Молчаливость онѣ принимаютъ за ограниченность, если не предполагаютъ, что она происходитъ отъ возбужденной ими любви.

Кто говоритъ о своихъ успѣхахъ у женщинъ или только намекаетъ на нихъ, тому рѣдко вѣрятъ, а если и вѣрятъ, то осуждаютъ его. Но кто старательно молчитъ объ этомъ, о томъ предполагаютъ, что онъ имѣетъ

больше успѣха, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Репутація скромности много помогаетъ ему въ этомъ.

Женщины очень мало цѣнятъ такихъ мужчинъ, которые мало пользуются уваженіемъ между своими собратьями. Онѣ смотрятъ на нихъ, какъ на домашній скарбъ, который выбрасываютъ, когда находятъ что-нибудь лучше. Онѣ избираютъ своими любимцами скорѣе по репутаціи, которою люди пользуются, чѣмъ по уму ихъ. Кого мужчины наиболѣе хвалятъ, къ тому всегда и женщины относятся лучше. Такое завоеваніе льститъ ихъ тщеславію. Тщеславіе же ихъ господствующая, если не сильнѣйшая, страсть. Блестящей репутаціи онѣ не могутъ противустоять. Онѣ бросаются въ опасность, надѣясь на побѣду въ борьбѣ, хотя, надо замѣтить, что побѣдительница становится рабыней ею же самою побѣжденнаго.

Итакъ, если кто хочетъ нравиться женщинамъ, долженъ снискать уваженіе мужчинъ. А когда хотятъ расположить къ себѣ мужчинъ, надо сумѣть понравиться женщинамъ. Ухаживаніе мужчины, пользующагося уваженіемъ между своими собратьями, льститъ женскому тщеславію. Если онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, то женщины способствуютъ его возвышенію, т. е. вводятъ въ моду. Съ другой стороны, мужчина можетъ пользоваться уваженіемъ другихъ мужчинъ, но не будетъ отъ этого пріятенъ, если женщины не дадутъ ему ходу. Такъ

какъ онъ продуктъ обоихъ половъ, то оба они и должны работать надъ его образованіемъ. Дай женщинамъ преимущества своего пола, и ты получишь отъ нихъ кротость, добродушіе и привлекательность ихъ пола, и мужчины, которые прежде тебя только уважали, будутъ любить. Женщины такъ сказать обрабатываютъ золото. Онѣ не дѣлаютъ, его тяжеле, конечно, но придаютъ ему болѣе блеска. Общество знатныхъ женщинъ, если и не разовьетъ твоего ума, то зато смягчитъ нравы. Вѣжливости и учтивости, которыя такъ важны въ обращеніи съ мужчинами, могутъ научить только женщины.

Если ты хочешь особенно понравиться женщинѣ, общественное положеніе и связи которой могутъ быть тебѣ полезны, то долженъ быть особенно любезенъ съ нею. Маленькія любезности нравятся женщинамъ, большія-же очаровываютъ ихъ. Ты навѣрное пріобрѣтешь ихъ дружбу, если сдѣлаешь видъ, что дорожишь ею. Притворство часто необходимо, даже позволительно до извѣстной степени; имъ оно нравится, а тебѣ можетъ быть полезно, и никому не вредно.

Случай выказать вниманіе женщинамъ представляется постоянно; если-же его нѣтъ, то постарайся самъ придумать. Разговоръ твой съ женщинами долженъ быть всегда почтителенъ и льстить ихъ тщеславію. Все, что ты скажешь, или сдѣлаешь ей, должно свидѣтельствовать объ уваженіи, которое ты питаешь къ ея красотѣ, ея

остроумію и ея достоинствамъ. Въ самомъ-же дѣлѣ, ты можешь питать или не питать его —это безразлично.

Не пойми меня ложно. Я вовсе не хочу внушить тебѣ порочную лесть. Нѣтъ, не льсти никогда ничьимъ порокамъ или слабостямъ, скорѣе питай къ нимъ отвращеніе или даже исправляй ихъ. Но безъ снисходительности къ слабостямъ и къ невинному, хотя и смѣшному, тщеславію людей жить въ свѣтѣ нельзя. Если же какого-нибудь мужчину будутъ считать умнѣе, а женщину красивѣе, чѣмъ они въ дѣйствительности, то это будетъ имъ утѣшеніемъ, а вреда никому не принесетъ. Лучше сдѣлать ихъ своими друзьями, чтобы они не возстановляли противъ насъ другихъ.

Глава III.

Связи и дружескія отношенія.

Цѣнность связей. — Какъ онѣ завязываются. — Взглядъ на личное тщеславіе. — Похвала. — Какъ поступалъ лордъ Шефтсбюри. — Различіе взглядовъ. — Отношеніе къ проступкамъ и слабостямъ. — Изслѣдованіе господствующаго тщеславія. — Воззваніе къ человѣческимъ страстямъ. — Различныя связи. — Осмотрительность въ предлагаемой дружбѣ. — Друзья различнаго сорта. — Юношеская опрометчивость. — Осторожность въ отклоненіи дружбы. — Сдержанность и таинственный образъ дѣйствій. — Испытанные друзья. — Люди, которымъ не слѣдуетъ довѣрять. — Чего требуетъ дружба. — Любовь и дружба. — Ненависть и любовь. — Вліяніе нравовъ на дружбу.

Ты долженъ понимать, что недалеко уйдешь въ свѣтѣ, если не пріобрѣтешь связей и не заставишь людей различнаго характера дѣйствовать съ собой за одно. Ты долженъ поставить ихъ въ зависимость отъ себя, но чтобы они этого не знали, и, допуская, повидимому, руководить собою, предписывать имъ правила. Но такія необходимыя связи достигаются и поддерживаются не иначе,

какъ постоянной услужливостью, внимательностью, вѣжливостью и нѣкоторымъ принужденіемъ, которое ты обязательно на себя возлагаешь. Ты долженъ пріобрѣтать сердца людей, если разсчитываешь на ихъ поддержку. Долженъ выжидать время, когда можешь завладѣть ими и плѣнить ихъ прелестью своего обращенія. Люди не всегда въ твоемъ распоряженіи, когда тебѣ нужно, а потому, если ты ожидаешь отъ нихъ помощи, то долженъ доставлять имъ удовольствіе или выгоду. Обдумай хорошенько твое положеніе и дѣйствуй согласно твоимъ отношеніямъ, хотя-бы они и не представляли тебѣ существенной выгоды. Люди отплатятъ съ лихвою невѣжливостью за невѣжливость, небрежностью за небрежность и дурное обращеніе. Но пріобрѣсти сердца никоимъ образомъ нельзя обыкновенною учтивостью, которую оказываетъ всякій. Преклоняться передъ тѣми, которые преклоняются передъ нами, не сухо отвѣчать тѣмъ, которые обращаются къ намъ, и никогда не говорить ничего оскорбительнаго — все это еще не доказываетъ ничего инаго, какъ то, что ты не животное. Но искренняя готовность услужить и сдѣлать удовольствіе доставитъ тебѣ расположеніе мужчинъ и благосклонность женщинъ. Ты долженъ тщательно обращать вниманіе и идти на встрѣчу ихъ страстямъ, вкусамъ, прихотямъ и слабостямъ. Долженъ дѣлать это весело и любезно, а никакъ не милостиво снисходить къ ихъ слабостямъ. Если, напри-

мѣръ, ты приглашаешь кого-нибудь къ себѣ обѣдать или ужинать, то долженъ позаботиться подать ему его любимое блюдо. И чѣмъ ничтожнѣе подобныя вещи, тѣмъ болѣе доказываютъ онѣ твою любезность и скрѣпляютъ между вами связь. Обернись на себя и обдумай, какъ подобныя маленькія любезности, оказываемыя тебѣ, льстятъ твоему самолюбію и тщеславію. Отъ этого не изъятъ ни одинъ смертный. Обдумай также, какъ онѣ сильно вліяютъ на твое расположеніе; какъ ты благосклонно принимаешь отъ человѣка, утѣшившаго тебя, все, что-бы онъ ни говорилъ и ни дѣлалъ. Одинаковыя причины производятъ всегда одинаковыя дѣйствія.

Чтобы завязать связи, ты долженъ приноравливаться къ другимъ, долженъ внести въ твое обращеніе что нибудь привлекательное и желаніе понравиться. Если ты что-нибудь одобряешь, то будь щедръ на похвалу. Но ты долженъ научиться хвалить и то, что тебѣ и не совсѣмъ нравится, разъ что это нравится другимъ. Самолюбіе наше будетъ оскорблено, если мы подмѣтимъ, что наши мнѣнія, нашъ вкусъ, наши привычки и одежда порицаются или осуждаются. Одобреніе, напротивъ, льститъ намъ. Я тебѣ представлю замѣчательный примѣръ этого. Знаменитый графъ фонъ Шефтсбюри, который былъ канцлеромъ въ тяжелое царствованіе Карла II, очень желалъ сдѣлаться любимцемъ короля и министромъ. Чтобы понравиться королю, преобладающею страстью котораго были женщины, онъ дер-

жалъ у себя любовницу, которая ему даже вовсе не была нужна. Король вскорѣ услышалъ объ этомъ и спросилъ Шефтсбюри, справедливъ-ли этотъ слухъ. Тотъ подтвердилъ и прибавилъ къ этому, что у него есть еще нѣсколько другихъ, потому что онъ любитъ разнообразіе. Когда-же, нѣсколько дней спустя, довели объ этомъ до короля оффиціально, онъ посмотрѣлъ на лорда, стоявшаго въ отдаленіи, и сказалъ, обращаясь къ окружающимъ: «Трудно повѣрить, чтобы этотъ маленькій, слабый человѣчекъ былъ такой ярый волокита въ Англіи, но увѣряю васъ, что онъ именно таковъ». Когда-же лордъ Шефтсбюри подошелъ ближе, поднялся общій хохотъ. «Это васъ касается, милордъ» сказалъ король. —«Меня, государь?!» спросилъ канцлеръ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. —«Ну да, продолжалъ король, такъ какъ я сейчасъ сказалъ, что вы самый отчаянный волокита въ Англіи. Развѣ это не правда?»—«Между подданными, государь, отвѣчалъ лордъ, это, можетъ быть, и правда».

Такъ бываетъ и въ многихъ другихъ вещахъ. Различіе въ нашихъ взглядахъ, нашихъ нравахъ и въ нашемъ обращеніи мы принимаемъ за безмолвное порицаніе. А потому мы должны стремиться къ тому, что не совсѣмъ безчестно и позорно.

Если-же ты хочешь пріобрѣсти расположеніе и дружбу извѣстныхъ людей, все равно мужчинъ или женщинъ, ты долженъ стараться прежде всего узнать ихъ выдающія-

ся достоинства, равно какъ и выдающіяся слабости, отъ которыхъ не избавленъ ни одинъ человѣкъ. И будь справедливъ къ первымъ, а къ послѣднимъ еще справедливѣе. Въ мужчинахъ есть много такого, чѣмъ они могутъ выдаваться или казаться таковыми. Кардиналъ Ришельё, напримѣръ, былъ, безъ сомнѣнія, величайшимъ государственнымъ человѣкомъ своего времени и имѣлъ, какъ я уже однажды замѣтилъ, тщеславіе считать себя вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ поэтомъ своего времени. А потому тѣ, которые льстили ему наиболѣе тонкимъ образомъ, отнюдь не восхваляли его, какъ геніальнаго государственнаго человѣка, или такъ мимоходомъ при случаѣ, но за то воскуряли ѳиміамъ его остроумію и поэтическому дарованію, и кружили ему этимъ голову изъ своихъ выгодъ. Свое превосходство, какъ государственнаго человѣка, онъ вполнѣ сознавалъ, но въ поэтической геніальности онъ невольно сомнѣвался.

Ты легко можешь открыть въ каждомъ человѣкѣ его преобладающее тщеславіе, когда въ обществѣ обратишь вниманіе на его любимую тему. Всякій говоритъ болѣе всего о томъ, въ чемъ болѣе всего желаетъ блеснуть. Сэръ Робертъ Вальполь, человѣкъ несомнѣнно умный, былъ совершенно равнодушенъ къ обыденной лести. Преобладающей его слабостью было убѣжденіе, что онъ въ особенности одаренъ свѣтской любезностью, тогда какъ въ дѣйствительности этимъ качествомъ онъ

обладалъ менѣе, чѣмъ всякій другой. И въ разговорахъ это было его любимой темой, чѣмъ онъ и доказывалъ прозорливымъ людямъ, что она была его преобладающей слабостью. Къ ней-то они и примѣнялись съ успѣхомъ.

Тамъ, гдѣ ты хочешь убѣдить или выиграть свое дѣло, обращайся къ страстямъ человѣческимъ. Черезъ нихъ можно дѣйствовать на людей. Если будешь такъ дѣйствовать, побѣда всегда будетъ на твоей сторонѣ. Съумѣешь обратить въ свою сторону гордость, любовь, состраданіе, корыстолюбіе или иную преобладающую страсть человѣка, тебѣ нечего бояться противорѣчій разсудка.

Есть два рода связей. Первая согласна съ природой. Я понимаю подъ этимъ такія связи, когда обѣ составныя части союза соединены однообразіемъ характеровъ. При такихъ связяхъ сообщество должно быть свободно. Каждый долженъ видѣть и твердо вѣрить, что другой способенъ и склоненъ приносить ему пользу. Честь должна быть базисомъ такой связи. Въ ней должна быть обоюдная зависимость, чтобы внезапный, исключительный интересъ не вызвалъ разрыва. Вообще, въ такихъ случаяхъ надо дѣйствовать сообща и систематично. Если же взгляды различны, то каждый долженъ поступиться чѣмъ-нибудь, чтобы изъ этого образовалось одно мнѣніе. Второй родъ связей—неравныя отношенія, а именно, когда духовныя дарованія на одной сторонѣ, а санъ и состояніе—на другой. Въ этомъ

случаѣ вся выгода лежитъ на одной сторонѣ. Но тогда это слѣдуетъ благоразумно скрывать. Въ слабѣйшей сторонѣ надо дѣйствовать на сердце, потому что голова не выдержитъ. Надъ ней можно властвовать тѣмъ, что внушитъ ей то мнѣніе, какъ будто она властвуетъ. Такія особы, которыми умѣютъ искусно руководить, доставляютъ своему руководителю большія выгоды.

Остерегайся предлагаемой тебѣ дружбы. Принимай ее съ большой учтивостью, но и съ большимъ недовѣріемъ, и отвѣчай на нее также учтивостью, но не съ довѣріемъ. Твои самолюбіе и тщеславіе не должны доводить тебя до предположенія, что люди могутъ быть твоими друзьями по первому взгляду или при самомъ поверхностномъ знакомствѣ. Истинная дружба образуется медленно и никогда не преуспѣваетъ, если не основывается на взаимныхъ услугахъ.

Тѣ, которые называютъ себя твоими друзьями, въ обыденномъ смыслѣ, или которыхъ ты считаешь друзьями, по обыкновеннымъ понятіямъ о дружбѣ, никогда не укажутъ тебѣ на твои недостатки, а тѣмъ менѣе на твои слабости. Если-же они болѣе стремятся сохранить твою дружбу, чѣмъ доказать свою, то скорѣе будутъ льстить твоимъ слабостямъ и недостаткамъ и вовсе не будутъ недовольны ими. Даже въ своемъ кругу многіе радуются слабостямъ своихъ лучшихъ друзей.

Молодые люди обыкновенно не любятъ отказывать

въ томъ, чего у нихъ просятъ. Этотъ ложный стыдъ, въ связи съ честолюбивымъ желаніемъ понравиться и выдвинуться въ томъ обществѣ, въ которомъ находишься, приводитъ въ хорошемъ обществѣ къ наилучшимъ, а въ дурномъ къ наихудшимъ послѣдствіямъ.

Между молодыми людьми существуютъ еще извѣстнаго рода пріятельскія отношенія, которыя нѣкоторое время усердно поддерживаются, но, къ счастію, не долго. Такія отношенія заключаются очень скоро. Молодые люди встрѣчаются случайно и вмѣстѣ предаются кутежамъ и мотовству. Они даютъ взаймы другъ другу деньги для предосудительныхъ цѣлей, ссорятся въ защиту своихъ товарищей и сообщаютъ другъ другу все, что знаютъ, а часто и съ прикрасой. Но вдругъ какой нибудь случай разъединяетъ ихъ и они не думаютъ болѣе другъ о другѣ, и тогда смѣются надъ своей необдуманной довѣрчивостью. Слѣдовательно, ты долженъ ставить большое различіе между собесѣдниками и друзьями, потому что любезный и пріятный собесѣдникъ можетъ сдѣлаться очень непріятнымъ и опаснымъ другомъ. Такимъ, большею частью, онъ и бываетъ. Часто, и не безъ основанія, люди судятъ о тебѣ по твоимъ друзьямъ.

Можно вообразить, что тотъ, кто вступаетъ въ дружбу съ обманьщикомъ или глупцомъ, имѣетъ намѣреніе сдѣлать что-нибудь дурное или надобность скрыть что-нибудь. Но если ты тщательно отклоняешь

дружбу такихъ людей, то не долженъ, однако, дѣлать ихъ своими врагами; благоразумнѣе держать ихъ на нейтральной почвѣ, чѣмъ заключать съ ними союзъ или объявлять войну. Ты можешь быть отъявленнымъ врагомъ ихъ пороковъ и безобразій, но лично не становись съ ними во враждебныя отношенія. Вражда ихъ опаснѣе ихъ дружбы. Будь съ каждымъ дѣйствительно скрытнымъ, но ни съ кѣмъ лишь видимо, потому что очень непріятно казаться скрытнымъ и очень опасно не быть таковымъ. Немногіе умѣютъ найти середину. Многіе въ пустякахъ скрытны, а другіе ужъ слишкомъ откровенны съ своими знакомыми, чтò смѣшно и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Между молодыми людьми, которые собираются между собой единственно ради удовольствія, встрѣчается неумѣренность въ дружбѣ, чтò нерѣдко влечетъ за собою очень вредныя послѣдствія. Нѣкоторыя нѣжныя сердца и неопытныя головы, разгоряченныя веселой пирушкой и излишне выпитымъ виномъ, клянутся другъ другу въ вѣчной дружбѣ и раскрываютъ свои сердца безъ малѣйшей сдержанности. Впослѣдствіи довѣрчивость эта повторяется и также необдуманно, какъ и въ первый разъ, отчего происходятъ весьма вредные результаты. Будь веселъ и оживленъ между своихъ юныхъ сотоварищей, сообщай имъ, если хочешь, свои любовныя увлеченія, но всегда умалчивай о своихъ серьезныхъ на-

мѣреніяхъ. Послѣднія можно сообщать лишь только вполнѣ испытанному другу, который никогда не будетъ твоимъ соперникомъ. Совѣтую тебѣ также никогда не полагаться на человѣческое великодушіе, чтобы надѣяться или разсчитывать, что твой соперникъ въ взаимномъ интересѣ былъ твоимъ другомъ. Этотъ родъ сдержанности и осторожности необходимъ, но неосторожно было-бы давать ее замѣтить.

Не довѣряй всѣмъ тѣмъ, которые выказываютъ тебѣ особенную любовь послѣ поверхностнаго знакомства и безъ всякой видимой причины. Остерегайся также тѣхъ, которые всѣ свои первостепенныя достоинства выдаютъ за слабости.

Истинная дружба требуетъ нѣкотораго сходства возраста и воспитанія. Она никогда не можетъ быть прочна, гдѣ они слишкомъ различны, за исключеніемъ, конечно, отношеній между родителями и дѣтьми, потому что ихъ связываетъ съ одной стороны любовь, съ другой—уваженіе. Дружба, которую ты заключаешь съ сверстниками, можетъ быть глубока и сильна, но будетъ въ началѣ мало полезна обѣимъ сторонамъ, потому что ни съ которой нѣтъ опытности. Когда юноша руководитъ юношею, то это выходитъ такъ, какъ еслибы слѣпецъ указывалъ дорогу другому слѣпцу: они оба упали-бы въ ровъ.

Любовь воспламеняетъ на нѣкоторое время дружбу, но разъ пламя первой потухло, то пепелъ другой тотчасъ

появляется на свѣтъ. Порядочный человѣкъ честенъ и въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ. Но объ этомъ я совѣтую тебѣ какъ можно больше молчать. Если ты хвастаешься какой-нибудь любовной интригой, забавляешься ею, даешь понять ее или какъ-бы принужденно отклоняешь и отрицаешь, то скоро заслужашь нерасположеніе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Непринужденное молчаніе единственный исходъ изъ этого.

Немногіе, въ особенности молодые люди, умѣютъ любить или ненавидить. Ихъ любовь—безграничная слабость, преисполненная снисхожденія, а часто и пристрастія къ погрѣшностямъ. Этимъ они вредятъ любимой особѣ. Ненависть ихъ сильна, поспѣшна, неосмотрительна и подчасъ вредна имъ самимъ.

Самыя интимныя связи и дружественныя отношенія требуютъ для ихъ укрѣпленія и прочности извѣстной нравственности. Если мужчины и женщины проводятъ дни и ночи вмѣстѣ и пренебрегаютъ всѣми приличіями, то ихъ довѣрчивость скоро обратится въ грубую привычку и вызоветъ пренебреженіе и даже отвращеніе.

Въ концѣ концовъ, замѣть себѣ слѣдующее: сдѣлайся необходимымъ, и тогда, вмѣсто того, чтобы самому заискивать, въ тебѣ будутъ искать. Будь любезенъ и внимателенъ: „маленькіе подарки, говорятъ французы, поддерживаютъ дружбу; большіе-же усиливаютъ ее“.

Глава IV.

Объ удовольствіяхъ.

Значеніе удовольствій.—Опасности ихъ.—Правила для выбора удовольствій.—Застольныя наслажденія.—Игра.—Чтеніе.—Наука. —Нравственныя удовольствія. —Зрѣлища. —Общества.—Танцы.—Неумѣренность и распутство.—Надлежащая мѣра.

Удовольствія въ извѣстное время настолько-же необходимы, насколько и полезны. Онѣ пріучаютъ къ свѣтскому обхожденію, научаютъ узнавать характеры и показываютъ сердца людей въ самые откровенные ихъ моменты.

Но удовольствія имѣютъ и свои подводные камни, о которые большая часть молодыхъ людей разбиваются. Они пускаются вплавь на всѣхъ парусахъ для розысканія ихъ, но направляютъ корабль безъ компаса и безъ надлежащихъ познаній. А потому, вмѣсто удовольствій, встрѣчаютъ однѣ страданія. Не думай, чтобы я хотѣлъ смѣяться надъ удовольствіями, какъ стоикъ, или проповѣдывать противъ нихъ, какъ пасторъ. Нѣтъ, я стараюсь описать тебѣ ихъ и оцѣнить, какъ эпикуреецъ. Я желаю

тебѣ испытать много удовольствій, и моя единственная цѣль предохранить тебя отъ разочарованій.

Избирай самъ свои удовольствія и не допускай, чтобы другіе руководили тобою. Слѣдуй въ выборѣ ихъ собственной природѣ, а отнюдь не модѣ. Обдумывай настоящее наслажденіе и неизбѣжныя послѣдствія всякаго удовольствія, и предоставляй рѣшеніе ихъ своему собственному разумѣнію. Еслибъ я могъ вступить въ свѣтъ съ той опытностію, какой обладаю теперь, то я пользовался-бы истинными, а не воображаемыми удовольствіями. Я наслаждался бы тѣми, которыя даютъ намъ ѣда и вино, но съ воздержаніемъ, не доходя до крайности, которая всегда влечетъ за собою гибельныя послѣдствія. Лѣтъ въ двадцать я не былъ бы проповѣдникомъ воздержанія и трезвости, но оставилъ бы жить другихъ, какъ хотятъ. Я не сталъ-бы порицать ихъ тономъ разсудительнаго человѣка. Я сталъ бы играть ради удовольствія, а не для того, чтобы слѣдовать обычаямъ извѣстнаго общества. Я не рисковалъ бы такою суммой, которая при выигрышѣ не принесла бы мнѣ особенной помощи, а при проигрышѣ тяжело отозвалась-бы на мнѣ и заставила бы сократить многіе необходимые расходы. О спорахъ, часто подымающихся при высокой игрѣ, и говорить нечего. Часть моего времени я употреблялъ бы на чтеніе, а свободные часы проводилъ въ обществѣ умныхъ и ученыхъ людей, въ особенности такихъ, которые стоятъ выше меня.

Далѣе я сталъ-бы посѣщать нѣкоторыя свѣтскія общества; но общества хотя и ничтожныя по своему значенію, если только онѣ доставляютъ душевное спокойствіе и отдохновеніе, также не безполезны, такъ какъ онѣ навѣрное смягчаютъ и утончаютъ нравы. Объ умственныхъ наслажденіяхъ, которыя суть самыя основательныя и самыя прочныя, я не упоминаю, потому что онѣ не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя называются собственно удовольствіями. Только тѣ истинныя и прочныя наслажденія, которыя доставляетъ намъ добродѣтель, благотворительность и знаніе.

Я отнюдь не назову удовольствія праздностью или пустымъ препровожденіемъ времени, разъ онѣ достойны разумнаго существа. Напротивъ, это скорѣе хорошее употребленіе твоего времени. Я понимаю подъ этимъ театральныя зрѣлища, собранія хорошаго общества, танцовальные вечера и даже балы. Танцы сами по себѣ есть безсмысленная и глупая вещь. Но это одна изъ распространенныхъ глупостей, въ которой по временамъ и разумные люди должны принимать участіе. Хотя я и не желаю, чтобы ты былъ танцоромъ, но все-же желаю, чтобы ты танцовалъ хорошо, если ужъ пошелъ танцовать. Общепринятыя удовольствія требуютъ всевозможнаго вниманія, иначе это лишь потерянное время.

Есть люди, которые цѣлый день считаютъ себя очень занятыми, но еслибы къ вечеру они захотѣли дать

себѣ отчетъ, то убѣдились-бы, что почти ничего не сдѣлали. Часа два, три они машинально читали, не думая о томъ, что прочли, а вслѣдствіе этого и не усвоили себѣ прочитаннаго. Затѣмъ они отправляются въ общество, не принимая въ немъ никакого участія и не вникая даже въ разсужденія или въ предметъ разговоровъ. Они гораздо больше думаютъ о мелочахъ, не идущихъ къ дѣлу, а часто и ни о чемъ. Это они называютъ разсѣянностью. Потомъ отправляются играть и глазѣютъ на партнеровъ и на освѣщеніе, вмѣсто того, чтобы думать объ игрѣ, разъ что онъ ее началъ.

Будь также внимателенъ при твоихъ увеселеніяхъ, какъ и при занятіяхъ. При послѣднихъ замѣчай и обдумывай все, что ты читаешь; при первыхъ-же будь внимателенъ ко всему, что ты видишь и слышишь, такъ чтобы тебѣ никогда не приходилось сказать, какъ многимъ глупцамъ, что они не замѣчали того, что передъ ними дѣлалось и говорилось, а какъ разъ думали о чемъ-то другомъ. Такъ зачѣмъ-же вы думали о другомъ? Да потому что дураки вообще ни о чемъ не думаютъ. Дѣлай то, что ты предпринялъ, а тамъ будь, что будетъ! Гдѣ бы ты ни былъ, будь всегда внимателенъ. Слушай все, что говорятъ и смотри все, что передъ тобой происходитъ. Замѣчай взгляды и выраженіе лицъ говорящихъ,—это часто единственное вѣрное средство раскрыть истину. Но храни всѣ свои наблюденія про себя и лишь

изрѣдка дѣлись ими съ другими. Наблюдай, но чтобъ никто этого не замѣчалъ, а то люди будутъ тебя остерегаться.

Ты долженъ бывать на общественныхъ увеселеніяхъ, чтобы изучать нравы хорошаго общества. Въ обычныхъ обществахъ, къ которымъ уже привыкъ, люди скрываютъ свои мысли или стараются, по крайней мѣрѣ, скрыть ихъ. Но удовольствія обнаруживаютъ ихъ, такъ какъ въ вихрѣ ихъ сердце сбрасываетъ съ себя осторожность разума, и тогда часто встрѣчаются благопріятные моменты, которыми могутъ воспользоваться ловкіе наблюдатели.

Многіе молодые люди бросаются въ вихрь удовольствій но не наслаждаются, потому что злоупотребляютъ ими. Неумѣренность ошибочно называютъ удовольствіемъ. Что это за удовольствіе, напримѣръ, пьянство, которое разстраиваетъ и здоровье и умственныя способности. Или напримѣръ, высокая игра, которая причиняетъ тысячи бѣдъ; во первыхъ вашему карману а во-вторыхъ, придаетъ вашей физіономіи видъ бѣснующагося, — что вѣроятно также не избранное удовольствіе. А слишкомъ свободныя отношенія съ женщинами развѣ не имѣютъ дальнѣйшихъ послѣдствій, какъ напримѣръ: потеря носа, полное уничтоженіе здоровья и отъ времени до времени поединки. Это вѣдь все мелочи. Но большая часть молодыхъ людей, которые сами не думаютъ, а лишь подражаютъ кому попало, называютъ это удовольствіями.

Общество благовоспитанныхъ людей, хорошій, умѣренный столъ, невысокая игра и порядочное, приличное обхожденіе съ нравственными и умными женщинами—вотъ настоящія удовольствія порядочнаго человѣка, удовольствія, которыя не влекутъ за собою ни болѣзни, ни стыда, ни раскаянія. Все, что выходитъ изъ предѣловъ этого, вырождается въ страсти и излишества.

За столомъ человѣкъ можетъ имѣть хорошій аппетитъ, но обжорство всѣмъ безъ разбора, унижаетъ до послѣдней степени. Онъ можетъ прилично играть въ какую угодно игру, но дѣлаться завзятымъ игрокомъ безчестно. Живость и остроуміе дѣлаютъ человѣка въ обществѣ блестящимъ, но избитыя шутки и громкій хохотъ дѣлаютъ изъ него шута. Всякая добродѣтель, какъ говорятъ, сродна пороку, точно также какъ всякое удовольствіе сопряжено съ вредомъ.

Глава V.

Афоризмы государственной мудрости.

Главныя дипломатическія качества. — Уступчивость. — Языкъ дипломатіи. — Притворство.—Расходы и долги посланника. — Слѣдствія ихъ.—Чернь.—Характеристика массъ.— Народныя движенія.—Политическіе афоризмы.

Полнѣйшее самообладаніе, недопускающее никакого увлеченія, терпѣніе настолько, чтобы ты могъ выслушивать всевозможныя глупыя, несообразныя и самыя безсмысленныя вещи, ловкость умѣть отказать, не оскорбивъ, или искусство согласіемъ удвоить признательность, умѣнье скрыть правду, не сказавъ лжи, проницательность, умѣнье читать на лицахъ людей, и простодушіе, чтобы люди открыли въ твоей физіономіи не кажущееся чистосердечіе, а истинную скромность—вотъ основныя правила политики. Грамматикой твоей долженъ быть—міръ.

Искусный государственный человѣкъ своимъ обраще-

ніемъ и находчивостью будетъ стараться сдѣлать изъ своихъ явныхъ враговъ личныхъ друзей. Онъ будетъ льстить *человѣку*, между тѣмъ какъ дѣйствуетъ противъ *министра*. Никогда онъ не пренебрежетъ благосклонностью людей, хотя и будетъ возставать противъ вещей, которыя не стоятъ вниманія. Онъ даже поставитъ себѣ въ заслугу отказаться отъ того, чего онъ не можетъ достигнуть. Онъ купитъ иногда бездѣлицу въ тысячу разъ дороже ея настоящей стоимости.

Иностранный посолъ, на обязанности котораго лежатъ важныя дѣла, необходимо долженъ имѣть у себя на жалованьѣ помощника, но не полагаться безусловно на его доклады, потому что они не всегда бываютъ безупречно вѣрны. Наилучшіе его помощники будутъ такіе люди, которымъ онъ ничего не платитъ, но которыхъ онъ своей ловкостью и обращеніемъ сумѣлъ подчинить себѣ. Есть извѣстный, ничего не высказывающій дѣловой языкъ, который опытный посолъ долженъ себѣ усвоить въ совершенствѣ и который онъ можетъ съ успѣхомъ употреблять во время большихъ пиршествъ, въ смѣшанныхъ обществахъ—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обязанъ говорить и все-таки ничего не сказать. Если этотъ языкъ благозвученъ и рѣчь его краснорѣчива, то она кажется осмысленной, хотя въ дѣйствительности, въ ней нѣтъ никакого смысла. Это—политическая игра, которая предохраняетъ или разсѣеваетъ тысячи трудностей, ко-

торымъ опытный посолъ подвергается въ разговорахъ въ смѣшанномъ обществѣ.

Притворство для посла необходимо, но оно не должно быть ни лживо, ни вѣроломно. Но держаться золотой середины очень трудно и въ этомъ-то и состоитъ ловкость. Онъ долженъ часто казаться довольнымъ, когда раздраженъ, и серьёзнымъ, когда веселъ. Притворство его никогда не должно выражаться словами. Это было бы лживостью и наложило бы неизгладимое пятно на его репутацію. Искусный посолъ долженъ быть гостепріимнымъ хозяиномъ. Пріемы, сообразные съ его доходами и состояніемъ, необходимы. Долги же, напротивъ, его несчастье: они навлекаютъ на него порицаніе и насмѣшки и ставятъ его въ рабскую зависимость. Если онъ не въ состояніи устранить ихъ дурныя послѣдствія, то можетъ быть увѣренъ, что они выпадутъ на его долю.

Всякое многочисленное собраніе есть толпа, отдѣльныя лица которой могутъ быть, чѣмъ хотятъ. Масса не одарена умомъ, а обладаетъ лишь глазами и ушами, которымъ должно льстить и которыхъ слѣдуетъ обольщать.

Несомнѣнно, что масса, дѣйствующая заодно и одушевляющаяся, всегда что-нибудь предпринимаетъ, будь это хорошее или дурное. Послѣднее, во всякомъ случаѣ, бываетъ чаще. Люди, въ отдѣльности бывшіе совершенно спокойными, при столкновеніи съ другими становятся пылкими, страстными и готовыми на всякое безчинство, па

которое натолкнутъ ихъ руководители. Если-же руководители ни на что ихъ не наталкиваютъ, то они справляются сами. Но этимъ руководителямъ народа и партій слѣдовало бы быть осторожнѣе и не возбуждать толпы, безъ крайней необходимости. Если-же ихъ сдерживаютъ часто, то они принимаютъ характеръ обыкновенныхъ ежедневныхъ явленій и тогда уже не кажутся врагамъ столь страшными. Если ты будешь тщательно слѣдить за массами, то увидишь, что страсти и возбужденія всегда возрастаютъ или падаютъ, по мѣрѣ ихъ численности. Когда масса очень велика, то она какъ-будто совсѣмъ теряетъ разсудокъ и внезапное безуміе охватываетъ самыхъ хладнокровныхъ.

Я старался извлечь для тебя нѣкоторыя основныя правила изъ памятной книжки кардинала Реца. Онѣ придуманы не имъ самимъ, а извлечены изъ опыта. А я могу ручаться за истинность ихъ моей собственной опытностью. Вотъ онѣ:

Всякое общество есть толпа, а потому все въ ней сообразуется съ обстоятельствами времени.

*
* *

Все, что кажется отважнымъ, хотя въ дѣйствительности не таково, почти всегда умно.

*
* *

Нерѣшительные люди всегда охотно принимаютъ такія предложенія, которыя могутъ распадаться въ раз-

ныя стороны, а потому и не вынуждають къ немедленному рѣшенію.

*
* *

При важныхъ случаяхъ каждый шагъ имѣетъ значеніе.

*
* *

Бываютъ времена, въ которыя извѣстные люди всегда правы.

*
* *

Ничто такъ не убѣждаетъ слабоумныхъ, какъ то, чего они не понимаютъ.

*
* *

Партіи, дѣйствующія лишь оборонительнымъ путемъ, должны пользоваться моментомъ. Но самое затруднительное въ такихъ случаяхъ это опасеніе партіи, что если моментъ этотъ пропущенъ, то она погибла.

*
* *

Руководители партій господствуютъ надъ ними лишь до тѣхъ поръ, пока умѣютъ сдерживать или умѣрить негодованіе.

*
* *

Когда страхъ достигъ извѣстной степени, онъ производитъ то-же дѣйствіе, что и смѣлость.

*
* *

При серьезныхъ случаяхъ также необходимо обдумывать каждое слово, какъ это излишне при маловажныхъ.

*
* *

Нѣтъ ничего труднѣе для государственнаго дѣятеля, какъ осторожный образъ дѣйствій при затишьѣ, непосредственно слѣдующемъ за бурею, потому что тогда лесть удваивается, а злоба все-таки не потухаетъ.

* * *

Нельзя питать столь сильное отвращеніе къ ошибкамъ своихъ друзей, чтобы тѣмъ дать мѣсто успѣхамъ враговъ.

* * *

Способность подслуживаться полезнѣе, чѣмъ способность убѣждать, потому что подслужиться можно ко всякому, а убѣдить почти никого.

* * *

Слабоумнымъ отъ природы нужно указывать всевозможныя опасности. Это лучшее средство принудить его идти тѣмъ путемъ, который ему укажутъ.

* * *

На возможное надо отваживаться, такъ часто, какъ только человѣкъ въ состояніи, чтобы даже самый неуспѣхъ былъ ему на пользу.

* * *

Нерѣшительные люди никогда не могутъ сойтись въ способѣ дѣйствій, даже если они уже у цѣли.

* * *

Лукавыхъ можно, навѣрное, привлечь на свою сторону, если только сумѣть увѣрить ихъ, что хочешь обма-

нуть тѣхъ, которымъ, въ дѣйствительности, желаешь служить.

*
* *

Сообщеніе такихъ вещей, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ не понравятся, должно быть сдѣлано съ крайнимъ, видимымъ чистосердечіемъ.

*
* *

Благосклонностью никогда не должно шутить. Если она искренняя, то нельзя черезчуръ ею пользоваться, если-же притворна, то надо возможно осторожнѣй довѣряться ея соблазну.

*
* *

Большинство людей не настолько стараются узнать причины, мѣшающія осуществленію ихъ плановъ, насколько заставить противника принять ихъ мнѣніе.

*
* *

Подчиненному никогда не позволяется говорить такъ, какъ говоритъ тотъ, передъ которымъ онъ благоговѣетъ, но поступать такъ дозволяется.

*
* *

Если только одинъ счастливый случай сдѣлалъ кого-либо государственнымъ человѣкомъ, изъ того почти всегда вскорѣ выйдетъ смѣшной частный человѣкъ.

*
* *

Наибольшее несовершенство людей есть самодоволь-

ство, которымъ они убѣждаютъ себя, что другіе обладаютъ такими-же недостатками, какъ и они.

*
* *

Только опытъ можетъ удержать людей предпочитать то, что тревожитъ ихъ въ настоящую минуту, тому, что гораздо серьезнѣе будетъ тревожить въ будущемъ.

*
* *

Въ серьзныхъ вещахъ надо старательнѣе воздерживаться отъ пошлости, чѣмъ въ шуткахъ.

*
* *

Въ важныхъ обстоятельствахъ нельзя достаточно взвѣшивать самыя маловажныя слова.

*
* *

Только продолжительное счастье закрѣпляетъ большую часть дружескихъ связей.

*
* *

Кто сзываетъ народъ, тотъ подстрекаетъ его.

*
* *

Часто дѣлать заговоры, безумство но ничто такъ не способно сдѣлать людей впослѣдствіи благоразумными хотя на нѣкоторое время. Такъ какъ опасность при этихъ случаяхъ еще продолжается, то люди становятся по необходимости умнѣе и осторожнѣе.

*
* *

Ограниченный человѣкъ, который впослѣдствіи легко заслуживаетъ несправедливое недовѣріе, есть величайшій

противникъ хорошаго руководителя партіи, потому что послѣднему приходится часто и неизбѣжно при многихъ случаяхъ подавлять при всѣхъ и даже скрывать наисправедливѣйшее недовѣріе.

*
* *

Ничто не можетъ такъ усилить и поддержать возстаніе, какъ если того, противъ кого оно направлено, сдѣлаютъ посмѣшищемъ.

*
* *

У людей, которые привыкли заниматься серьёзными дѣлами, скрытность совсѣмъ не такъ рѣдка, какъ полагаютъ.

*
* *

Спускаться до низшихъ есть лучшій способъ поставить высшихъ въ уровень съ собою.

*
* *

У знатныхъ людей страданія считаются большими добродѣтелями.

*
* *

Есть извѣстнаго рода сбивчивый языкъ, который иногда изучается практикой, но никогда теоріей.

*
* *

Всѣ государства не могутъ отнять репутаціи у того, кто умѣетъ удержать ее въ своей партіи.

*
* *

Также часто можно быть одураченнымъ недовѣріемъ, какъ и довѣріемъ.

*
* *

Никогда не можетъ быть большаго вреда, какъ въ томъ случаѣ, когда правители государства потеряютъ стыдъ, потому что въ это время подчиненные теряютъ уваженіе. Тогда, хотя они и пробуждаются но съ мучительными судорогами.

*
* *

Государственному человѣку менѣе прилично говорить глупости, чѣмъ дѣлать ихъ.

*
* *

Если кто не нравится государственному человѣку, то всякій даваемый ему совѣтъ онъ принимаетъ за проступокъ.

*
* *

Ловкость есть одно изъ самыхъ необходимыхъ качествъ для рѣшенія важныхъ вопросовъ.

*
* *

Тамъ, гдѣ существуютъ партіи, тамъ гораздо труднѣе сладить съ своей, чѣмъ противодѣйствовать противной.

*
* *

Величайшая опасность имѣетъ свою прелесть, если въ случаѣ плохаго исхода, имѣютъ въ виду хоть нѣкоторую славу. Посредственная же остается лишь ужасной, если, къ несчастью, еще потеряешь хорошую репутацію.

*
* *

Бываютъ обстоятельства, когда благоразуміе заставляетъ при случаѣ позаимствоваться совѣтомъ.

*
* *

Нѣтъ въ мірѣ ничего такого, что не имѣло бы своего рѣшительнаго момента. Величайшая степень ловкости — предугадать его и воспользоваться имъ.

*
* *

Внушать отвращеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждать смѣхъ — есть наиопаснѣйшее и невыносимѣйшее положеніе.

*
* *

Слабоумные люди никогда не уступятъ во-время.

*
* *

Примѣры прошлаго сильнѣе дѣйствуютъ на людей, чѣмъ примѣры настоящаго. Къ тому, что мы видимъ — мы привыкаемъ. Лошадь Калигуллы, въ должности бургомистра, быть можетъ, не удивила бы насъ такъ, какъ мы думаемъ.

*
* *

Никогда не слѣдуетъ браться за то, чего недумаешь достигнуть.

*
* *

Властвовать надъ народомъ есть нѣчто крайне непріятное, потому что часто приходится отвѣчать за то, что̀ сдѣлалось вопреки нашей волѣ.

*
* *

√.

Одна изъ величайшихъ непріятностей гражданской войны состоитъ въ томъ, что надо гораздо болѣе обращать вниманія на то, чего не слѣдуетъ говорить своимъ друзьямъ, чѣмъ на то, что̀ должно дѣлать противъ своихъ враговъ.

*
* *

Ничто не можетъ быть непріятнѣе для великаго человѣка, какъ неумѣнье стяжать себѣ славу въ рѣшительный моментъ. Обыкновенно ему даютъ миновать для того, чтобы вѣрнѣе захватить моментъ счастья. Но въ этомъ-то именно постоянно и ошибаются.

Глава VI.

Мѣры предосторожности и совѣты.

Два главныя качества опытнаго свѣтскаго человѣка.—Мѣра и границы ея.—Цѣнность самообладанія.—Сдержанность въ мысляхъ.—Внимательность и проницательность.—Искуство прикидываться незнающимъ.—Осмотрительность въ дружбѣ.—Клятвенное увѣреніе.—Довѣріе къ честности человѣка.—Пренебреженіе и презрѣніе.—Какъ надо обращаться съ глупцами и обманщиками.—Какъ относиться къ соперникамъ и врагамъ.—Какъ къ государственнымъ людямъ.—Осторожность въ шуткахъ.—Подражаніе.—Злословіе.—Различіе въ мысляхъ.—Скрытность.—Таинственный образъ дѣйствій.—Предубѣжденіе духовенства противъ брака.—Какъ противустоять насмѣшкамъ.—Увѣщанія.

Знаніе свѣта научаетъ насъ въ особенности двумъ чрезвычайно важнымъ вещамъ, къ которымъ мы, однако, не имѣемъ отъ природы ни малѣйшей склонности. Первая та, что мы должны вполнѣ владѣть нашимъ темпераментомъ и нашей физіономіей. Человѣкъ, незнающій свѣта, будетъ при всякомъ непріятномъ случаѣ выходить изъ себя отъ гнѣва и приходить въ уныніе отъ стыда. Гнѣвъ дѣлаетъ то, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ,

какъ безумный, а стыдъ дѣлаетъ его дуракомъ. Свѣтскій же человѣкъ, напротивъ, какъ будто не понимаетъ того, за что онъ не можетъ или не долженъ наказывать. Сдѣлалъ онъ ошибку, то снова поправляетъ ее своимъ хладнокровіемъ, вмѣсто того, чтобы какъ спотыкливая лошадь, запутываться все глубже и глубже.

Вторая—это открытая физіономія и сдержанность мысли. Люди, безъ свѣтскаго лоска, имѣютъ болтливыя физіономія и настолько глупы, что выказываютъ то, чего, по недостатку ума, не могутъ высказать. При знаніи-же свѣта часто приходится въ самыхъ непріятныхъ случаяхъ принимать непринужденное, веселое выраженіе. Надо казаться довольнымъ, когда въ дѣйствительности этого вовсе нѣтъ. Надо быть въ состояніи съ улыбкой принимать такихъ людей, которымъ охотнѣе всадилъ-бы шпагу въ бокъ. При дворѣ въ особенности нельзя выворачивать всю свою внутренность. Но все можетъ и должно происходить безъ фальши и безъ лжи. Не должно выходить изъ границъ вѣжливости и благовоспитанности. Увѣреній въ притворной дружбѣ должно избѣгать. Хорошее обращеніе съ людьми, которыхъ не любишь, есть такъ-же мало нарушеніе правды, какъ, когда при требованіи долга подписываются «вашъ покорный слуга». Относительно этого всѣ сходятся и никто не смотритъ иначе, какъ на установившійся обычай. Подобныя вещи

суть необходимая охрана общественнаго благоприличія и спокойствія. Правда, но не безусловная правда должна быть первымъ основнымъ правиломъ каждаго человѣка, имѣющаго религію, честь и умъ. Трудно опредѣлить, кто глупѣе: тотъ-ли, кто говоритъ всегда правду или тотъ, кто вовсе не говоритъ ея. Но тѣ которые переходятъ границы, вовсе не умные люди. Дураки и трусы прибѣгаютъ къ лжи и къ вѣроломству, какъ къ защитѣ.

Мнѣ часто случалось видѣть, какъ люди съ ограниченнымъ умомъ властвовали надъ людьми высоко даровитыми, безъ того, чтобы послѣдніе сознавали, или хотя-бы подозрѣвали это. Но это можетъ случаться лишь тогда, когда менѣе даровитые люди обладаютъ большимъ знаніемъ свѣта и опытностью, чѣмъ тѣ, надъ которыми они господствуютъ. Люди первой категоріи слѣдятъ за слабыми сторонами, обращаются къ нимъ, подчиняютъ ихъ себѣ, а все остальное слѣдуетъ затѣмъ.

Лучшія качества суть самообладаніе, хладнокровіе и веселое выраженіе лица. Они мѣшаютъ намъ обнаруживать тѣ страсти и мысли, которыя внутренно волнуютъ насъ и открытіе которыхъ даетъ преимущество надъ нами людямъ, болѣе хладнокровнымъ и разумнымъ не только въ важныхъ дѣлахъ, но и въ обыденныхъ случаяхъ жизни.

Тотъ, кто не владѣетъ собою настолько, чтобы пере-

носить непріятныя вещи безъ замѣтнаго негодованія или съ измѣнившимся лицомъ, а равно и пріятное принимать безъ внезапнаго выраженія радости, тотъ всегда будетъ во власти какого-нибудь ловкаго обманщика или безстыднаго плута. Послѣдніе будутъ умышленно восхвалять или льстить ему, чтобы уловить какое-нибудь неосторожное слово или взглядъ, чѣмъ они легко откроютъ его сердечныя тайны, которыя должно всегда держать подъ замкомъ, не довѣряя ихъ ни одной живой душѣ.

Благоразумное, тщательное обсужденіе всегда будетъ имѣть верхъ. Можно также легко привыкнуть побѣждать страсть разсудкомъ, какъ, — что бываетъ въ большинствѣ случаевъ,—разсудокъ страстью. Если-же ты чувствуешь, что тобою овладѣлъ внезапный порывъ гнѣва, напримѣръ, то старайся, по крайней мѣрѣ, не произносить ни одного слова, пока онъ не утихъ. Такъ и относительно своей физіономіи надо соблюдать безстрастность. Постояннымъ вниманіемъ ты можешь пріобрѣсти извѣстную ловкость въ этомъ отношеніи. Во всякихъ переговорахъ я не желалъ-бы ничего лучшаго, какъ имѣть дѣло съ горячими, страстными людьми. Въ дѣловыхъ-же сношеніяхъ это очень полезное правило: показывать открытое лицо и скрывать мысли. Въ игрѣ-же это настолько необходимо, что тотъ, который не владѣетъ своимъ характеромъ и своей физіономіей, навѣрно, удетъ обыгранъ и, именно тѣми, которые держатся

упомянутаго правила, какъ-бы они честно ни играли. Въ дѣлахъ-же часто приходится имѣть дѣло съ недобросовѣстными игроками. А потому не слѣдуетъ предоставлять имъ еще преимущества. Обращай вниманіе не на то только, чтò люди говорятъ, но и на то, какъ они это говорятъ. Если ты обладаешь нѣкоторою проницательностію, то откроешь истину больше помощію глазъ, чѣмъ ушей. Говорить люди могутъ что хотятъ, но владѣть своей физіономіей не всегда въ состояніи. Ихъ взоры часто выдаютъ то, что они хотѣли-бы скрыть своими словами.

Наблюдай же внимательно за взорами людей не только, когда они разговариваютъ съ тобою, но и съ другими. На физіономіи людей я часто читалъ то, чтò они говорили, хотя и не понималъ ни одного слова. Смотри постоянно въ лицо того человѣка, съ которымъ разговариваешь. Если ты этого не дѣлаешь, тебя заподозрятъ въ томъ, что у тебя совѣсть не чиста. Вмѣстѣ съ тѣмъ ты потеряешь ту выгоду, чтобы понимать впечатлѣніе, производимое на нихъ твоею рѣчью. Я въ этомъ болѣе полагаюсь на зрѣніе, чѣмъ на слухъ.

Самая важная наука—знаніе свѣта, никогда не можетъ быть пріобрѣтена безъ особенно большаго вниманія. Я знаю много старыхъ людей, которые хотя долго жили въ свѣтѣ, но относительно пониманія остались дѣтьми. Они идеализируютъ всѣхъ и простодушно вѣрятъ раз-

личнымъ хитростямъ, которыя употребляютъ всѣ, чтобы скрыть истину. Внимательность и проницательность должны проникать черезъ эти маски и открывать истинный и настоящій характеръ.

Въ обращеніи съ людьми часто приходится притворяться въ незнаніи такихъ вещей, которыя въ сущности очень хорошо тебѣ извѣстны, и въ томъ, что ты будто бы забылъ то, что̀ отлично помнишь. Притворное невѣденіе есть очень важная статья въ знаніи свѣта. Оно вообще рекомендуется въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку хочется высказать что-нибудь. Когда тебѣ говорятъ: «Вы ничего не слыхали о томъ-то или о томъ-то?» благоразумнѣе отвѣчать отрицательно и оставить его продолжать, хотя вы отлично другъ друга понимаете. Есть люди, очень любящіе разсказывать, потому что воображаютъ, что умѣютъ это дѣлать особенно хорошо. Другіе гордятся своимъ остроуміемъ. Многіе имѣютъ также тщеславіе выказывать, что имъ — конечно, незаслуженно — всѣ оказываютъ довѣріе. Все это, въ сущности, дѣлается изъ разсчета, а если ты скажешь имъ это, то поступишь крайне безтактно. Будь откровененъ только съ искреннимъ другомъ. Оскорбленные осуждаютъ притворщика почти также, какъ и вора.

Несмотря, однако, на то, старайся пріобрѣсть опытность и разузнать хорошенько обо всякомъ событіи. Но освѣдомляйся осторожно и не всегда прямыми и частыми

вопросами, потому что изъ этого слѣдуетъ то, что люди обращаютъ на это вниманіе и недовольны тѣмъ, если эти разспросы слишкомъ часто повторяются. Иногда притворяйся незнающимъ тѣхъ вещей, которыя тебѣ хотѣлось-бы разузнать. Тогда тебѣ съ большой готовностью сообщатъ дальнѣйшія свѣденія. Говори иногда, что ты слышалъ такъ-то и такъ-то, или притворись, что знаешь больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы разузнать все, что тебѣ нужно. Но избѣгай, насколько можешь, прямыхъ вопросовъ.

Всѣ эти необходимыя жизненныя познанія требуютъ постояннаго вниманія, присутствія духа и хладнокровія. Какъ Ахиллъ ни былъ неуязвимъ, онъ все-таки выходилъ на бой въ полномъ вооруженіи. Малѣйшое невниманіе и разсѣянность могутъ быть вредны.

Если кто-нибудь, кого ты знаешь лишь поверхностно и никогда не выказывалъ ему ни малѣйшаго дружескаго расположенія, вздумаетъ вдругъ увѣрять тебя въ особенной симпатіи, прими это вѣжливо, но не довѣряйся его дружбѣ. Никто съ перваго взгляда не можетъ полюбить человѣка. Если кто-нибудь станетъ увѣрять и клясться въ томъ, что совершенно правдоподобно само по себѣ, и достаточно одного упоминанія, то будь увѣренъ, что онъ лжетъ и что̀ ему чрезвычайно хочется увѣрить тебя, иначе онъ не прилагалъ бы для этого такъ много труда.

Я слишкомъ хорошо знаю людей, чтобы слишкомъ довѣряться ихъ клятвамъ. Для меня гораздо важнѣе правдоподобіе, подтверждаемое различными обстоятельствами, чѣмъ клятвенныя увѣренія человѣка или его честное слово. Мнѣ часто приходилось убѣждаться, что всѣ эти клятвы происходили подъ вліяніемъ эгоистическихъ цѣлей.

И въ хорошемъ обществѣ ты будешь иногда встрѣчать людей, которые шпигуютъ свои рѣчи клятвами; они воображаютъ, что этимъ они украшаютъ ихъ. Эти люди не дѣлаютъ этимъ чести обществу. Это всегда люди неблаговоспитанные.

Намѣренія человѣка могутъ быть самыя честнѣйшія. Объ этомъ и не спорь, иначе тебя могутъ принять за человѣка завистливаго или злаго. Но не принимай эту честность на вѣру до такой степени, чтобы довѣрить ей свою жизнь, свое счастье или свою репутацію. Этотъ честный человѣкъ можетъ сдѣлаться твоимъ соперникомъ въ разсужденіи власти, выгоды или любви—три страсти, которыя подвергаютъ честность большимъ испытаніямъ. Нерѣдко она даже не выдерживаетъ ихъ. Разбери сначала хорошенько честнаго человѣка, тогда ты будешь въ состояніи рѣшить, можешь-ли ты ему вполнѣ довѣриться или нѣтъ.

Не довѣряйся тѣмъ, которые даютъ понять, что они одни обладаютъ добродѣтелями; не довѣряйся, говорю

тебѣ, потому что они обыкновенно бываютъ обманщиками, но остерегайся думать, что они всегда таковы. Я нѣкогда изучалъ святыхъ, которые дѣйствительно были благочестивы, хвастуновъ, которые, на самомъ дѣлѣ, были храбры, цивилизаторовъ дѣйствительно честныхъ, недоступныхъ, которые въ самомъ дѣлѣ были цѣломудренны. Проникай, насколько можешь, въ самую глубину твоего собственнаго сердца и не принимай никогда описаніе человѣка за безусловно справедливую характеристику его. Въ цѣломъ оно оказывается вѣрнымъ, но въ деталяхъ всегда ложно. Остерегайся тѣхъ, которые при поверхностномъ знакомствѣ предлагаютъ тебѣ свою дружбу; смотри, отъ чистаго ли сердца и прстодушія исходитъ это предложеніе, или изъ холоднаго разсчета, и коварнаго умысла. Обманъ и глупость часто имѣютъ одинаковые признаки. Въ первомъ случаѣ не предстоитъ никакой опасности, такъ какъ дружба не цѣнится выше того, чего она стоитъ. Во второмъ можетъ быть даже польза, если ее принимаютъ лишь видимо и направляютъ батарею противъ того, кто ее сначала возвелъ.

Иные люди недовѣрчивѣе другихъ, а иные съ превратными взглядами, но всѣ обладаютъ такимъ тщеславіемъ, что считаютъ себя оскорбленными при малѣйшей тѣни пренебреженія или неуваженія къ нимъ. Не всякій хочетъ быть поэтомъ, математикомъ или государственнымъ человѣкомъ и казаться имъ. Но претендуетъ на здра-

вый умъ и приличное положеніе въ обществѣ. А потому пренебреженія или сомнѣнія въ этомъ отношеніи никто легко не прощаетъ.

Старайся же тщательно скрывать твое презрѣніе, какъ бы оно ни было справедливо, если не хочешь нажить себѣ непримиримыхъ враговъ. Если ты даешь человѣку понять, что считаешь его глупымъ, невѣждой или совершенно необразованнымъ и неблаговоспитаннымъ, то онъ будетъ гораздо дольше и сильнѣе ненавидѣть тебя, чѣмъ еслибъ ты прямо назвалъ его мошенникомъ. Ничего не можетъ быть обиднѣе и непростительнѣе, какъ дать человѣку почувствовать недостатокъ его образованія, положенія и состоянія. Въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ, это и несправедливо, потому что они отнюдь не зависятъ отъ самого человѣка. Намекъ же на недостатокъ знаній неблагопристоенъ и злостенъ. Цивилизація и добродушіе болѣе всего располагаютъ насъ помогать и поддерживать людей, а отнюдь не оскорблять и унижать ихъ. Между людьми такъ много дураковъ и обманщиковъ, что приходится относиться къ нимъ съ уваженіемъ, благодаря ихъ численности. Кто каждому обманщику или глупцу дастъ понять, что онъ считаетъ его таковымъ, тотъ попадетъ въ опасную борьбу съ массою, которая далеко превзойдетъ твоихъ союзниковъ. Обманщиковъ призирай, глупцовъ жалѣй! И обоихъ отъ души. Но никому не давай замѣтить твоихъ чувствъ. Благоразумно быть привѣтливымъ и

учтивымъ даже и съ глупцами, равно какъ иногда необходимо и вовсе нетрудно молчаливое презрѣніе относительно обманщика. Ты доженъ обнимать человѣка, котораго ненавидишь, если не можешь оттолкнуть его.

Нѣкоторые вовсе не могутъ настолько владѣть собою, чтобы быть непринужденными и вѣжливыми въ отношеніи своихъ соперниковъ или противниковъ, какъ бы при другихъ обстоятельствахъ они ни высоко цѣнили ихъ и желали имъ понравиться. Въ ихъ обществѣ они робки, неловки и пользуются всякимъ поводомъ къ порицанію. Чрезъ это они создаютъ себѣ изъ случайныхъ, мимолетныхъ противниковъ личныхъ враговъ; это и неблагоразумно, и опасно.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось бы дѣйствовать противъ кого-нибудь, я былъ бы особенно учтивъ, простъ и чистосердеченъ. Это называютъ обыкновенно благородной цивилизованностью и великодушіемъ, тогда какъ въ сущности это выказываетъ лишь здравомысліе и государственную мудрость. Способъ дѣйствія также важенъ, какъ и самое дѣйствіе, а иногда и еще важнѣе. Расположеніе можетъ иного сдѣлать нашимъ врагомъ, а оскорбленіе—другомъ. Это происходитъ единственно отъ того, какъ ты будешь дѣйствовать. Относительно твоихъ дружескихъ отношеній, равно какъ и непріязненныхъ, правило это крайне полезно.

Твердость твоя и усердіе должны пріобрѣсти тебѣ

расположеніе другихъ. Обращеніе же сдерживать враговъ твоихъ друзей и переносить свою вражду на тебя. Враги твои должны быть обезоружены пріятнымъ твоимъ обращеніемъ, но должны также чувствовать и силу твоего справедливаго негодованія. Большая разница между терпѣливой выносливостью злости, которая всегда безразсудна, и твердой самозащитой, которая всегда справедлива и благоразумна. Кто терпѣливо позволяетъ бить и толкать себя, тотъ также мало можетъ претендовать на смѣлость, какъ запятнанный недостатками и преступленіями,—на собственное достоинство.

При переговорахъ съ государственными людьми стой твердо на своемъ. Не уступай ни одного пункта, не принимай ни одного предложенія, безъ крайней необходимости, да и тогда еще отстаивай каждый дюймъ. Разъ ты достигъ этого, старайся склонить къ себѣ сердце человѣка кротостью и смиреніемъ. Разъ-же ты пріобрѣлъ его сердце, то ты на хорошемъ пути, чтобы затмить его умъ и покорить волю. Затѣмъ вырази ему дружелюбнымъ и любезнымъ образомъ, что политическія разногласія не уменьшаютъ твоего личнаго глубокаго уваженія къ нему. Этимъ ты часто можешь и будешь выигрывать и никогда не проиграешь.

Попытка сказать что-либо остроумное, и злобное одобреніе, съ которымъ эта острота обыкновенно принимается, дѣлала людей, которые могли это сказать, не-

примиримыми врагами болѣе, чѣмъ что-либо другое. Верхъ глупости—шутки ради потерять друга. Но по моему мнѣнію, не менѣе глупо и то, чтобы, благодаря остроумной выходкѣ, изъ равнодушнаго къ тебѣ человѣка сдѣлать врага. Если на тебя будутъ направлены подобныя нападки, то всего благоразумнѣе держать себя такъ, какъ будто ты не замѣчаешь, что это относится къ тебѣ, и скрывать свое негодованіе. Но если уже нападки станутъ настолько ясны, что ты долженъ понять ихъ, то смѣйся надъ собой вмѣстѣ со всѣми, и замѣть, что это ловкое нападеніе и остроумная шутка, и пускай все пройдетъ своимъ порядкомъ, но никогда не отвѣчай, потому что этимъ ты покажешь, что разсердился и подашь поводъ противникамъ считать себя побѣдителями. Если-же подобное нападеніе задѣнетъ твою честь или доброе имя, то на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Но я надѣюсь, что тебѣ никогда не придется давать его.

А потому не пытайся никогда раскрывать слабости и ошибки другихъ ради того, чтобы позабавить общество или выказать свои собственныя преимущества. Этимъ ты можешь на минуту возбудить смѣхъ и привлечь на свою сторону, но наживешь враговъ навсегда. Даже сами смѣющіеся будутъ въ послѣдствіи бояться и ненавидѣть тебя. Коль скоро ты обладаешь остроуміемъ, то употребляй его на то, чтобы нравиться, а отнюдь не на то, чтобы

оскорблять. Ты, конечно, можешь блистать, но такъ, какъ солнце въ умѣренныхъ поясахъ, гдѣ оно не опаляетъ. Тамъ оно желательно, а въ тропическихъ странахъ его боятся.

Подражаніе,—любимое наслажденіе мелкихъ умовъ, а между сильными характерами въ большомъ презрѣніи. Не употребляй его ни самъ, ни одобряй его въ другихъ.

Различіе мнѣній отчуждаетъ недостаточно умныхъ людей даже высшихъ сословій хотя бы проявлялось и въ пустякахъ. Достаточно для этого похвалить или побранить повара или портнаго какого-нибудь знатнаго лица. Стоитъ ли же изъ-за этого ссориться? Переучить людей невозможно, а вызвать ихъ неудовольствіе, напротивъ, очень легко.

Безполезное любопытство въ мелочахъ и слишкомъ большое вниманіе къ ничтожнымъ вещамъ, о которыхъ не стоитъ и думать, унижаютъ человѣка. Судя по этому, не безъ основанія, считаютъ его неспособнымъ къ болѣе серьёзнымъ вещамъ. Кардиналъ Рецъ тотчасъ поставилъ кардинала Киджи въ число людей ограниченныхъ, какъ только узналъ, что послѣдній три года писалъ однимъ и тѣмъ-же перомъ, и оно все еще было хорошо.

Будь молчаливъ! Извѣстно, что дѣловые люди знаютъ цѣну молчанія и замѣчаютъ его. Довѣрить другу, женѣ или возлюбленной тайну, которая ихъ не касается, значитъ выказать слабость, такъ какъ они убѣждены, что

она передана еще человѣкамъ двадцати другимъ, изъ чего они выводятъ заключеніе, что, не опасаясь сдѣлать большую нескромность, могутъ разболтать ее, безъ страха быть открытыми. Тайна-же, довѣренная только той личности, съ которой имѣютъ дѣло, сохраняется свято, какъ принадлежащая ей одной. Маленькія тайны обыкновенно идутъ дальше, но большія умалчиваются.

Таинственное поведеніе есть молчаливость слабоумнаго или лукаваго человѣка. Кто обо всемъ молчитъ или все выдаетъ, тому ничего не скажутъ. Если дуракъ знаетъ какую-нибудь тайну, то выбалтываетъ ее только потому, что онъ глупъ. Когда-же тайна извѣстна обманщику, то онъ открываетъ ее тогда, когда это ему выгодно. Но женщины и молодые люди очень склонны разбалтывать всѣ тайны, какія только знаютъ, потому что они настолько тщеславны, что хотятъ показать, что къ нимъ имѣютъ довѣріе. Если ты хочешь избѣжать этого, то не довѣряй этимъ людямъ ничего.

Бываютъ случаи, когда приходится открыть на половину свою тайну для того, чтобы скрыть остальную половину, но рѣдко такіе, чтобы приходилось открывать все. Для этого нужно имѣть много соображенія, чтобы знать, какъ далеко можно пойти и когда остановиться. Ловкій государственный дѣятель съумѣетъ тщательно различить большія и малыя цѣли своихъ дѣяній. О послѣднихъ онъ будетъ прямодушно и чистосер-

дечно распространяться, но о первыхъ тщательно умалчивать.

Въ заключеніе, я посовѣтовалъ бы тебѣ никогда не нападать на всѣ классы людей. Кромѣ того, что всѣ общія правила имѣютъ исключенія, и, нападая на всѣхъ, ты неизбѣжно пріобрѣтешь себѣ много враговъ. Между женщинами, равно какъ и между мужчинами, есть и хорошіе, и дурные люди; между первыми, можетъ быть, столько-же, а пожалуй, нѣсколько болѣе добрыхъ, чѣмъ между послѣдними. Правило это имѣетъ также силу относительно юристовъ, солдатъ, духовенства, придворныхъ, мѣщанъ и т. п. Всѣ они люди, поддающіеся одинаковымъ страстямъ и мнѣніямъ, и различаются лишь въ своемъ обращеніи по мѣрѣ ихъ воспитанія. Было бы неосторожно и несправедливо нападать на всѣхъ сообща. Отдѣльныя личности прощаютъ иногда, но цѣлый классъ людей—никогда.

Многіе люди считаютъ очень остроумнымъ и бонтоннымъ нападать на духовенство. Религія—также любимая тема этихъ людей. Они говорятъ, что она не болѣе, какъ поповская хитрость и поддерживается лишь ради ихъ власти и выгоды. Это заблужденіе даетъ поводъ къ самымъ нелѣпымъ и неприличнымъ нападкамъ на духовенство. Въ глазахъ такихъ людей каждое духовное лицо есть тайный или явный атеистъ, пьяница или развратникъ. По моему мнѣнію, духовные такіе-же хорошіе лю-

ди, какъ и другіе, и, конечно, не отъ того они хуже, что носятъ черную одежду. Если-же они не такіе, какъ прочіе люди, то это должно приписать ихъ воспитанію и образу жизни, равно какъ ихъ религіи, нравственности, и ихъ благосостоянію.

Другая тема для плоскихъ шутокъ и ложнаго остроумія есть бракъ. Нѣкоторые мужчины и женщины должны были бы ненавидѣть другъ друга, между тѣмъ, какъ они по всему свѣту представляютъ совершенно противное. Мужъ, говорятъ, желалъ бы отправить жену къ чорту, а эта, въ свою очередь, обманываетъ своего мужа.

Я полагаю, что мужчина и женщина не больше, а пожалуй, меньше любятъ другъ друга, потому что надъ ними совершенъ обрядъ бракосочетанія. Супружеское сожительство приводитъ однако къ тому, что они впослѣдствіи больше любятъ или ненавидятъ другъ друга, смотря по тому, кто изъ нихъ чего заслуживаетъ. Вѣдь то-же самое мы видимъ и у людей, живущихъ вмѣстѣ безъ вѣнчанья.

Эти и многія другія, употребительныя, и ложныя, и справедливыя насмѣшки, составляютъ жалкое прибѣжище людей, необладающихъ ни остроуміемъ, ни находчивостью, а желающихъ блистать въ обществѣ поддѣльной мишурой. Я постоянно вывожу изъ себя этихъ безстыдныхъ ротозѣевъ, когда принимаю совершенно серьезную мину въ то время, какъ они ждутъ, что я

стану смѣяться ихъ остроумію, или же скажу: „хорошо, что-жъ дальше? «какъ будто предполагаю, что они не окончили и что самое остроумное появится впослѣдствіи

Это смущаетъ ихъ, потому что у нихъ нѣтъ никакихъ собственныхъ вспомогательныхъ средствъ, а только извѣстное число шутокъ, которыми они и довольствуются. Люди съ умомъ и сердцемъ презираютъ подобныя жалкія средства. Они находятъ приличный матеріалъ для болѣе полезныхъ или веселыхъ разговоровъ. Они могутъ быть остроумными, не прибѣгая къ сатирѣ и старымъ шуткамъ, и быть серьезными, не будучи скучными.

Всѣ обыкновенныя насмѣшки надъ націями обществами и сословіями — древне-франкскія шутки, къ которымъ прибѣгаютъ люди, необладающіе собственнымъ остроуміемъ. По отдѣльнымъ личностямъ заключай объ ихъ характерѣ, какъ ты изучалъ ихъ, а никакъ не по ихъ роду, образу жизни или ихъ положенію.

КОНЕЦЪ.